

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ ИМЕНИ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН

МАДЖАР И НИЖНИЙ ДЖУЛАТ

ИЗ ИСТОРИИ
ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Нальчик • 2015

УДК – 94(470,6)
ББК – 63.3(235.7)49
М – 13

*Печатается по решению Ученого совета ФГБНУ
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»*

Автор научного проекта
доктор исторических наук **Э.Д. Зиливинская**

Ответственный редактор
доктор исторических наук **Б.Х. Бгажников**

Рецензент
кандидат исторических наук, доцент **В.А. Фоменко**

Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа / *авт. науч. проекта Э.Д. Зиливинская.* – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 184 с.

Книга посвящена двум наиболее крупным и ярким памятникам золотоордынского времени Северного Кавказа: городу Маджар и городу Нижний Джулат. Монография дополняет книгу В.А. Кузнецова о Верхнем Джулате (Татар-тупе), вышедшую в 2014 г. как первая часть обобщающей работы под общим названием «Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа».

В публикации о Маджаре и Нижнем Джулате впервые обобщены археологические и другие исторические источники об этих средневековых городах. Работа богато иллюстрирована.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: историков, учителей и учащихся школ, студентов и всех интересующихся историей.

ISBN 978-5-91766-113-1

© Зиливинская Э.Д., автор научного проекта,
текст, 2015
© КБИГИ, 2015
© ИЭА РАН, 2015

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCH

THE FEDERAL STATE BUDGETARY ESTABLISHMENT OF SCIENCE
INSTITUTE OF ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY NAMED
AFTER N.N. MIKLUKHO-MACLAY RAS

MADZAR AND LOWER DZHULAT

**FROM THE HISTORY
OF THE GOLDEN HORDE TOWNS
OF THE NORTH CAUCASUS**

UDK – 94(470,6)
BBK – 63.3(235.7)49
M – 13

There are published according to the decision of the Scientific Council
of The Federal State Budgetary Science Establishment
the Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Research

Author of scientific project
doctor of history *E.D. Zilivinskaya*

Scientific editor
doctor of history *B.H. Bgazhnokov*

Reviewer
candidate of history *V.A. Fomenko*

Madzar and Lower Dzhulat. From the history of the Golden Horde
M – 13 towns of the North Caucasus / *author of scientific project E.D. Zilivinskaya*. –
Nalchik: Publications department of KBIHR, 2015. – 184 p.

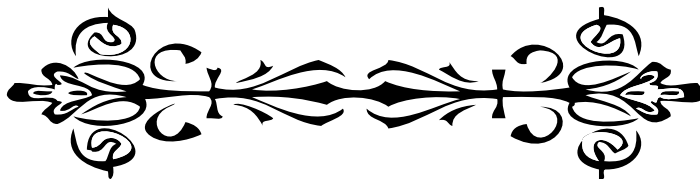
The book is dedicated to the two largest and most striking monuments of the Golden Horde time the North Caucasus – city of Madzar and the town of Lower Dzhulat. Monograph complements the book of V.A. Kuznetsov on the Upper Dzhulat (Tatartupe), published in 2014 as the first part of the general work under the title «From the history of the Golden Horde towns of the North Caucasus».

The publication of Madzar and Lower Dzhulat first summarizes archaeological and other historical sources about these medieval towns. The edition is richly illustrated.

The book is designed for a wide range of readers: historians, teachers and pupils, students and anyone interested in history.

ISBN 978-5-91766-113-1

© Zilivinskaya E.D., author of scientific project,
text, 2015
© KBIHR, 2015
© IEA RAS, 2015

ИЗ ИСТОРИИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ВВЕДЕНИЕ)

Монгольское завоевание явилось, пожалуй, самым значительным событием в истории Евразии эпохи позднего средневековья. В результате походов конца XII – первой половины XIII в. возникла величайшая в истории империя, площадь которой в период расцвета достигала около 30 млн. кв. км. Сотни народов и десятки государств были вовлечены в орбиту монгольской экспансии. Северный Кавказ, завоеванный в процессе военных кампаний 1237–1239 гг., стал частью западных земель империи – Улуса Джучи, получившего впоследствии название Золотая Орда.

Ко времени завоевания Северный Кавказ состоял из множества владений с различными поселениями, как сельскими, так и более сложно устроенными, имевшими укрепления и двух- или трехчастную структуру. Тем не менее, эти поселения вряд ли можно считать настоящими городами. Фактически в домонгольский период на Северном Кавказе был только один урбанистический центр, обладавший всеми признаками средневекового города – Дербент. С приходом монголов ситуация кардинально меняется: вместо многочисленных небольших поселений появляются быстро развивающиеся крупные города, ставшие центрами ремесла, торговли и культуры. Крупнейшими из них являются Маджар, Верхний Джулат и Нижний Джулат.

Массированное изучение золотоордынских городов относится к концу 50-х гг. XX в., когда была создана Поволжская археологическая экспедиция под руководством Г.А. Федорова-Давыдова и начались широкомасштабные раскопки столичных и провинциальных городов Нижнего Поволжья. На Кавказе практически в то же время Северо-Кавказская экспедиция под руководством Е.И. Крупнова начала раскопки Верхнего Джулата, в результате которых были изучены крупные монументальные постройки, такие как мечети и христианские храмы. В работе экспедиции активное участие принимали О.В. Милорадович и В.А. Кузнецов, который продолжил исследования в 70-е гг. Позже, в 60-х гг. были проведены раскопки Нижнего Джулата. В 1962–1963 гг. работами руководил Г.И. Ионе, а в 1966–1969 гг. – И.М. Чеченов. Результаты этих работ также весьма значимы. В частности, на Нижнем Джулате была исследована самая крупная на Северном Кавказе мечеть золотоордынского времени и очень интересный по своей архитектуре склеп-мавзолей.

Городище Маджары (остатки золотоордынского города Маджара), было неоднократно описано посещавшими его исследователями и путешественниками, начиная с XVII в. В XVIII в. еще хорошо различимые развалины являлись местом настоящего паломничества, мимо которого не проезжал ни один из любителей старины. В 1907 г. на Маджарах провел достаточно масштабные и качественные для того времени раскопки В.А. Городцов. Их материалы долгое время являлись основным источником для изучения памятника. В 70-е гг. XX в. Э.В. Ртвеладзе выпустил ряд статей, посвященных Маджару, материалом для которых послужили разведочные и небольшие раскопочные работы, проведенные им совместно с А.П. Руничем. В 1989–1991 гг. были проведены раскопки части городища, расположенного в пределах г. Буденновска экспедицией Ставропольского пединститута под руководством А.Б. Белинского. В 1993–1998 гг. раскопки были продолжены отрядом кафедры археологии МГУ (рук. Э.Д. Зиливинская).

Таким образом, в результате археологических раскопок разных лет на трех крупнейших золотоордынских памятниках Северного Кавказа были накоплены данные, которые характеризовали различные стороны жизни городов этого региона. Однако далеко не весь материал введен в оборот. Наиболее известны результаты раскопок Верхнего Джулата, которые были опубликованы Е.И. Крупновым и О.В. Милорадович. В.А. Кузнецов, наряду со статьями, ранее выпустил монографию, часть которой посвящена Верхнему Джулату*. Результаты раскопок Нижнего Джулата также большей частью опубликованы, однако статьи, посвященные объектам, исследованным на городище находятся в различных не слишком доступных сборниках и, кроме того, не дают целостной картины городской жизни.

Что касается Маджара, то ему посвящена обширная литература, но большая часть исследований является очерками истории изучения памятника. Из этого ряда выбивается уже упомянутая серия статей Э.В. Ртвеладзе, затрагивающая различные стороны городской культуры Маджара. Э.Д. Зиливинская, основываясь на анализе визуальных источников, подробно рассмотрела архитектуру маджарских мавзолеев. Однако результаты раскопок 90-х гг. XX в. до сих пор опубликованы не были. Таким образом, накопленный материал делает необходимым публикацию результатов всех исследований. Это позволит подробно рассмотреть различные аспекты жизни урбанистических центров Северного Кавказа и выявить общие и особенные черты их развития.

В общей сложности в 2011–2015 гг. были написаны три очерка под общим названием «Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа». Собрать их под одной обложкой по разным причинам, к сожалению, не удалось. В 2014 г. вышел очерк о Верхнем Джулате, принадлежащий перу В.А. Кузнецова**. Предлагаемая читателям книга является продолжением (второй частью) общей темы «Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа» и состоит из раздела о Маджаре, написанного Э.Д. Зиливинской, проводившей раскопки этого памятника, и раздела о Нижнем Джулате, подготовленного совместно Э.Д. Зиливинской и И.М. Чеченовым.

Необходимо отметить также, что все три очерка, публикуемые в серии «Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа», написаны талантливыми учеными, мнения которых по отдельным вопросам не всегда совпадают. Впрочем, возможно, это как раз и является достоинством данных публикаций. В них нет готовых ответов на все вопросы, и читатели могут сделать свои выводы, принять или отвергнуть те или иные положения. Достоинством данных изданий является и то обстоятельство, что они написаны непосредственными участниками раскопок.

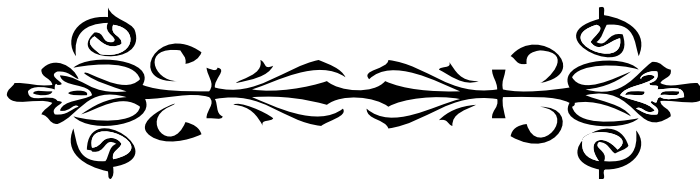
Остается сказать, что исследованные ими города и памятники оставили глубокий след в исторической памяти местного населения. С этими городами связаны разного рода предания, обычаи, ритуалы. С приходом из Маджар Бадела и Басиата в горные районы Центрального Кавказа связывают происхождение дигорских и балкарских феодалов. Большое распространение получила описанная Ш. Ногмовым практика присяги у руин Верхнего Джулата (Татартупа). В кабардинских традиционных тостах встречаются пожелания большого числа (сундуков) кумских (маджарских) монет.

Все это лишний раз свидетельствует о востребованности настоящего, во всех отношениях замечательного издания и всей, состоящей из трех очерков, серии публикаций Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, посвященных истории золотоордынских городов Северного Кавказа.

Б.Х. Бгажноков, доктор исторических наук

* Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота. Владикавказ, 2003.

** Кузнецов В.А. Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик, 2014.

МАДЖАР

Вероятно, самым известным золотоордынским городом на Северном Кавказе является Маджар. Это объясняется не только тем, что это самый крупный город того времени. Большую роль сыграл и тот факт, что развалины Маджара находились в диких, слабо заселенных местах, хозяйственное освоение которых началось только в последние годы XVIII в. Поэтому вплоть до рубежа XVIII–XIX вв. там сохранялись руины некогда величественного города. В этом Маджару повезло гораздо больше, чем многим другим золотоордынским городам. Например, города Нижнего Поволжья были большей частью разобраны на кирпич уже во второй половине XVI в., когда после завоевания Астраханского ханства началось строительство Астраханского Кремля и интенсивное заселение новых территорий.

Городище Маджары, остатки золотоордынского города Маджара, находится в степной зоне Ставропольского края на берегу реки Кумы в том месте, где в нее впадала река Буйвола. В настоящее время в нижнем течении Буйволы заполняется только в сезон дождей, а ее лиман представляет собой озеро с тем же названием, которое находится в черте города Буденновска. Город был построен в XIV в. на пересечении торговых путей, соединяющих центр Золотой Орды с Кавказом и западными районами, Азаком и городами Крыма.

В некоторых публикациях (Волкова, 1972. С. 55; Егоров, 1985. С. 122) говорится о том, что город располагался на двух берегах р. Кумы. На самом деле Маджар был построен на левом берегу. В 1907 г. жителями села Покойного был прокопан канал для спрямления русла Кумы (Городцов, 1911. С. 163), и городище оказалось разрезанным на две части. Это хорошо видно на планах, составленных В.А. Городцовым и Э.В. Ртвеладзе (рис. 15, 16). В документах XVIII в. говорится об отдельных строениях на правом берегу. Вероятно, там находился пригород или городской некрополь.

В описаниях исследователей и путешественников XVIII в. на левом берегу Кумы упоминаются три поселения: Нижние или Малые Маджары, Средние или Большие Маджары и Верхние Маджары. «В 18 верстах ниже Маджара, в трех несколько отдаленных одна от другой местностях, на реке видны остатки строений, которые носят название *перваго Маджара*, так как он первый, так как он первая встречается по дороге из Астрахани к Маджару... главное, среднее место, *средний Маджар*» – пишет С.Г. Гмелин (цит. по Шестаков, 1884. С. 8). Далее он сообщает сведения о Верхних Маджарах, а также и других постройках, образующих, вероятно, пригород: «... в 30 верстах выше средняго Маджара, находятся развалины таких же домов, которые русские зовут верхним Маджаром. Против среднего Маджара, на другом берегу Кумы, есть также менее заметныя развалины древних зданий и домов» (цит. по Шестаков, 1884. С. 12).

Большие Маджары являются развалинами города Маджара, названия двух других населенных пунктов неизвестны. Где располагаются эти пун-

кты также не известно. По сведениям С.Г. Гмелина между Малыми и Большими Маджарами 10 верст (Gmelin, 1774. 4. Р. 21). Я. Потоцкий также оценивает расстояние 10 верст (Potocki, 1829. Р. 192), а де Бесс в 18 и 25 верст (de Besse, 1838. Р. 190). В 1772 г. С.Г. Гмелин видел здесь несколько сохранившихся зданий: «Все состоит здесь из развалин трех неблизких одно от другого строений и дворов» (цит. по Шестаков, 1884. С. 12). Я. Потоцкий, посетивший эти места в 1798 г., пишет о шести мавзолеях и множестве фундаментов зданий (Potocki, 1829. Р. 192). Верхние Маджары находились от Больших Маджар выше по течению Кумы. Расстояние до них исследователи оценивают по-разному: С.Г. Гмелин* пишет о 30 верстах, а де Бесс – о 3-х (de Besse, 1838. Р. 175). Потоцкий говорит о том, что они находятся в 10 верстах возле села Бургун-Маджары (Potocki, 1829. Р. 192) Скорее всего, здесь находилась сплошная зона оседлости, как и в Нижнем Поволжье, в окрестностях Сарая. Г.Н. Прозрителев писал в 1906 г., что многочисленные остатки древних построек тянутся вдоль левого берега Кумы на 25 верст от села Прасковеи через город Святой Крест и село Покойное до села Бургун-Маджары (Прозрителев, 1906. С. 4).

Основываясь на картах XVIII в., И.В. Волков попытался локализовать Малые Маджары (в данном случае речь идет о Верхних Маджарах, расположенных выше по течению). Сопоставив карту 1783 г. с современной, он пришел к выводу, что Малые (Верхние) Маджары нужно искать к западу от села Бургун-Маджары или на месте современного села Кумская Долина (Волков, 2001 б. С. 199–207).

С 1785 по 1791 гг. правительство попыталось заселить пустующий Маджар немецкими колонистами из Саратовской губернии, но они вскоре покинули эту местность «за неудобностью положения». В 1795 г. на месте Маджара появилось армянское торгово-ремесленное поселение. Среди первых семей армян, переселившихся из различных мусульманских районов Кавказа, значительную долю составляли выходцы из Карабаха, и новое селение в память о покинутой ими родине получило название Карабаглы. В 1799 г. был подписан указ, согласно которому здесь был основан город Святой Крест (Твалчрелидзе, 1897. С. 219–220). В 1920 г. город был переименован в Прикумск, а в 1935 г – в Буденновск. В настоящее время та часть Маджара, которая находится на левом берегу нового русла Кумы застроена кварталами г. Буденновска. Правобережная часть городища до недавнего времени была занята садами и виноградниками, ее площадь пересекают многочисленные ирригационные каналы, а культурный слой разрушен глубокой плантажной вспашкой.

1. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МАДЖАРА

История изучения маджарских развалин достаточно полно отражена в научной литературе. К этой проблеме обращались Т.М. Минаева, Н.Г. Волкова, кратко – З.В. Доде (Минаева, 1953; Волкова, 1972; Доде, 1990). Подробный очерк содержится в книге Буденновского краеведа Р.Е. Аджимамедова (Аджимамедов, 1992. С. 41–75). Вряд ли здесь можно сказать что-либо новое, тем не менее, совсем обойти этот вопрос было бы неверным. Кроме того, исследователи прошлого застали остатки еще не разрушенных построек, смогли собрать тогда еще многочисленные артефакты, и их записки являются

* Гмелин до Верхних Маджар не доехал и оценивал расстояние, вероятно, с чьих-то слов.

бесценным источником, позволяющим составить представление о внешнем облике некогда величественного города.

1.1. Средневековые источники

Самый ранний источник, в котором встречается название Маджар – это историческая хроника Дербент-наме, которая охватывает период раннего средневековья (V–XI вв.). Существует множество списков этой хроники на разных языках народов Кавказа («Дербенд-наме», 2012. С. 301). В повествовании о событиях ранней хазарской истории* в качестве владений хакана приводятся Дешт-и-Кыпчак, Семендер, то есть Тарху, Анджи, Ихран, Малый Маджар и Большой Маджар, Джулад и Шехр-и Татар («Дербенд-наме», 2012. С. 301). На основании этого отрывка некоторые исследователи относили возникновение Маджара к хазарскому времени. Так, Г.Н. Прозрителев считал Маджар хазарским городом, погибшим в результате монгольского нашествия (Прозрителев, 1906.). Однако, если проанализировать этот текст, видно, что здесь сосредоточено несколько хронологических пластов, а также встречаются неточности. Прежде всего, Семендер и Тарку – это два разных поселения. Название Дешт-и-Кипчак не могло существовать в хазарский период: оно относится к более позднему, кипчакскому времени (XI–XIII вв.). А о городе Шехр-и Татар говорится, что когда этот город был разрушен, его народ стал подвластен крымскому хану, и большая часть крымского народа вышла оттуда («Дербенд-наме», 2012. С. 301). Это событие могло произойти только после образования Крымского ханства, то есть не раньше конца XV в., о чем, естественно не мог знать ни хазарский хакан, ни составитель первоначального текста. Следовательно, здесь налицо позднее наслоение, возникшее при многочисленных переписках рукописи. Скорее всего, то же относится и к названию Маджар. Как показали археологические исследования никаких следов хазарского времени на Маджарском городище не обнаружено. А.В. Гадло, проанализировавший достоверность «Дербент-наме», как исторического источника, говорит о том, что его тюркоязычные версии принадлежат Мухаммеду Аваби, скорее всего, выходцу из Эндери. Упоминаемые географические названия, такие как Татартуп или Шарх-Татар, Джулад, Улу Маджар и Кичи Маджар, определяют границы непосредственной политической активности эндериевских владетелей в течение первой половины XVII в. (Гадло, 1984. С. 118–120). То есть эти названия также могут относиться не к хазарскому времени, а к более позднему.

Маджар упоминается в источниках, относящихся непосредственно к золотоордынскому периоду, когда город еще был в расцвете. В русских летописях описывается трагическая гибель в Орде тверского князя Михаила Ярославовича в 1319 г. Траурный corteж, везущий тело князя на родину, остановился на ночь в Маджаре, где находился православный храм. Татарские князья не разрешили внести тело князя в церковь, и его пришлось поставить в хлеву, где ночью над убиенным якобы появился «огненный столп» (ПСРЛ, 1851. С. 213–215; 1856. С. 196–197; 1885. С. 186). В 1888 г. на месте, где по преданию свершилось это чудо, был построен Мамай-Маджарский Воскресенский монастырь.

Таким образом, данные летописей свидетельствуют о том, что в Маджаре была православная церковь. И.В. Волков, исследовавший хачкар с мад-

* Петербургский список 1225 (1810) года.

жарского городища, предположил, что эта церковь могла быть армянской, либо же храмов было два – аланский и армянский (Волков, 1996. С. 213–214). В.А. Кузнецов пишет о том, что возможно, один из этих храмов сохранился до XVIII в., так как в документах этого времени содержатся сведения о том, что «город с каменными развалинами и ныне имеет обветшалую христианскую каменную церковь» (Кузнецов, 2003. С. 132).

В 1332 г. Маджар посетил известный магрибский путешественник Ибн Батутта. В своей книге «Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий» он описывает Маджар как «город большой, один из лучших тюркских городов, на большой реке, с садами и обильными плодами» (Тизенгаузен, 1884. С. 287). В городе была соборная мечеть, в которой читал проповеди знаменитый проповедник из Бухары Иззеддин и суфийский скит, шейх которого Мухаммед Эль-батахи был родом из Ирака. «В ските его около 70 факиров арабских, персидских, тюркских и румских, женатых и холостых. Живут они подаянием. Жители этой страны питают большое доверие к факирам и каждую ночь приводят в скит лошадей, коров и овец. Султан и хатун ходят посещать шейха и получают от него благословения; они расточают милостыни и раздают большие подарки...» (Тизенгаузен, 1884. С. 287). Правоверный Ибн Баттута предпочитал описывать различные религиозные учреждения, тем не менее, из этого отрывка можно понять, что Маджар был процветающим городом, а его население жило в достатке. Также путешественник описывает базар, с множеством странствующих торговцев из разных стран, среди которых даже встретился еврей из Андалузии (Тизенгаузен, 1884. С. 287).

В списке других золотоордынских городов Маджар упоминается в сочинениях авторов XIV – начала XV вв. Ал-Омари, Ибн Халдуна, Абу-л Фиды и в «Анониме Искендера» (Тизенгаузен, 1884. С. 236, 378; 1941. С. 127).

1.2. Исследования XVIII в.

О существовании маджарских развалин было известно и в XVII в. Т.М. Минаева приводит отрывок из рассказа очевидца турецко-татарского похода к Азову и Астрахани 1677 г. При описании отступления войска, разбитого князем Серебряным, автор говорит о том, что путь его пролегал через «поля Можарские». «В тех полях еще и днесь есть много стен каменных яко на кийжо день видено бяше по неколику столпов каменных идеже прежде храмы были и везде в полях стоят яко человеки по древнему обычаю от камня соделанья, но тыя каменья уже мхом поростоша», – пишет анонимный очевидец (Минаева, 1953. С. 147).

В «Книге Большому чертежу», составленной в XVII в. по материалам XVI в., также отмечаются развалины Маджара: «А по реке Куме, с правые стороны, 7 мечетей тотарских Можаров Юрт да мечеть по другой стороне реки Кумы Арак Кешень» (Книга..., 1950. С. 91).

В XVIII в. руины Маджара становятся местом настоящего паломничества. Это, несомненно, объясняется тем, что на протяжении всего XVIII в. здесь оставалось еще множество обветшавших, но не разрушенных построек.

Первым среди этой череды исследователей был полковник **Иоганн Густав Гербер**, который в 1722 г. получил приказ от Петра Великого перевести часть артиллерии из Москвы в Астрахань водой, чем обезопасить границы России со стороны Персии. Выполнив поручение, он остался при армии и в

1727 г. был в Грузии в числе комиссаров, которые заключили пограничный договор с Турцией. В своих многочисленных военных экспедициях И.Г. Гербер вел подробные записи, которые легли в основу сочинения «Известия о находящихся с Западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Куром народах и землях и о их состоянии в 1728 г.». Труд этот увидел свет только после смерти автора в 1760 г. В нем дается краткое описание маджарских развалин: «В местности, где река Кума принимает в себя речку Бируму (Бивар) – прелестные, красивые поля и леса и различные остатки местечек и сел. Там виднеются развалины большого города с прекрасными каменными домами и сводами, по которым, равно как и по лежащим под руинами тесаным камням, украшенным чистою резною работою, можно заключить, что в древности это был значительный и славный город. Его и в настоящее время называют Маджар» (Гербер, 1760. С. 153). В другом месте Гербер пишет: «В двух небольших дневных переходах от гор, где маленькая речка Бирума, выходящая из степи между Волгой и Доном, впадает в реку Куму, как раз на стрелке, где эти две реки сливаются, был славный город этой страны Маджар; и теперь еще там видны подвалы со сводами и развалины больших дворцов, которые Черкесами и другими окрест живущими народами называются Маджаром» (Гербер, 1760. С. 155). И.Г. Гербер первый высказал гипотезу о том, что город был построен венграми, основываясь на сходстве названия с именем народа «мадьяры».

Большой вклад в изучение Маджара внес выдающийся государственный деятель и историк **В.Н. Татищев**. Создавая свою «Историю Российскую», он интересовался не только письменными источниками, но и памятниками материальной культуры. Его внимание неизменно привлекали остатки городов на Волге, Дону, Северном Кавказе, что нашло отражение в его исторических сочинениях. В 1741 г. В.Н. Татищев был назначен начальником Калмыцкой комиссии и послан в низовье Волги. Выполняя поручение правительства о прекращении междоусобицы, вспыхнувшей среди калмыцкой феодальной знати, он осмотрел и описал Селитренный городок и другие золотоордынские памятники Нижнего Поволжья (Егоров, Юхт, 1986). С 1742 по 1745 гг. Татищев исполнял обязанности губернатора Астраханской области (Карабущенко, 2011. С. 98–117). Именно в этот период он посылает экспедицию для изучения развалин Маджара. Е.И. Нарожный пишет о том, что таких экспедиций в Маджар было несколько, но никаких конкретных дат не приводит (Нарожный, 2011а. С. 162). Т.М. Минаева упоминает экспедицию 1734 г. (Минаева, 1953. С. 140). Эти сведения она почерпнула, скорее всего, из сочинений С.Г. Гмелина, который писал об этом: «Бывший Астраханский губернатор Татищев в 1735 г., когда Татары еще не владели этой местностью, послал нескольких человек с сильным военным прикрытием для исследования маджарских развалин и отыскания каких-либо древностей. Ему доставили рукопись на синей [голубой – Э.З.] очень твердой бумаге, и разные монеты, которые этот историк принял за скифские» (цит. по Шестаков, 1884. С. 12). Здесь явно существует путаница в датах. Экспедиция не могла состояться в 1734 или 1735 гг. так как в это время В.Н. Татищев был назначен на Урал, «для размножения заводов» (Попов, 1881. С. 133). Скорее всего, это была первая разведочная поездка уже из Астрахани, после которой В.Н. Татищев снарядил следующую экспедицию.

Подробности этой экспедиции хорошо известны и неоднократно описаны (Пальмов, 1925. С. 209–210; 1928. С. 334–338; Аджимамедов, 1992. С. 44–46;

Зиливинская, 2010; 2011; Зиливинская, Васильев, 2012). Экспедиция, организованная В.Н. Татищевым, состоялась в июле 1742 г. Тем не менее, история эта достаточно интересна, и можно повторить ее еще раз. Начиная с 1741 г., В.Н. Татищев вел постоянную переписку с кабинетом министров с просьбой прислать геодезистов и художников для исследования археологических древностей. Он писал: «Ныне ... я посылаюсь в такие места, где немало разоренных городов, також идолов и камней с подписями находится, а о гистории не знаю, можно ли достаточное известие сыскать» (Егоров, Юхт, 1986. С. 235). Весной 1742 г. из Санкт Петербурга был прислан «от Академии наук ученик живописный» Михаил Некрасов. Также Татищев обратился к коменданту Кизлярской крепости с просьбой командировать «для снятия места и положения на карту из кондукторов (топографов) способного человека, да в конвой 30 или 40 человек».

Экспедиция, в состав которой кроме М. Некрасова вошли чертежник Андрей Голохвостов и 20 казаков, состоялась в июле 1742 г. Отношения между художником и кондуктором не сложились, о чем М. Некрасов довольно эмоционально пожаловался в своем отчете В.Н. Татищеву: «Недоезжая до Маджара верст за 20, а от дороги с версту, видимы были за Кумою полаты, к которым я ево, кондуктора звал то оной с немалым в том нарекании не поехал и ждать меня не хотел, по которому я принужден был к тем полатам не заезжать. А как 31 числа в вечеру к Маджарам приехали, и 1 августа начали оное здание рисовать, тогда оной кондуктор, снявши то здание примером, стал меня спешить, чтобы ехать назад, но я ему говорил, что не можно в так короткое время то здание по моему искусству правильно снять, но оной кондуктор не только сам порядочно то здание на план с мерой положил, но с ругательством про оное говорил: «Что много смотреть сего?». И по многом со мной споря, от меня взяв лучших казаков, поехал в полудни, а меня с осмью человеки художонными на оном месте оставил. И хотя было не мало от воровских людей, как оставшие со мной казаки объявляли, опасно, однако ж я, не хотя так без исправления ехать, пробыв тут до самого вечера; что возможно, того здания каждую полату особо и прищепт сделал. При том же видны были якобы погребя, – то, за взятым оным кондуктором одной лопатки и топора, и наступившим поздним вечером боле изыскивать на том месте был опасен, – поехал возвратно. И едучи назад к видимым полатам, стоящим за Кумою, для снятия один ехать опасался, ибо и так трех человек, живущих в камышах, при переправе нашей видели, и за тем принужден был, оставя оные, поехать и ево, кондуктора, догнать. На другой день в верстах 25 нагнал и поехал вместе, который во всю дорогу меня всячески ругал и хотел сечь плетми. И как стала подо мною лошадь, то оной кондуктор, своевольно возымев команду, запретил казакам, чтобы мне лошади в перемену из-под казаков не давать, но у одного казака уже с великой просьбою, дав деньги, переменил» (Пальмов, 1928. С. 335–336).

Отчет А. Голохвостова более деловит и лаконичен: в нем сообщается о выполнении задания и составлении карты, на которой нанесены не только остатки каменных строений на берегу Кумы, но и их расположение относительно Кизлярской крепости и крепости св. Анны на Дону (Пальмов, 1928. С. 336). В настоящее время рисунок М. Некрасова (рис. 1) и карта, составленная А. Голохвостовым (рис. 2), хранятся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук (ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 868 и № 760).

Впоследствии по рисунку М. Некрасова была сделана гравюра (Kupfer), которая была опубликована в альманахе А.Ф. Бюшинга и позже в статье

К.М. Бэра, как «старинный рисунок» (Magazin..., 1771, S. 530; Bähr, 1839, Tab. 1) (рис. 3.1). Гравюра публиковалась и другими авторами (Волкова, 1972. С. 43). Что касается оригинала рисунка Михаила Некрасова, то он был найден в Отделе рукописей БАН и опубликован в очень плохом качестве Р.Е. Аджимамедовым (Аджимамедов, 1992. С. 143).

Е.И. Нарожный выдвинул свою версию этих событий. Он сомневается, что М. Некрасов и А. Голохвостов могли что-либо нарисовать из-за ссоры, произошедшей между ними. (Нарожный, 2011а. С. 161–162). В качестве доказательства он приводит следующие строки из отчета М. Некрасова, где тот жалуется, что В.Н. Татищеву: «*Недоезжая до Маджара верст за 20, а от дороги с версту, видимы были за Кумою полаты*», которые он хотел нарисовать, а кондуктор ему не дал. Вероятно, здесь речь идет о Нижних Маджарах... А далее он подробно описывает, как 31 июля подъехали к Маджарам, а 1 августа, несмотря на все понукания А. Голохвостова, который стремился скорее уехать, Некрасов «пробыл тут до самого вечера; что возможно, того здания каждую полату особо и прищепт сделал» (Пальмов, 1928. С. 335–336). Рисунок М. Некрасова выполнен карандашом и акварелью (Е.И. Нарожный именует его литографией). Любой художник подтвердит, что рисунок такой панорамы карандашом можно сделать за несколько часов (литографию конечно же – нет). Акварелью, скорее всего, он был раскрашен позже, перед представлением Татищеву. Значительно более художественные акварели М.М. Иванова тоже были написаны в течение одного дня. Кроме того, на рисунке, авторство которого, по мнению Е.И. Нарожного, «остается пока открытым» (Нарожный, 2011а. С. 162) в правом нижнем углу стоит подпись «fecit Mich. Nekrasow» (сделал Мих. Некрасов).

Что касается гравюры*, опубликованной Ф.А. Бюшингом и К.М. Бэром, то Е.И. Нарожный считает, что она сделана с другого рисунка, так как на ней, на берегу Кумы изображен кустарник, которого нет на рисунке М. Некрасова. «Автор этого варианта, вероятно, хотел подчеркнуть, что между временем составления литографии 1742 г. [рисунка М. Некрасова] существует определенный промежуток времени, за который этот кустарник вырос», – пишет автор (Нарожный, 2011б. С. 44–45). Так как рисунок М. Некрасова и гравюра во всем, кроме кустарника, совпадают, особые комментарии здесь не требуются. Трудно предположить, что через несколько лет (когда выросли кусты) другой художник застал мавзолеи в точно таком же состоянии и зарисовал их с той же самой точки. На гравюре, сделанной с рисунка можно добавить кусты, деревья, людей, животных и т.д. Именно так поступали гравёры XVIII в. Достаточно вспомнить гравюры с рисунков, сделанных экспедицией П.С. Палласа (рис. 10–12). Совершенно очевидно, что крестьяне, казаки и прогуливающиеся на фоне мавзолеев кавалеры не находились среди развалин, а были вставлены позднее для оживления картины (так называемые стаффажные фигуры).

Сомневается Е.И. Нарожный и в том, что А. Голохвостов мог составить представленную им карту. Естественно, всю карту нарисовать на месте он не мог, но мог набросать план местности, а потом нанести на уже имеющуюся карту или составить эту карту в стационарных условиях. Собственно, именно так многие археологи осуществляют глазомерную съемку, и на это времени много не требуется, в отличие от съемки инструментальной. Авторской подписи на карте нет, но в своем донесении В.Н. Татищеву А. Голохвостов пишет:

* Во всех изданиях иллюстрации, о которых идет речь, называются «Kupfer», то есть гравюры на меди. Е.И. Нарожный называет их, как и рисунок М. Некрасова, литографиями, что в корне не верно.

«...в помянутые Манзары именуемые старые здания я ездил, и как Манзары, так и в них каменному строению и вкрут оногo здания план сочинил, и с некоторой принадлежностью и ситуацию, и расстояние от Кизлярской крепости до Манзар, так и от Манзар до крепости Св. Анны и до Азова по исчислению гребенских старых казаков, неоднократно от Манзар к Азову и крепости Св. Анны езживали, на том плане литерами А, В, Е подписал Токмо на оном плане назначена полата под литерой, которая стоит за рекой Кумою, что к ней никак нельзя переправиться за озерами и великой топью. Однако, что ее было малое число видимо, положена на план по препорции. И тот план при сем для рассмотрения в. вп-ству в покорности моей представляю» (Пальмов, 1928. С. 336). Если же рассмотреть подпись на плане, то в ней содержится следующая легенда: «Описание вышеозначенных Манзарам с некоторою принадлежащею ситуацею:

А – Кизлярская крепость

В – Манзары

С – Азов

Д – Черкасск

Е – Крепость Св. Анны

АВ – от Кизляра до Манзар – 100 верст

ВЕ – от Манзара до крепости Св. Анны – 500 верст

А Манзар до Азова – 440 верст».

То есть подпись под картой полностью идентична ее описанию в докладе А. Голохвостова, что полностью снимает вопрос об авторстве. Также тот факт, что рисунок мавзолеев и их схематические планы совпадают (об этом см. ниже) свидетельствует о том, что оба рисунка были сделаны одновременно.

Много внимания уделяет Е.И. Нарожный анализу гравюры из альманаха Бюшинга (рис. 3), рассматривая ее, как единое целое (Нарожный, 2011а. С. 162–164). На самом же деле приведенная иллюстрация состоит из двух частей – воспроизведения рисунка М. Некрасова и гравюры с рисунка неизвестного художника с изображением трех мавзолеев.

Авторами карты и, возможно, рисунка, Е.И. Нарожный считает топографа С. Счелкова, который был прислан по просьбе В.Н. Татищева из Санкт-Петербурга в 1744 г. «для составления ландкарты». Сведения об этом Е.И. Нарожный нашел в переписке Екатерины II. С. Счелков посетил «Андреев городок» в Дагестане, «Тартуб» в Северной Осетии и «Юлат» в Верхне-Чегемском ущелье (Нарожный, 2004. С. 843; 2011а. С. 165–166; 2011б. С. 46). Однако, о посещении им Маджара никаких данных не имеется. Все сложные построения Е.И. Нарожного являются ничем не подтвержденными догадками.

Между тем, Ф.А. Бюшинг сам указывает на происхождение рисунка с изображением фасадов и разрезов трех мавзолеев (рис. 3.2–4). Комментируя изданное им жизнеописание И.Я. Лерхе, он пишет: «У меня есть подаренные мне планы этажей [разрезы – Э.З.] и фасады разрушенных зданий города Маджара, которые он [Лерхе] мне предоставил в 1765 г., и с которых были сделаны гравюры, чтобы сопроводить эту заметку» (Lerche, 1791. S. 88). Доктор медицины, военный врач Иоганн Якоб Лерхе (Иван Яковлевич Лерх) дважды побывал на Северном Кавказе. В 1745–1747 гг. он был членом российского посольства в Персии, куда ездил через Астрахань. Маджары Лерхе не посещал, но живо интересовался информацией об этом городе. Лерхе писал: «на Куме, в 100 верстах от Кабарды, достойны осмотра каменные развалины древнего города Маджара. Там видны еще, говорят, многие почти целые дома с надписями на неизвестном языке... Я не смог туда поехать, но получил прекрасный

абрис ландкарты всей области степи от Астрахани до Сулака, на которой помещен также Маджар и новая крепость Моздок, которая находится на реке Тереке в 190 верстах от Кизляра» (Lerche, 1791. S. 89–91). В жизнеописании Лерхе Бюшинг приводит карту, которая, возможно, является гравюрой, сделанной (как следует из подписи) в 1770 г. в Берлине с карты, полученной Лерхе (рис. 4). Вероятно и эту же карту, но исполненную Риззи Заннони в Париже в 1774 г. упоминает Г.Ю. Клапрот (Klaproth, 1812. S. 404).

Е.И. Нарожный связывает появление, как карты, так и рисунка с фасадами и разрезами мавзолеев с деятельностью все того же С. Счелкова. При этом он ссылается на данные из статьи А.Ф. Бюшинга (1771 г.) и доклада П.Д. Шестакова (1884 г.) (Нарожный, 2011а. С. 165–166). Однако из записок самого Лерхе следует, что и карта, и рисунки мавзолеев, были получены им в 1735 г. во время возвращения из Баку через Дербент обратно в Астрахань (Lerche, 1791. S. 89–91). Это было как раз за 7 лет до назначения В.Н. Татищева губернатором Астраханской области и за 9 лет до приезда С. Счелкова в Астрахань.

В 1772 г. Маджар посетил **Самуэль Готлиб Гмелин**, выдающийся путешественник-натуралист, академик Петербургской Академии наук. Вернувшись после тяжелой экспедиции в Иран, где погибла часть его спутников, Гмелин остановился в Астрахани. Стремясь познакомиться с малоизвестными землями, лежащими за Дербентом, он решил по суше добраться до Кизляра. 21 сентября 1772 г. Гмелин осмотрел Маджарские развалины. Описание, сделанное С.Г. Гmeliным, является, пожалуй, наиболее подробным: «Остатки великолепнаго скифскаго города Маджара лежат как раз на левом берегу реки Кумы, между двумя довольно значительными озерами Барвала, Бибала тож и Тамуслова, которыя оба незаметно для глаза имеют сообщение с рекой, и когда река летом низка и большею частию без воды, тогда первое озеро представляется болотистым тростниковым полем, на котором находят корм кабаны и другая дичь. Место занимаемое городом, возвышенный четырехугольник, имеет 5 верст в поперечнике и весь занят развалинами.

Эти руины – вообще красноречивое доказательство прежде большого и великолепнаго города. Некоторые развалины строений еще в таком положении, которое убедительно свидетельствует об этом. Многие более пострадали от разрушения, а от большей части сокрушительное время оставило лишь мусор, фундамент, более или менее развалившиеся своды и т.п. Лучшее всего сохранившиеся и лучшие развалины находятся большею частию на краю четырехугольника и окружают остальные части города. Оне заложены по широкому плану из больших прочных кирпичей, богаты украшениями и стоят, большею частию отдельно одна от другой: кругом их следы рвов и вала: по всем признакам то были замки магнатов, приспособленные к обороне, отличающиеся роскошью и прочностью. Кирпичи такие же, какие делают астраханские Татары, а именно шире и толще наших обыкновенных кирпичей. Для кладки стен употреблены в некоторых строениях известь и песок, но преимущественно одна глина; почти все комнаты изнутри оштукатурены, сглажены и выкрашены. Фундаменты большею частию из кирпича, немногие из плитняка, но все очень прочные. Балки сосновыя» (цит. по Шестаков, 1884. С. 8). Далее С.Г. Гмелин подробно описывает архитектуру зданий (об этом ниже). Судя по его описанию, они являлись не «замками магнатов», а мавзолеев. Подробно останавливается он и на характеристике декора зданий: «Украшения зданий состоят из глазированных камней синяго, зеленаго, краснаго, кирпичнаго и жемчужнаго цвета, которые весьма красиво и искусно вделаны между кирпичами во внутренния и внешния стены нижней комна-

ты, пирамиды [шатра – Э.З.] или купола и галереи в форме трех- или четырехугольников, ромбов, крестов, сердец и различных фантастических фигур. Совершенно тоже мы видим и в строении в Селитряном городке» (цит. по Шестаков, 1884. С. 9). Подробно, описывая постройки Маджара, С.Г. Гмелин верно отмечает сходство строительных материалов и декора с применяющимися в строительстве городов золотоордынских Нижнего Поволжья, тем не менее, он определяет город как «скифский» [аланский – Э.З.].

«Дворы описанных замечательных зданий или скифских дворцов окружены небольшим четырехугольным валом, какова бы ни была форма строений. В каждом из этих дворов есть могилы, одна или несколько, вероятно хозяев домов и их близких. Где могил много, там все скучены в одном месте. На каждой могиле стоячий или лежащий камень. Последние длиною в сажень и на верхней стороне большею частию находится изображение употребляемого в Германии гроба; на некоторых есть геометрические и другие фигуры, которые кажутся мне произвольными, но может быть это почерк или печать покойного; видны треугольники, квадраты, кресты и другие фигуры. Поверхность большего надгробного камня двумя диагоналями разделялась на три поля: в среднем было изображение гроба, на каждом из двух наружных по какой-нибудь из фигур. Кроме этих отдельных могил на дворах есть и особая общия кладбища, особенно местность по ту сторону озера Вибалы полна различных надгробных камней», – пишет Гмелин (цит. по Шестаков, 1884. С. 10). Это описание также подтверждает, что здания, принятые исследователем за «скифские дворцы» являлись мавзолеями, вокруг которых располагались обширные некрополи, в свою очередь, обнесенные оградой.

Само расположение зданий также указывает на то, что это погребальные сооружения. Из записок исследователя следует, что они находились по периметру основной части города, что характерно для некрополей. По его мнению, они могли выполнять и оборонительные функции: «Мне кажется, что еще существующия теперь более крепкия строения на краю города имели, по крайней мере побочною целию, его оборону. Из куполов Маджары могли хорошо стрелять, а в подземных сводах укрывать достояние, жен и детей. Это без сомнения не могильныя ямы: к чему бы в противном случае быть отдельным могилам на каждом дворе?» (цит. по Шестаков, 1884. С. 11).

Что касается центральной части города, то о ней Гмелин пишет следующее: «Здания внутренней городской местности, окруженной этими прочными домами, теперь все в развалинах, образующих большею частию небольшие холмы. Их стены, должно быть, сложены из плохого камня, и частию даже выстроены из одной необожженной глины. Несмотря на это, при каждом доме был свой двор, обнесенный валом и рвом, и хозяева этих домов покоятся вечным сном на своей собственной земле, как это ясно показывают следы насыпей и камней. Все говорит о цветущем состоянии этого древняго города» (цит. по Шестаков, 1884. С. 10).

В целом записки С.Г. Гмелина содержат много ценной информации и интересных наблюдений. А его заблуждения основаны на неверном представлении о погребальных памятниках в Золотой Орде, которые, по его мнению, непременно должны были быть курганами: «Могильныя ямы приводят мне на память, что во всем районе Маджара повсюду попадаетса много татарских могильных холмов (курганов). Вероятно они – не маджарские, потому что Маджары – отнюдь не Татары, и кроме того мы уже ознакомились с их могилами, которыя не насыпаются в виде холмов» (цит. по Шестаков, 1884. С. 11).

Впрочем, надо отдать ему должное, исследователь и сам понимает, что не может доказать свои суждения: «Я слишком несведущ в средневековой истории и потому не могу сделать никаких выводов о жителях Маджара. Ведь до сего времени Азиатская Скифия и Сарматия остается предметом исторических разысканий, которые еще не привели к удовлетворительному результату. Вероятно здесь жило скифское племя, носившее имя Маджар, и интересно знать: не потомки ли их кавказский народ, именно Ингушофы [ингуши – Э.З.]» (цит. по Шестаков, 1884. С. 12). Из отрывка становится понятно, что С.Г. Гмелин имел в виду не скифов, как таковых, а средневековых аланов, живших на Кавказе в предмонгольское время. В этом случае его гипотеза о населении города не кажется полностью лишенной смысла. Естествоиспытателю XVIII в. С.Г. Гмелину простительны все его ошибки и заблуждения, но довольно удивительно то, что они повторялись многими исследователями вплоть до второй половины XX в. (см. Волкова, 1972).

Еще одним исследователем, осмотревшим Маджар, был член Петербургской Академии наук, известный естествоиспытатель и кавказовед **И.А. Гюльденштедт**. Во время своей экспедиции по Кавказу он некоторое время провел в Кизляре. В июле 1773 г. Гюльденштедт совершил экскурсию в Бештау и Маджар. Там он увидел примерно 50 зданий из обожженного кирпича у слияния Кумы и Буйволы, то есть в том месте, где они изображены на плане А. Голохвостова. В отличие от С.Г. Гмелина он уверенно определил эти здания как мемориальные памятники с подземными склепами. В одной версте к западу от этих построек Гюльденштедт обнаружил мечеть с минаретом, еще западнее находилась вторая мечеть с минаретом (Güldenstädt, 1791. S. 26–27). Эту ситуацию он изобразил на схематическом плане (рис. 5).

В том же 1773 г. в Маджар заезжал шведский путешественник и натуралист, ученик К. Линнея **И.П. Фальк**. Благодаря рекомендации Линнея, в 1765 г. он был принят в Российскую Императорскую Академию наук и художеств и определен на должность управителя (директора) Аптекарского огорода. С 1768 по 1774 гг. он участвовал в Академической экспедиции, снаряженной академией в Восточную Россию для изучения ее в естественно-историческом и этнографическом отношениях.

Фальк также оставил краткое описание маджарских развалин: «Вверх по левому берегу Кумы, где впадает речка Бирума, видны развалины города, называемого *Маджары*, Калмыцки *Маджаринка Балгузун*, т.е. красивый город, а Татарски *Мазьяри*. Плоское, ровом окруженное место имеет кроме фундаментов многих домов и надгробных камней с надписями, и 7 каменных домов довольно великих. На надгробных камнях надписи частью Татарския, частью же неизвестныя. Один из них якобы со следующей Арабской надписью: *Народ города Маджар по причине недостатка в лесе, оставил оный и ушел в горы*. На правом берегу Кумы у Маджары видны остатки каменных домов.

Около 10 верст выше Маджары находятся развалины места, которое Татары называют *Каракогун*... Здесь на площади сохранились еще остатки выскога и большого каменного дома, который Татары называют *Амет Сарей*.

Другия развалины и кучи камней находятся в горах между двумя речками Кумы и в нескольких верстах от оной, называют Татара *Бухрузат*. Они свидетельствуют о бывшем здесь довольно важном селении» (ПСУП, 1824. С. 96–97). В этом отрывке Фальк, вероятно, описывает Большие Маджары, Верхние Маджары и не упоминаемое другими путешественниками селение в горах.

Также следует вспомнить известного пейзажиста второй половины XVIII в. **М.М. Иванова**. С 1780 г. он находился на военной службе квартирмейстером

Генерального штаба, которым руководил светлейший князь, генерал-аншеф Г.А. Потемкин. В 1782 г. по высочайшему повелению Иванов был послан в Армению и Грузию для «снятия» территорий этих государств. Путь его можно проследить по альбому акварелей, отразивших эти путешествия художника. Альбом открывается видом крепости в Астрахани. На следующих его листах представлены виды Кизляра, Терека у Наура. Путь Иванова шел мимо Георгиевской («Егорьевской») крепости, расположенной на реке Подкумок, где в 1783 г. заключили договор о принятии Грузии под протекторат России. По дороге к древним Маджарам художник запечатлел мавзолей близ села Маслов Кут (рис. 6). Далее следуют три листа, на которых изображены развалины Маджара (рис. 7–9). Альбом этот хранился в Отделе рисунка Государственного Русского музея и был известен только специалистам – искусствоведам. Недавно он был обнаружен автором, и акварели М.М. Иванова были опубликованы (Зиливинская, Капарулина, 2013).

Значительно лучше были известны литографии из сочинений П.С. Палласа. До последнего времени – это были лучшие изображения маджарских мавзолеев, которые позволяли достоверно судить об их архитектуре. Паллас посетил Маджар дважды – в 1780 и 1793 гг. Он описал Верхние (Большие) Маджары, которые находятся в месте слияния Буйволы и Кумы. В первое свое посещение он видел 32 разрушенных здания, 6 из которых имели форму башен. Потом местные жители разобрали их на прекрасный кирпич, и от зданий остались только фундаменты. По этим фундаментам видны улицы большого города (Pallas, 1799. S. 7). Исследователь совершенно верно определил это место как аристократический некрополь.

В 1793 г. не разобранными остались только 4 мавзолея, которые П.С. Паллас (а вернее, его художник Кристиан Гейслер) зарисовал (рис. 10). Паллас также приводит описание зданий: «Еще стоящие усыпальницы или мавзолеи, лежат в ряд с востока на запад в высокой степи и образуют проспект. Можно видеть три ряда таких мавзолеев, не считая разрушенных могил, надгробий и некоторых лежащих в беспорядке развалин зданий. В 200 или 250 футах от Буйволы находится отдаленное здание, отличающееся от трех других по архитектуре особенной величиной и строением купола (рис. 11). Его длина около 36 английских футов, а ширина 25 и 1/3 фута (11 x 7,5 м). На его восточной стороне виден фундамент башни, которая имела конический купол» (Pallas, 1799. S. 8). Паллас предположил, что это здание – мизгить, то есть мечеть. Но на самом деле, судя по описанию, это был большой мавзолей. На расстоянии 57 шагов от этого мавзолея находился другой, размером 35,5 x 25,3 фута (10,8 x 7,7 м). Он имел сводчатый четырехугольный купол и был выстроен в форме, обычной для татарских усыпальниц (рис. 12). На восточной и западной сторонах этого здания имелись оконные проемы, а его северная сторона представляла глухую стену, обращенную к фасаду предыдущего здания.

В 18 шагах от второго мавзолея, в том же ряду виднелся фундамент еще одного здания, а в 10 шагах от него – еще один фундамент. Параллельно описанному ряду, на расстоянии 46 шагов к югу располагался другой ряд мавзолеев, в котором сохранилось два здания размером 24 x 25 футов (7,3 x 7,6 м) у основания. Один из них был выбелен известкой и сохранился лучше других. Каждый угол здания был украшен восьмигранными колоннами. Также там были восьмиугольные мавзолеи без высокого цоколя, которые имели разной величины и формы купола.

Третий ряд развалин был возле озера Буйвола. Все четыре мавзолея имели с южной стороны свободную площадку, откуда был сделан вход в здание

(Pallas, 1799. S. 8–9). В сочинениях П.С. Палласа также приведен план и разрез башенного мавзолея у села Маслов Кут (рис. 13).

Также П.С. Паллас приводит схематическую карту местности под названием: «План ситуации Больших Маджар» (рис. 14). На ней изображено слияние рек Кумы и Буйволы, и на стрелке – скопление мавзолеев (руины Маджар). К югу находится большое село Прасковья, а западнее руин Маджара – поселение немецких колонистов, на том месте, где впоследствии возникнет город Святой крест. К северу, за Буйволой, обозначен большой курган.

Последним, кто осмотрел развалины Маджара в XVIII в. был граф Я. Потоцкий. В 1798 г. он застал всего один мавзолей из описанных П.С. Палласом и поместил его рисунок в свою книгу (Potocki, 1829. P. 188).

1.3. Исследования XIX в.

В XIX в. интерес к Маджару не угас, хотя там уже не осталось целых зданий. В 1798 г. там побывал ориенталист-монголовед **Я.И. Шмидт** и отметил полное разрушение всех построек.

Известный кавказовед **Г.Ю. Клапрот** во время своей экспедиции по Кавказу 1807–1808 гг. дважды заезжал на Маджары. В своей книге «Путешествие по Кавказу и в Грузию» он оставил подробное описание: «В первый раз был я в Маджарах в ноябре 1807 г., но выпавший снег воспрепятствовал обозрению их, и потому 29 сентября 1808 года я нарочно для этого поехал из Георгиевска... (Klaproth, 1812. S. 426

Я нашел только тень сих развалин. Они занимали место между Кумою и Буйволою и простирались на север до двух небольших соленых озер. Все пространство заключало в длину 4 версты с юга на север и почти столько же в ширину. Развалины совершенно уничтожены окрестными поселенцами, ломавшими в них кирпич для своих строений. Граф П.С. Потемкин был главным виновником разрушения. Он велел решительно ломать все для извлечения кирпичей, употребляемых им на постройку города и крепости Екатеринограда, некогда назначенного губернским городом. Крестьяне из Покойной и Прасковьи брали так же много, и все что я застал, состояло из двух, но почти разрушенных строений...

Следы развалин и древние основания зданий, найденных близ Кумы, дают основательное понятие о местоположении города, у которого кладбище подле реки. Всякий непредубежденный человек согласится, что все доказывает здесь бытие некогда города. Это подтверждается и множеством вырываемых из земли древних европейских и татарских монет, серебряных и медных серег, золотых и серебряных колец, бронзовых зеркал и других вещей; также помосты из муравленных синих, белых, зеленых кирпичей, наконец большой бассейн из камня, который один крестьянин из Прасковьи нашел здесь и употребил для складки хлеба» (Klaproth, 1812. S. 419–421).

То есть ко времени посещения Клапротом на месте маджарских мавзолеев оставались только их подземные части (склепы) и надгробия («помосты из муравленных кирпичей»).

Клапрот отвергал «венгерскую теорию» возникновения города и относил его к золотоордынскому периоду. «Имя Маджар, присвоенное сему месту, – пишет далее исследователь – есть древнее татарское и значит Каменный дом, оно синоним слову «чаштан». Ногайцы и туркмены, в окрестностях живущие, называют сие место обыкновенно Кирк-Маджар, т.е. сорок каменных домов.

Впрочем, «кирк» значит у них, как и у турков, не только сорок, но сим словом выражают еще большее количество чего-нибудь...» (Klaproth, 1812. S. 421).

«Маджар, вероятно, был разрушен в беспокойные времена, которые последовали за правлением Тохтамышша (1400 г.), когда Кипчакское государство было разрываемо междоусобными войнами. Последняя найденная мной здесь монета относится к правлению Пулад-хана, который сидел на троне в 1406–1408 гг.» – заканчивает свое описание Г.Ю. Клапрот (Klaproth, 1812. S. 434).

Несмотря на полное разрушение Маджара, в течение всего XIX в. сюда продолжали приезжать любители древностей. В 1828 г. здесь побывал французский натуралист **Шарль Годе**, в 1829 – этнограф **П.И. Кеппен**, в 1837 г. – немецкий ботаник **К.Г. Кох**. Венгерский путешественник **Я.Ш. де Бесс** приехал в Маджары в конце 20-х гг. в поисках «венгерского следа». Все они нашли на месте города холмы, ямы да «муравленные кирпичи». «Единственная вещь, которая еще поражает и интересует – это покрытые глазурью голубые, красные, зеленые кирпичи, которые когда-то украшали внешнюю сторону стен дворца Маджар» – писал Я.Ш. де Бесс (Besse, 1838. P. 177). П.С. Кеппен отмечал, что «муравленные кирпичи», взятые из Маджара можно найти во многих сельских домах, расположенных на Куме (Кеппен, 1911. С. 143).

Известный арабист **А.С. Фиркович** осмотрел Маджар в 1848 г., о чем составил краткий отчет: «В селении Прасковее... я нашел каменную плиту с арабской надписью с обеих сторон. Там же я достал серебрянную монету... В доме поселянина Звездова нашел я два треугольные камня, взятые из аркообразной двери мечети, чему служит доказательством надпись на них, заключающая стих из Корана... В развалинах многочисленных остатков зданий, при тщательном рассмотрении, я не мог найти ничего замечательного, кроме трех серебрянных монет и осьми медных, выкопанных из земли. Из самих развалин сохранилось одно обширное здание, вероятно, храм, называемый местными жителями «киркою». Оно построено было из муравленого зеленого кирпича в роде изразцов, которые поселяне употребляют ныне в виде украшения, вставляя с наружной стороны домов в память древности» (Фиркович, 1858. С. 122–124).

Известный естествоиспытатель, один из основателей Русского географического общества, академик **Карл Эрнст фон Бэр** в Маджаре не был, но посвятил ему обширную статью. Работа под названием «Старинное изображение руин Маджара» была издана в 1839 г.* (Baer, 1839. S. 55–96). В ней автор говорит о том, что при разборке архива рисунков, хранящихся в библиотеке Академии наук, он нашел изображение развалин Маджара. Причем, если на других рисунках (Лерхе, Палласа и Потоцкого) показаны отдельные здания, то здесь этих зданий много. Это изображение послужило поводом, чтобы вспомнить о древнем городе. В своей статье К.Э. Бэр приводит все имеющиеся материалы, посвященные этому памятнику, а именно записки Герберга, Гмелина, Гильденштета, Кеппена, Клапрота Палласа, Потоцкого, Шмидта. Сравнив мнения этих исследователей и проанализировав архитектуру

* С этим фактом также не согласен Е.И. Нарожный. «Известно и то, что в 1840 г. К.Э. Бэром в одном старинном каталоге был найден еще один вариант литографии с видом на мавзолей Маджара. Год спустя – в 1841 г., а не в 1839 г., как полагает Э.Д. Зиливинская, будущий академик РАН опубликовал статью» (Нарожный, 2011б. С. 45). При этом сам автор ссылается на французское издание 1840 г.(!) (Нарожный, 2011б. С. 47). Хочу заметить, что Бэр, будучи немцем, предпочитал писать на немецком языке, на котором и была издана его статья в «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches» за 1839 г. Французское издание является переводным и было издано на год позже. Остается только удивляться, каким образом в него попала статья 1841 г.

зданий, К.Э. Бэр пришел к выводу, что остатки строений «не венгерские, а татарские» (Baer, 1839. S. 90). Академик выразил сожаление по поводу того, что это прекрасный памятник не сохранялся подобно Болгару, который указ Петра I уберег от полного исчезновения.

Что касается самого рисунка, то происхождение его Бэр связывает с путешествием П. Кеппена и датирует 1726–1727 гг. При этом автор указывает на то, что вверху рисунка имеется большая надпись «Маджары», а в нижней части подпись – «рисовал Михаил Некрасов». Также Бэр отмечает, что в каталоге, кроме этого рисунка упоминается карта Маджара и окрестностей, но эта карта потеряна (Baer, 1839. S. 91–96). Таким образом, и рисунок, и потерянная в тот момент карта, являются результатом экспедиции, снаряженной В.Т. Татищевым в 1742 г. Впрочем, в качестве иллюстрации к статье Бэр приводит не сам рисунок М. Некрасова, а гравюру из альманаха Бюшинга, на которой изображена панорама Маджара (с кустами) и фасады с разрезами трех мавзолеев из материалов Лерхе (рис. 3).

Губернский землемер, член-сотрудник Русского географического общества **А.П. Архипов** в 50-е гг. сделал инструментальную съемку развалин Маджара, нанес ее на план местности и подробно описал. План включал 43 полных квартала и 7, вошедших на планшеты не полностью. Во всех кварталах было 426 разрытых курганов (остатков зданий), 168 углублений меньшего размера, 4 – среднего и 6 – самого большого. Кроме того, 32 углубления малой и средней величины окопа и 6 – более значительных. На плане были отмечены три площади и одно кладбище, расположенное около реки. К сожалению, этот бесценный план в настоящее время потерян, сохранилось только описание А.П. Архипова, напечатанное в 1856 г. в «Ставропольских Губернских ведомостях».

Архипов так описывал, сохранившиеся развалины: «Улицы города и очертания кварталов, ограниченных отлично сохранившимися во многих местах покатосями... ясны для каждого очевидца... Древнее кладбище, лежащее на горе, по протяжении окружной садовой канавы, заключает в себе множество человеческих костей, почти на поверхности...» (Архипов, 1856).

А.П. Архипов описал древний водопровод, который раньше был выложен кирпичом, а теперь представлял собой глубокую канаву с высоко набросанными по краям грядами земли. Местные крестьяне, за несколько лет до этого раскопавшие одно из подземных зданий обнаружили прекрасный свод, который был так высок, что скорее напоминал подземный ход. Обработанные крестьяне разобрали его на кирпичи. Архипов нанес водопровод на план, общая длина его составила около 650 м.

В селах Покойном и Бургун-Маджары Архипов видел множество построек из маджарского кирпича. В 1855 г. в с. Прасковья при разборке ветхой церкви из ее фундамента было вынуто множество (около 400) камней с надписями. В дальнейшем их перетесали и вновь использовали для строительства (Архипов, 1856). В 1865–1866 гг. А.П. Архипов писал письма в Императорскую археологическую комиссию с предложениями начать в Маджаре археологические раскопки (Бабенко, 2008. С. 27).

В 60–70 гг. известный востоковед В.Г. Тизенгаузен вел с властями переписку, в которой доказывал необходимость изучения крупных золотоордынских памятников, в числе которых были упомянуты Маджары. В 1876 г. губернатор Ставропольского края выдал ему Открытый лист на проведение раскопок, однако, неизвестно, состоялись ли эти работы (Бабенко, 2008. С. 27). В эти же годы священник А.П. Семилуцкий скопировал надписи с

древних надгробий Маджара и передал их И.В. Бентковскому. Впоследствии Семилуцкий опубликовал работу с описанием современного состояния памятника (Бабенко, 2008. С. 28).

В 1877 г. на IV археологическом съезде в Казани с докладом «Напоминание о древнем городе Маджаре» выступил бывший попечитель Казанского учебного округа **П.Д. Шестаков** (Шестаков, 1884). Докладчик призвал собравшихся «со среднего течения Волги, от стольного города Болгара... спуститься... почти к устью Волги, на берега р. Кумы, в древнюю Команию, к развалинам исчезающего с лица земли города Маджара» (Шестаков, 1884. С. 3). Подобно многим его предшественникам П.Д. Шестаков в своем сообщении попытался доказать, что Маджар являлся городом угров, венгров или мадьяр. Он приводит сведения о проживании в Низовьях Волги народа маджар, взятые из Геродота, Константина Багрянородного, восточных авторов, таких как Абулгази, Ибн Даста и др., а также Рубрука и Марко Поло. Шестаков также приводит данные русских летописей о пребывании в Маджаре гроба с телом убиенного Михаила Ярославовича.

В докладе П.Д. Шестакова содержатся большие отрывки из работ Гербера, Лерхе и Гмелина. В результате автор приходит к выводу, «что город, Маджар был некогда цветущим городом, что владения народа Маджар, судя по уцелевшим остаткам переднего и верхнего Маджара, простирались на довольно значительное пространство, что этому народу не чужды были искусства, что он имел некоторую цивилизацию, что, как показывает самый план жилищ [на самом деле – мавзолеев – Э.З.], приспособленный к обороне, это было племя воинственное, и может быть, наполняющие маджарскую местность татарские могильные курганы и огромная яма с костями [описанная Гmeliным – Э.З.] – живой, еще до сего времени уцелевший свидетель горячих битв, происходивших между Маджарами и Татарами, и между Маджарами и Персами» (Шестаков, 1884. С. 13).

Важное значение имело не только обращение к проблеме происхождения Маджара, но и призыв к сохранению следов древней культуры: «Время беспощадно истребляет остатки древностей, когда рука человека не охраняет их. Это истребление идет еще быстрее, когда союзником времени в деле разрушения является и человек. Посмотрите описание Болгар в начале XVIII в. и сравните настоящее положение этих развалин. С развалинами Маджар в этот же период времени произошла еще большая перемена к худшему. Сличите описание Гмелина с тем, что пишет Ставропольский статистический комитет, – какая громадная разница! Там еще живая картина древнего быта, здесь же сравнивающиеся с землею остатки развалин, полные глубокой тайны и высокого исторического интереса. Да придут археологические съезды и общество на помощь, пока не все следы еще сокрушены зубом времени и алчною рукою промышленников – бугровщиков, да произведены будут первые правильные раскопки как развалин домов, так и дворов, и подвалов» (Шестаков, 1884. С. 14).

Проект раскопок Маджара возник и в процессе подготовки V Археологического съезда, но он так и не был реализован (Бабенко, 2008. С. 27–28).

1.4. Исследования XX в.

В конце XIX – начале XX в. большое внимание изучению маджарского городища уделял историк-краевед, председатель Ставропольской ученой ар-

хивной комиссии **Г.Н. Прозрителев**. Прозрителев неоднократно посещал Маджары, собрал большую коллекцию артефактов с этого городища и посвятил ему несколько статей. В наиболее значимой работе «Маджары, один из древнейших городов Северного Кавказа» (Прозрителев, 1906) исследователь подробно описал расположение города, и то, что от него осталось в настоящее время. «Среди развалин можно еще хорошо определить улицы и переулки, и первые шли на северо-восток и как бы направлялись к реке Куме...» (Прозрителев, 1906. С. 12). Особо он отметил качество кирпича, из которого были построены здания в городе. Он писал, что золотоордынские кирпичи во много раз превосходят по качеству современные. Прозрителев обследовал некрополь в районе Воскресенского монастыря, зарисовал могильные камни и охарактеризовал особенности погребального обряда. Также он описал остатки строений у с. Бургун-Маджары.

Г.Н. Прозрителев считал Маджар хазарским городом, разрушенным ордами монголов. Он также призывал к изучению этого памятника, пока он еще не полностью разрушен. «Смотря на эти развалины, заполненные прекрасным кирпичом, и окружающие их ныне крестьянские постройки из самана, крытые соломой, невольно приходится сознаться, что немного мы дали краю почти за 150 лет его нахождения под нашим господством... Громкое прошлое погибшего народа призывает исследователя, а продолжающееся разграбление заставляет не медлить с производством правильных изысканий» – писал исследователь (Прозрителев, 1906. С. 16).

Такие «правильные изыскания» были произведены в 1907 г. известным российским археологом **В.А. Городцовым**. Прежде чем приступить к изучению памятника, исследователь ознакомился со всеми имеющимися данными о нем. Особенно тщательно он проанализировал план и описания землемера А.П. Архипова.

В.А. Городцов составил план городища (рис. 15) и провел исследования в разных его частях (Городцов, 1911). Так как юго-западная часть городища уже тогда была застроена кварталами г. Святого Креста (ныне Буденновск), раскопы и разведочные траншеи Городцов закладывал на территории Мамай-Маджарского монастыря и в междуречье Ерика (нынешнего русла Кумы) и старого русла Кумы. Эту местность из-за обилия встречавшихся там остатков кирпичных стен население называло «Кирки», считая их развалинами построек (церквей) немецких колонистов. Исследователь раскопал семь жилых домов из сырцового кирпича типично золотоордынского облика. В домах были расчищены глинобитные суфы Г-образной формы, тандыры, система обогрева в виде канов. Полы в помещениях были глинобитными или мощеные кирпичом, часто со встроенной тошной. Дома встречались двух типов: квадратные в плане, разделенные на две комнаты и прямоугольные, многокомнатные.

Серия погребений, вскрытых В.А. Городцовым, относилась к двум периодам – сарматскому и золотоордынскому. Захоронения имели различную конструкцию: от простых ям до погребений с заплечиками, сырцовыми кладками и тщательно выполненными склепами. В.А. Городцов впервые достоверно доказал, что после поселения и могильника сарматского времени существовал длительный разрыв в заселении этой местности и, что Маджар является золотоордынским городом, построенным по образцу городов Нижнего Поволжья на новом, не заселенном, месте.

В.А. Городцов также высказал сожаление о том, что памятники подвергаются разрушению, прежде чем удастся их обследовать: «Интересно за-

метить, что пока эти здания, борясь со всеми невзгодами времени, гордо поднимались над поверхностью почвы, до тех пор, по-видимому, никому не приходила мысль о серьезном научном исследовании их. Но как только последние из них были совершенно уничтожены, то тотчас же раздались голоса в пользу крайней необходимости научных исследований интереснейших остатков, как будто бы эти научные исследования, пользуясь с громадным трудом добытыми отдельными обломками, могут восстановить лучше форму целого, безжалостно уничтоженного чуть не вчерашний день; как будто бы археолог по открытому им фундаменту в силах лучше восстановить все детали минарета... или точнее определить границы могильника еще недавно обставленного памятниками, покрытыми надписями, точно указывающими не только могильники, но и отдельные могилы. При воззваниях к исследованию теперь очень жалких остатков Маджар, невольно вспоминается русская пословица: «Что имеем не храним; потерявши плачем» (Городцов, 1911. С. 165).

Тем не менее, на протяжении большей части XX в. исследования на городище не проводились. В 1927 году памятник осмотрел член Ставропольской этнолого-археологической комиссии Ф. Маметханов, а в 40-е гг. – **Т.М. Минаева**. Минаева в 1953 г. выпустила добротный очерк, в котором собрала все известные на тот момент данные (Минаева, 1953). В конце 50-х – начале 60-х гг. на городище проводил разведки инженер Н.П. Ивлев (Волкова, 1972. С. 47; Доде, 1990. С. 457). Его записки и план, хранящиеся в Ставропольском государственном музее-заповеднике имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, к сожалению, еще не стали предметом специального исследования.

В 1961–1970 гг. на маджарском городище проводили работы **Э.В. Ртвеладзе** и **А.П. Рунич**. Не закладывая больших раскопов исследователи, тем не менее, смогли хорошо изучить культурный слой в разных частях памятника. В это время на правом, не застроенном берегу современного русла Кумы хорошо сохранился микрорельеф, и остатки построек угадывались на поверхности. В то же время здесь происходило активное хозяйственное освоение территории и прокладывались многочисленные ирригационные каналы. Весьма прискорбно, что таким образом значительная часть культурного слоя была уничтожена, в то же время в стенках этих каналов были получены разрезы всей восточной части городища. Зачистки стенок каналов, а также берегов русла Кумы, прокопанного в 1907 г. позволили сделать стратиграфические наблюдения на значительной площади и в разных частях памятника*. Также был собран богатый вещевой и нумизматический материал.

На основании стратиграфических исследований и наблюдений за распределением подъемного материала Э.В. Ртвеладзе определил границы памятника (рис. 16), выделил отдельные районы города, а также подтвердил выводы В.А. Городцова, что золотоордынский город возник на «пустом», незаселенном месте в начале XIV в., а наибольшего расцвета достиг при Джанибеке (Ртвеладзе Э.В., 1970, 1972). Исследования Э.В. Ртвеладзе нашли отражение в серии статей и кандидатской диссертации.

* В связи с этим довольно странно выглядит утверждение Е.И. Нарожного о том, что этих данных «маловато для... реконструкции возможной микротопографии памятника» (Нарожный, 2011. С. 167). Нельзя не согласиться с тем, что на Маджарах необходимо проводить широко-масштабные раскопки. Однако, каковы же должны быть их масштабы, чтобы они превзошли по площади сеть ирригационных каналов, которая покрывает многие километры?

В 1972 г. Н.Г. Волкова опубликовала статью «Маджары (из истории городов Северного Кавказа)», надолго ставшую классической работой, посвященной Маджару (Волкова, 1972). В ней затрагивается широкий круг проблем: происхождение города, версии этимологии его названия, история изучения памятника, история и материальная культура города в золотоордынский период, дальнейшая история этой местности и т.д. Большим достоинством работы Н.Г. Волковой является тщательная проработка источников и литературы. В то же время статья содержит грубые ошибки, которые связаны, вероятно, с тем, что автор не являлся археологом, и не всегда мог разобраться в археологических источниках. Так, например, Н.Г. Волкова повторяет совершенно несостоятельные утверждения С.Г. Гмелина о том, что жители Маджара имели обычай хоронить своих покойников прямо во дворах жилых домов. В городе были не только кладбища на окраине, но и «каждый двор семьи или более широкой родственной группы, обнесенный валом, мог служить местом погребения членов семьи или родственников владельца дома» – утверждала Волкова (Волкова, 1972. С. 56). На самом деле Гмелин писал о мавзолеях, которые он принял за «дома магнатов», и некрополях вокруг них. Не совсем понятно, о какой керамике, сделанной в деревянных формах, говорит исследовательница (Волкова, 1972. С. 60).

В работе неоднократно повторяется тезис о том, что золотоордынский Маджар возник на месте другого города, который был основан то ли хазарами, то ли половцами. «Как показывают археологические материалы из раскопок В.А. Городцова, территория Маджар была заселена еще в II–III вв. н.э.» – отмечает Н.Г. Волкова (Волкова, 1972. С. 50). При этом исследовательница замалчивает тот факт, что никакой преемственности между поселением сарматского времени и Маджаром не прослеживается, о чем писал сам Городцов. Тот факт, что в домонгольский период никакие источники город на Куме не упоминают, Волкова объясняет тем, что в это время он мог носить другое название. «Значительные масштабы Маджар в начале XIV в., чеканка городом своей монеты дают возможность предполагать более раннюю, чем вторая половина XIII в. эпоху возникновения этого городского центра, видимо зафиксированного в источниках до XIV в. под другим именем» – утверждает автор. Доказательством существования здесь города в домонгольский период Н.Г. Волкова считает находку в окрестностях трех (!) обломков надгробий с куфическими надписями. Все проведенные здесь археологические раскопки, начиная с Городцова, и заканчивая современностью, показали, что Маджар является типичным золотоордынским городом, возникшим, как и большинство городов (например, в Нижнем Поволжье) «на пустом месте» в результате не длительного исторического развития, а по приказу правителей в рамках государственной градостроительной политики.

В 1992 г. в г. Буденновске краевед Р.Е. Аджимамедов за собственные средства издал небольшую книгу «Страницы истории Прикумья с древнейших времен». Большой раздел в ней посвящен Маджару и истории его изучения. Аджимамедов даже смог разыскать в библиотеке Академии наук оригинал рисунка М. Некрасова и опубликовал его.

Следующий этап археологического исследования Маджара начался в 1989 г., когда для исследования площади под строительство больницы в г. Буденновске* была создана Маджарская археологическая экспедиция Став-

* В 1995 г. Буденновская больница стала печально известна как место масштабного теракта, устроенного террористами под руководством Шамиля Басаева. Во время подготовки к захвату в недостроенном здании роддома сидели в засаде войска спецназа.

ропольского пединститута под руководством А.Б. Белинского. В нее вошли также сотрудники и аспиранты МГУ Э.Д. Зиливинская, Л.И. Смирнова и И.В. Волков и сотрудник археологической лаборатории Ставропольского пединститута В.А. Бабенко. За три сезона 1989–1991 гг. экспедицией были вскрыты значительные площади на левом берегу р. Кумы а также собран богатый подъемный материал (Белинский, Зиливинская, Бабенко, 1989–1990; Зиливинская, Смирнова, 1991).

Работы велись в районе строящегося роддома, то есть на территории бывшего Воскресенского монастыря. К сожалению, раскопки показали, что культурный слой городища в этой части сильно разрушен. Тем не менее, было исследовано несколько жилых домов, землянок, часть улицы и серия погребений городского некрополя. Погребения находились в районе строящегося роддома, на территории насосной станции и поселка Прикумской опытной станции, то есть в той части городища, которая соответствует кладбищу на плане Э.В. Ртвеладзе. Все исследованные погребения были совершены по мусульманскому обряду.

В 1993, 1994, 1996, 1998 гг. Маджарский отряд кафедры археологии МГУ, а впоследствии ИА РАН под руководством Э.Д. Зиливинской проводил раскопки на правом берегу р. Кумы, на полях совхоза «Прасковейский» и в лесопосадке на берегу (Зиливинская, 1993; 1994; 1996; 1998). Именно эта часть городища называлась Городцовым «Кирки». На полях была исследована довольно густозаселенная часть ремесленного квартала. Наиболее интересным объектом здесь был жилой дом, планировку которого удалось проследить полностью.

Дальнейшие раскопки велись в том же районе, на самом берегу Кумы. На одном раскопе были вскрыты остатки крупного здания из сырца. Недалеко от этого здания были обнаружены остатки общественной бани, юго-западная часть которой разрушена обвалом берега Кумы. Из-за отсутствия средств и беспокойной обстановки на Кавказе эти исследования были прекращены.

Несмотря на то, что археологические раскопки на памятнике велись недолгое время и в ограниченных размерах, именно они дали наиболее достоверные данные о различных сторонах жизни золотоордынского Маджара.

2. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И ВРЕМЕННЫЕ ГРАНИЦЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ГОРОДА

Первый достаточно полный и подробный план маджарского городища был составлен В.А. Городцовым (рис. 15). В его время даже на территории, застроенной городом Святым Крестом, еще угадывались остатки древних строений в виде «сильно расплывшихся заезженных холмов и заплывших ям» (Городцов, 1909. С. 170). В пределах города прослеживались западная и северная границы памятника. От Базарной площади граница шла несколько западнее Базарной улицы к берегу озера Мокрая Буйвола, где поворачивала на восток, спускалась в поймную долину озера и упиралась в Ерик (нынешнее русло Кумы). На этой площади местные жители находили преимущественно надгробные камни, человеческие кости и погребения в склепах и без них. Юго-восточная часть городища расположенная на левом берегу Ерика и Кумы находилась на территории Воскресенского Мамай-Маджарского монастыря. Здесь также прослеживались многочисленные остатки строений. В.А. Городцов зафиксировал несколько погребений в склепах.

К северу от монастыря находилась усадьба О. Арзиманова, также стоящая в черте Маджара. По преданию здесь находились развалины каменной православной церкви золотоордынского времени (Городцов, 1909. С. 174). Южная и восточная границы города проходили через низину, расположенную в междуречье Ерика и Кумы, где возделывались сады и виноградники. Здесь находилось множество разрушенных кирпичных зданий, отчего местность получила название «Кирки». Кроме кирпичей здесь в большом количестве находили изразцы, каменные архитектурные детали, надгробные плиты. Массовой находкой являлись каменные жернова, встречавшиеся практически на каждом крестьянском участке. Довольно много в этой части городища было найдено медных монет.

В пределах Святого Креста в излучине Кумы у артезианского колодца находится возвышенность, которая на карте В.А. Городцова обозначена как «остров». Здесь исследователь раскопал серию погребений со скорченными костяками с инвентарем в виде керамических сосудов, железных втульчатых стрел, стеклянных бус и пр. Эти погребения он датировал II–III вв. н.э. Проведенные археологические изыскания позволили В.А. Городцову прийти к выводу, что ранний могильник и вероятное поселение при нем не получили никакого дальнейшего развития во времени и никак не связаны со средневековым Маджаром, а только находятся на его территории (Городцов, 1909. С. 207–208).

Э.В. Ртвеладзе не только уточнил границы города, но и выделил отдельные его районы (Ртвеладзе, 1972б). Стратиграфические наблюдения и анализ вещевого материала привели его к выводу, что вся территория города начала обживаться только в первой половине XIV в., и наивысшего расцвета Маджар достиг во время правления Узбека и Джанибека. Ядром его являлась возвышенная часть на левом берегу р. Кумы к югу от теперешней больницы, расположенной на бывшей территории Воскресенского монастыря (рис. 16). Э.В. Ртвеладзе предполагал, что к северу от него располагалось первоначальное городское кладбище, которое впоследствии, при расширении города оказалось практически в его центре (Ртвеладзе, 1972б. С. 156).

Юго-восточную низменную часть города занимали торгово-ремесленные районы. Э.В. Ртвеладзе выделяет здесь мастерские по производству керамики, жженого кирпича и изделий из металла. Также здесь находились ювелирные, камнерезные и костерезные мастерские. Находки наибольшего количества монет в этой части города привели исследователя к выводу о том, что здесь же находился главный базар города. Часть плиты со строительной надписью с именем Джанибека позволила предположить, что при этом хане здесь была построена мечеть (Ртвеладзе, 1970; 1972б. С. 158). В северной части низменности располагались сады, виноградники и поля жителей города. Застройка здесь состоит из редких усадеб.

Э.В. Ртвеладзе считал, что наиболее монументальные мемориальные и общественные здания были возведены на возвышенной части города. В качестве доказательства он приводит описания С. Гмелина. Однако Гмелин описывал исключительно мавзолеи, сохранившиеся к тому времени, о чем будет сказано ниже. На планах А. Голохвостова (рис. 2), И.А. Гюльденштедта (рис. 5), П.С. Палласа (рис. 14) крупный аристократический некрополь изображен у места слияния Буйволы и Кумы. На плане И.А. Гюльденштедта в этой части города обозначены две мечети с минаретами.

К юго-западу от центра Э.В. Ртвеладзе локализует кварталы знати, а районы к северу и северо-западу от Буйволы считает кварталами беднейшего населения (Ртвеладзе, 1972б. С. 158). Общую площадь Маджара в период рас-

цвета исследователь оценивает немногим более 8 кв. км. В длину с юга-запада на северо-восток вдоль левого берега Кумы город простирался на 5 км. Юго-западная его окраина находилась вблизи моста, ведущего в Прасковею. В ширину размеры города составляли 1–3 км. С юго-восточной стороны крайними пределами города являлось старое русло Кумы, а с северо-западной улица Пушкинская (бывшая Базарная). То есть оценка площади города В.А. Городцовым и Э.В. Ртвеладзе в целом совпадают.

Э.В. Ртвеладзе также рассмотрел сарматский могильник и поселение на «острове». Он предложил более раннюю датировку его (первые века до нашей эры). Многочисленные стратиграфические наблюдения в шурфах и разрезах подтвердили мнение Городцова об отсутствии преемственности между сарматским памятником и Маджаром, возникшим уже в золотоордынское время. Рассматривая Маджар как исключительно золотоордынский город, Э.В. Ртвеладзе привел свою версию, объясняющую название города. Несостоятельность «мадьярской» теории была доказана уже ранее. Мнение, что «на Северном Кавказе этим словом (маджар, манзар) население обозначало любое каменное заброшенное городище» (Волкова, 1972. С. 44) также не верно, так как это название появляется на серебряных дирхемах уже в 710 г. х. при хане Токте. Следовательно, оно относится исключительно к золотоордынскому времени, а не к более раннему или позднему. Так как в письменных источниках упоминаются люди высокого ранга, носящие имя Маджар, Ртвеладзе совершенно справедливо предположил, что одному из них могли быть пожалованы земли, на которых возник город, получивший такое же название (Ртвеладзе, 1972б. С. 155). Впоследствии были предприняты попытки выяснить, к какому именно роду принадлежал основатель города. Анализ монетного чекана Маджара 1370-х гг. привел Е.Ю. Гончарова к мысли, что наличие тамги Тохтамыша на маджарских монетах говорит о том, что город принадлежал одному из тука-тимуридских родов, управлявших восточной частью Предкавказья (Гончаров, 2012. С. 306). С ним polemизирует В.А. Бабенко. Указывая на то, что в роду Тука-Тимура не было потомков по имени Маджар, он считает, что город мог быть основан Шибанидами, так как дети Шибана занимали высокие посты на Кавказе, а одного из сыновей звали Маджар (Бабенко, 2014. С. 317–318). Наличие тамги Тохтамыша он объясняет появлением прав на Маджар или его часть у Тука-Тимуридов в конце XIV в.

Исследования 90-х гг. в общем и целом подтвердили большинство выводов В.А. Городцова и Э.В. Ртвеладзе. Раскопки котлована роддома и площади, прилегающей к больнице (бывшая территория монастыря) выявили большое количество погребений, как в склепах, так и без них. Однако ситуация на раскопе 3 1991 г. позволяет скорректировать выводы Э.В. Ртвеладзе. Здесь было найдено два строительных горизонта. К более раннему относятся жилые постройки, а к более позднему – перерезавшие их погребения. То есть здесь мы видим не распространение города на территорию кладбища, а наоборот – сокращение размеров жилых районов и превращение их в городские некрополи. Вероятно, это происходило в поздний период существования города. Точно такая же ситуация была прослежена на Селитренном городище, где в конце XIV в. внутри аристократических усадеб начинают хоронить умерших в грунтовых могилах и мавзолеях. Некрополь распространялся и на территории насосной станции и поселка Прикумской опытной станции. Судя по плану В.А. Городцова, здесь находилось владение О. Арзиманова.

Разведки и раскопки, проведенные в низинной части памятника на полях

совхоза «Прасковейский» показали, что культурный слой здесь достигает значительной мощности. По данным Э.В. Ртвеладзе мощность его 2–2,5 м (Ртвеладзе, 1972б. С. 152). Раскопки 1993 г. показали, что, несмотря на производившуюся здесь глубокую вспашку (до 80 см глубиной), толщина сохранившегося культурного слоя доходила до 60–80 см и содержала остатки сооружений 4–5 строительных периодов. На полях была локализована крупная гончарная мастерская, возможно целый квартал гончаров. Шурфовкой были выявлены остатки производственных комплексов, вероятно, связанных с металлообработкой. Все это соответствует определению Э.В. Ртвеладзе этого района как торгово-ремесленного. В результате сплошной пешеходной разведки на карту полей были нанесены участки с наибольшим распространением подъемного материала. Границы их в целом совпадают с планами предыдущих исследователей.

В 1991 г. на «острове» провел разведочные работы В.Ю. Малашев. На основании собранного подъемного материала он также датировал этот памятник II–I вв. до н.э.

В результате археологических раскопок и сборов был накоплен значительный нумизматический материал, анализ которого позволил сделать достоверные выводы о хронологии существования Маджара.

Как на большинстве крупных золотоордынских городищ, монеты являлись достаточно частой находкой. Медные и серебряные монеты, найденные на городище упоминают практически все исследователи, начиная с XVIII в. Тем не менее, до 60-х гг. XX в. количество определенных и опубликованных монет с Маджарского городища не превышало и сотни (Федоров-Давыдов, 1963. С. 206–207).

Самые древние монеты, происходящие с этой территории – это римские монеты и монеты Боспорского царства, о которых упоминают В.А. Городцов и Г.Н. Прозрителев (Городцов, 1911. С. 169; Прозрителев, 1906. С. 11, 14). Эти монеты единичны и относятся, вероятно, к поселению первых веков нашей эры на «острове». Далее появляются уже джучидские монеты XIV в. В.А. Городцов, который первым доказал возникновение Маджара в золотоордынское время особо подчеркивал отсутствие здесь находок арабских дирхемов VII–X вв., то есть хазарского времени (Городцов, 1911. С. 169).

Значительный объем монет (около 500) был собран А.П. Руничем и Э.В. Ртвеладзе. Этот комплекс был исследован Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 1971. С. 77–85; 1972а. С. 42–55; 1972б. С. 159–161). Исследователь пришел к выводу, что начало денежного обращения в Маджаре приходится на первое 10-летие XIV в., а существенный подъем его активности в правления Узбека и Джанибека. Это, однако, не проливает свет на непосредственное время возникновения города. Ю.Д. Обухов опубликовал китайскую медную монету династии Сун (XII–XIII вв.), найденную на городище. По его мнению, она могла попасть туда до отделения Улуса Джучи от Монгольской империи, то есть до 60-х гг. XIII в. Именно к этому времени он относит основание Маджара (Обухов, 2001. С. 128–130). Однако В.А. Бабенко считает, что во время, когда Берке принадлежал улус на Северном Кавказе, то есть до 1253 г. город еще не был основан (Бабенко, 2014. С. 316).

Данные нумизматики также позволили проследить некоторые эпизоды «великой замятни», феодальной смуты 60–40-х гг. XIV в. В первые ее годы город продолжал находиться под властью ханов, управляющих Нижним Поволжьем. После убийства хана Хызра осенью 1361 г. от Нижнего Поволжья начинают отпадать одна область за другой и превращаются в

самостоятельные владения, управляемые представителями феодальной золотоордынской знати. Маджар вначале входил в состав владений Кильдибека (1361–1362), а после смерти последнего в борьбе с ханом Мюридом в конце 1362 г. обособился в самостоятельное феодальное владение. Об этом, по мнению Э.В. Ртвеладзе свидетельствуют те медные монеты с надчеканкой, не найденными нигде, кроме городища Маджар (Ртвеладзе, 1972б. С. 159). Выпуск монет с этой надчеканкой в Маджаре проходил с 763 г.х. (1362–1363) до 767 г.х. (1365–1366), но уже в 767 г.х. здесь чеканится медная монета с именем ставленника Мамай, султана Абдаллаха. На первых порах Мамай и Абдаллах, вероятно, не смогли удержать город в своих руках, поскольку в 767 и 768 гг. (1366–1367 г.) в Маджаре осуществляется выпуск монет от имени хана Джанибека II, который по-видимому, владел г. Маджаром не менее одного года. Однако, в конце концов Мамай и Абдаллах взяли верх и вновь захватили Маджар, о чем говорит отсутствие монет Джанибека II после 768 г.х. и обнаруженные здесь медные монеты этого хана, надчеканенные именем Абдаллаха.

Также Э.В. Ртвеладзе предположил, что город был разгромлен войсками Мамай и мог быть перенесен на другое место, о чем могут свидетельствовать серебряные дирхемы с именем Мухаммеда, второго подставного хана Мамай, чеканенных в Маджаре ал-Джедид т.е. Новом Маджаре (Ртвеладзе, 1972б. С. 160).

В годы «великой замятни» по сравнению с предшествующими совершенно изменяется и состав монет. Ходившие на базарах города монеты Сарая и Сарая ал-Джедид в это время почти совсем вытесняются монетами местной чеканки. Ведение самостоятельного денежного хозяйства в г. Маджаре в связи с его политической обособленностью свидетельствует о нарушении в период феодальных смут обычных торговых и экономических связей города с городами Нижнего Поволжья, так ярко проявлявшихся при ханах Узбеке и Джанибеке.

Судя по нумизматическим объектам, жизнь в городе возобновляется во второй половине 70-х гг. XIV в., особенно при хане Тохтамыше, при котором в Маджаре чеканятся даже медные монеты. В 1395 г. Маджар подвергся новому разгрому, в этот раз со стороны армии Тимура, свидетельством чего является полное отсутствие на городище монет, относящихся ко второй половине 90-х гг. XIV в. и началу XV в. Через некоторый промежуток времени здесь вновь возрождается жизнь, и в первой четверти XV в. в Маджаре возобновляется торговля. Но возрождение городской жизни после разгрома войсками Тимура было недолгим. Распад Золотой Орды повлек за собой угасание ее городов, не избежал этой участи и Маджар.

Нумизматические коллекции из раскопок 1990-х гг., состоявшие из нескольких десятков медных и серебряных монет были определены и описаны Г.А. Федоровым-Давыдовым. Эта коллекция монет показывает, что денежное обращение медных монет (пулов) XIV в. в Маджаре было сходно с денежным обращением нижеволжских городов Золотой Орды. В первой половине XIV в. обращались главным образом медные анонимные монеты 1330-х гг. с надписью «высочайшее повеление» и изображением льва и солнца сарайской чеканки; в 1340-х гг. – медные анонимные монеты с изображением двуглавого орла новосарайской чеканки; и в 1350-х гг. – медные анонимные монеты с изображением розетки новосарайской чеканки. В 1360–1370-х гг. обращение медных монет сокращается: по-видимому, оно питалось главным образом старыми монетами. Монеты местного чекана обнаружены не были.

Для изучения обращения серебрянных монет большой интерес

представляет, найденный во время раскопок 1994 г., клад из 17 серебрянных монет*. Они также сарайской, новосарайской и гюлистанской чеканки. Состав клада, сокрытого в 1360-х гг., покапывает, что денежное обращение Маджара было сходно с обращением нижневолжских городов. Большой интерес представляют монеты Джанибека II 767 г.х. (1365–1366 гг.), которые по своему оформлению сходны с анонимными монетами того же времени с читаемой легендой «чекан Маджара», которые удалось выявить среди нумизматических фондов различных музеев. Это говорит о том, что найденные в описываемом кладе в количестве 3 экземпляров монеты Джанибека II были тоже маджарской чеканки. Некоторая концентрация находок монет этого типа в Маджаре подтверждает их маджарскую чеканку. Установленный факт говорит о том, что Маджар в эти годы был захвачен сепаратистски настроенным ханом Джанибеком II, который зашел так далеко в своем стремлении к автономии, что стал чеканить от своего имени в этом городе монеты. Это дополнительный штрих для понимания той обстановки феодальной раздробленности, которая господствовала в Золотой Орде в 1360–1370-х гг. То есть эти данные во многом подтверждают выводы Э.В. Ртвеладзе.

Наиболее полную сводку всех найденных на маджарском городище монет приводят В.П. Лебедев и В.М. Павленко (Лебедев, Павленко, 2012. С. 415–487). Проанализировав 485 серебряных, 4350 медных и 10 золотых монет, исследователи смогли создать достаточно подробную картину монетного обращения в Маджаре.

Денежное обращение в Маджаре началось в первые годы XIV в., опираясь на собственный чекан недатированных дирхемов Токты двух типов с вариантами и также недатированных его именных пулов с опущенным местом выпуска. Первый период работы монетного двора Маджара по чекану серебра закончился выпуском пореформенного данга Токты 710/1310 г. В последующие годы монетное обращение серебряных монет Маджара целиком обеспечивалось сарайским чеканом сначала Токты 710 г.х., затем Узбека 713–740/1313–1339 гг. Однако выпуск медных монет маджарского чекана продолжался и в первое 10-летие правления Узбека. С началом массовых выпусков сарайских пулов 721–737/1321–1336 гг. эти монеты стали основным средством обращения медной монеты в Маджаре.

С приходом к власти в Золотой Орде Джанибека по-прежнему основным поставщиком серебряных и медных монет в Маджар оставался столичный монетный двор, именовавшийся теперь Сарай ал-Джадид. Первый перерыв в самой массовой эмиссии новосарайских пулов произошел в 754–759/1353–1358 гг. Он вынудил местные власти приступить с 760/1359 г. к маркированию обращающихся пулов прошлых выпусков оригинальным типом надчеканки и возвращать их в обращение по новому курсу. Одновременно после 30-летнего перерыва возобновил чеканку монетный двор Маджара выпуском именных пулов Бердибека без указания города и даты. Кроме того, на нем же в это время, возможно, производился чекан анонимных недатированных пулов с цветочной розеткой некоторых вариантов с указанием места выпуска Сарай ал-Джадид.

С середины 760 г.х. резко снизилось поступление в Маджар дангов столичного чекана, а поставка пулов практически полностью прекратилась. Для насыщения находящейся в обращении денежной массы маджарский монетный двор в 764–765/1362–1363 гг. начал массовый чекан именных пулов Абдаллаха. В самом начале 766/1364 г. чеканка этих пулов завершилась, а выпущенные

* Впоследствии этот клад был опубликован А.В. Пачкаловым (Пачкалов, 2002).

ранее пулы стали в массовом порядке маркироваться крупномасштабными надчеканами, целиком забивавшими имя Абдаллаха. Скорее всего, это объясняется тем, что Маджар в этом году был отнят у Абдаллаха, после чего здесь со следующего 767/1365 г. началась чеканка дангов и пулов от имени Джанибека II. Большое количество вариантов и разновидностей дангов (и особенно пулов) указывает на длительный срок их чеканки. По-видимому, крайний срок окончания эмиссии этих монет – 774/1372 г., когда был выпущен данг от имени Мухаммада с указанием места чеканки *Маджар ал-Джадид*.

С приходом к власти Токтамыш в Маджаре стали выпускаться его именные монеты из обоих металлов. В последнюю треть XIV в. данги и пулы других монетных центров также имели хождение в Маджаре, но по сравнению с его собственным чеканом их доля была незначительна.

Важной особенностью денежного обращения Маджара является активное участие в нем международной валюты того времени – индийских золотых динаров XIV в. Самые младшие монеты исследованного монетного комплекса: данги 796/1394 г. чекана Азака, Крыма, Орды и пулы Азака; данги 797/1395 г. чекана Азака, Маджара и пулы Сарая ал-Джадид. Ни одной монеты, чеканенной после 797 г.х. и до конца XV в., в комплексе не оказалось.

Исследователи XVIII–XIX вв. отмечали находки на городище Маджара одиночных экземпляров персидских и турецких монет XVI в., а также Псковскую денгу того же времени, выкупленную для Эрмитажа. По мнению В.А. Кузнецова, эти находки свидетельствуют о том, что жизнь в Маджаре восстановилась, и он продолжал функционировать как основной рынок Центрального Кавказа (Кузнецов, 2012. С. 105). Однако, В.П. Лебедев и В.М. Павленко выдвигают другую гипотезу. Они считают, что эти чрезвычайно редкие находки являются свидетельством не возобновившегося в XVI в. денежного обращения, а посещения различными путешественниками мертвого города с хорошо сохранившимися зданиями (Лебедев, Павленко, 2012. С.442–443).

3. СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ЗАНЯТИЯ

Как уже отмечалось, все исследователи, посещавшие развалины Маджара, пытались понять, каким народом он был основан. Этническая принадлежность его населения определялась как мадьяры (И.Г. Гербер, В.Н. Татищев, И. Хаммер, П.Д. Шестаков, Ф.К. Брун, Ш. де Бесс), хазары (Н.А. Караулов, Ю.П. Проценко, В.Ф. Миллер, Г.Н. Прозрителев), скифы (С.Г. Гмелин), кипчаки (П.С. Паллас), ногайцы (И. Гюльденштедт), монголы (А.Ф. Бюшинг), татары (К.М. Бэр), татары и монголы (Волкова, 1972. С. 47–52).

Археологические исследования достаточно убедительно показывают, что Маджар был построен в золотоордынское время. Существующие сомнения в том, что до города здесь было поселение предшествующего периода, основываются пока на редких находках единичных вещей (например, одной китайской монеты XII–XIII вв.) (Обухов, 2001). Данных об этническом составе населения в письменных источниках не содержится. Можно лишь предполагать, что, как и во всех крупных золотоордынских городах, население было полиэтническим и поликонфессиональным.

Полиэтничность населения предполагает антропологическую неоднородность, поэтому для разрешения этой проблемы особенно важны антропологические исследования. Первые такие исследования на материале из

раскопок В.А. Городцова были проведены В.П. Алексеевым (Алексеев, 1967). Им были проанализированы 10 мужских и 3 женских черепа. Исследователь характеризует их как морфологически однородные, довольно массивные круглоголовые европеоидные с небольшой монголоидной примесью (Алексеев, 1967. С. 159). Такой облик, по мнению исследователя, имело население, как нижневолжских городов, так и Болгара. Кавказский компонент в исследованных черепах не прослеживался.

В дальнейшем, исследования обширного материала из некрополей Селитренного и Царевского городищ показали их существенное отличие от маджарской выборки, причем заключается это отличие, по мнению Л.Т. Яблонского, в почти полном отсутствии монголоидной примеси у населения Маджара (Яблонский, 1987).

Эти данные были уточнены в результате изучения антропологического материала из раскопок 90-х гг. В работе А.А. Евтеева было проведено исследование внутреннего разнообразия населения Маджара и степени его однородности. Также ставилась задача найти место маджарской выборки среди популяций других регионов золотоордынского государства, прежде всего территориально близких – кавказских (Евтеев, 2003). На основе проведенных анализов автор пришел к выводу, что население Маджара было неоднородным, и в его составе присутствовал монголоидный компонент. Также он отмечает наличие групп, близких по физическому облику местному населению предшествующей эпохи. Оба этих вывода соответствуют общим тенденциям этногенетических процессов в золотоордынских городах (Евтеев, 2003. С. 100).

Некоторые выводы о населении Маджара можно сделать из анализа его конфессионального состава. Несомненно, как и в других золотоордынских городах, значительную часть его составляли мусульмане. В своем описании Маджара Ибн Баттута упоминает большую соборную мечеть, в которой читал проповеди знаменитый проповедник из Бухары Иззеддин и суфийский скит, шейх которого Мухаммед Эль-батаихи был родом из Ирака (Тизенгаузен, 1884. С. 287). На плане, составленном И. Гюльденштедтом обозначены две мечети с минаретами (рис. 5). К сожалению, мечети Маджара пока не найдены и археологически не изучены. Из мечети, возможно, происходит большая (со стороной около 80 см) каменная чаша тошны, найденная на полях правобережной части городища и хранящаяся в краеведческом музее г. Буденновска.

О мусульманской принадлежности жителей города свидетельствуют и погребальные памятники. Прежде всего, – это многочисленные и прекрасные мавзолеи, благодаря которым Маджар был так известен. Исследователи описывают каменные надгробные плиты с арабскими надписями и изречениями из Корана. Все раскопанные погребения из маджарских некрополей совершены по мусульманскому обряду, хотя и с некоторыми отклонениями (Нарожный, 1988. С. 165).

Сведения письменных источников свидетельствуют о присутствии выходцев из Средней Азии и Среднего Востока. На присутствие хорезмийцев указывает также сходство архитектурных форм мавзолеев Маджара с подобными постройками Хорезма (Ртвеладзе, 1973; Зиливинская, 2010; 2011; 2013; 2014. С. 93–165; Зиливинская, Васильев, 2012; Зиливинская, Капарулина, 2013). Хорезмийские мастера оказали также существенное влияние на становление керамического производства в Маджаре (Гражданкина, Ртвеладзе, 1971).

Отклонения от точного соблюдения мусульманского обряда свидетельствуют о том, что люди, совершавшие его, приняли ислам недавно. Скорее

всего, это были бывшие кочевники – кипчаки. Такая ситуация наблюдается по всей территории Золотой Орды (Васильев, 2007; 2009).

Было в Маджаре и достаточно многочисленное христианское население. О наличии в городе христианского, скорее всего, православного храма говорится в русских летописях в связи с описанием прибытия в Маджар траурного кортежа с телом князя Михаила Тверского. Гроб князя сопровождающие хотели поставить на ночь в церкви, однако, правитель города не разрешил это сделать (ПСРЛ, 1851. С. 213–215; 1856. С. 196–197; 1885. С. 186). Сведения о христианской церкви в развалинах Маджара встречаются в источниках XVIII–XIX вв. Астраханский губернатор П. Кречетников в 1775 г. писал о старинном городе на Куме, в котором была каменная церковь. А.П. Архипов также зафиксировал в западной части городища углубление в виде «правильного восьмиугольного креста», который, по его мнению, являлся фундаментом христианского храма. Г.Н. Прозрителев упоминал о том, что архитектор Алексеев сообщал о прекрасно сохранившихся в 1837 г. фресках и найденной в усадьбе О. Арзиманова церковной утвари (Бабенко, 2006. С. 885). В.А. Городцов пытался найти эту церковь, но его попытка не увенчалась успехом (Городцов, 1911. С. 174–175).

Православному русскому жителю принадлежал крест-энколпион, найденный на правом берегу Кумы у артезианского колодца. Такие кресты найдены при раскопках Киева и датируются XIII в. Э.В. Ртвеладзе, опубликовавший эту находку считал, что этот крест мог принадлежать пленному русскому, пригнанному в Маджар (Ртвеладзе, 1965). Однако, энколпионы носили не простолюдины, а достаточно зажиточные люди и духовенство. Поэтому можно предположить, что владельцем креста был не раб, а русский купец или священник.

В Маджаре проживало и армянское население, о чем свидетельствуют находки хачкаров. И.В. Волков предположил, что здесь мог существовать и армянский храм (Волков, 1996. С. 213–214). На присутствие армянского компонента указывают и некоторые формы керамики, например, специфические сфероконусы с плоским дном (Ртвеладзе, 1974).

Возможно, в Маджаре был католический монастырь. Название Маджара встречается в сочинении Л. Ваддингга «*Annales Minorum*» XVII в., в котором приводится перечень францисканских монастырей. Подтверждение этого есть и во французских архивах (Бабенко, 2006. С. 885–886).

Этническую пестроту постоянных жителей города дополняли многочисленные купцы из различных частей света. Ибн Баттута упоминает еврея из Андалузии, встреченного им на местном базаре (Тизенгаузен, 1884. С. 289).

Значительно больше можно сказать о занятиях населения Маджара на основании данных археологических исследований. Жители города занимались как ремеслом, так и сельским хозяйством. О том, что в округе сеяли зерновые, свидетельствует находка каменного катка для молотбы хлеба и многочисленных жерновов, которые местные крестьяне собирали и использовали в хозяйстве (Городцов, 1911. С. 175–178, 182). К сожалению, археологические коллекции Маджара пока не обработаны, поэтому можно только привести данные В.А. Городцова о том, что в культурном слое встречаются кости лошади, коровы, овцы и козы. Из свиных костей исследователь нашел один клык (Городцов, 1911. С. 180). Совершенно очевидно, что стада этих животных паслись в окрестностях Маджара. На это прямо указывает Ибн Баттута (Тизенгаузен, 1884. С. 287).

Среди ремесел наиболее хорошо изучено гончарное производство. Э.В. Ртвеладзе, основываясь на анализах поливной керамики, проведенных Н.С. Гражданкиной, пришел к выводу о значительном влиянии Хорезма на керамическое производство в Маджаре. Исследователи рассмотрели поливные кашинные сосуды, относящиеся к 4 различным типам, штампованную керамику с глазурями и без них, а также архитектурный декор в виде монохромных изразцов на кашине, изразцов с позолотой и надглазурной росписью. Все эти типы керамики, по мнению Ртвеладзе, привезены непосредственно из Хорезма или столичных городов Нижнего Поволжья, где производство также было налажено хорезмийскими мастерами (Гражданкина, Ртвеладзе, 1971. С. 127–134). Не исключает исследователь и местное производство этой керамики мастерами, вывезенными из Хорезма (Гражданкина, Ртвеладзе, 1971. С. 131).

Но наиболее полно и подробно проанализировал керамический комплекс Маджара И.В. Волков. Ему посвящена серия работ, в которых рассматриваются керамические материалы, происходящие из Маджара в музеях Ставропольского края и из раскопок 1990-х гг. (Волков, 1991; Волков, Зиливинская, 1996). Имеет смысл привести здесь выводы И.В. Волкова полностью.

В Маджаре работали две большие группы мастерских (что обычно для золотоордынского города). Одна из них выпускала и поливную, и неполивную керамику, другая – только неполивную. Естественно, что при этом шло смешение традиций производств, но, несмотря на это, сформировались два массива керамики, обладающие значительным внутренним единством и по ассортименту, и по технологии.

Первая группа (только неполивной керамики) представляет собой часть массива, развивавшегося на салтовских традициях. В основной своей массе это керамика с красным ангобом и лощением, сделанная с помощью спирально-жгутового налета на этапе РФК-3-4 (рис. 17). Близкие технологические традиции развивались в бассейнах Дона и Кубани, по всему Северному Кавказу и Северному Причерноморью, в обеих Болгариях. Обжиг этой керамики чаще бывает трехслойным, но есть незначительные отличия от местной неполивной керамики других районов: средняя темная прослойка имеет меньшую интенсивность окраски и более «размытые» границы. Значительная часть (около 30%) маджарской керамики этой группы вообще имеет сплошной обжиг.

Эталонный комплекс керамики этой группы был получен при раскопках горна в северо-западной части городища в 1990 г. Разнобой в составе формовочных масс керамики из этого горна показывает, что им пользовались мастера с разными традициями. В целом можно отметить, что эта керамика более пористая, чем в остальных частях обозначенного «постсалтовского» массива.

Еще одной отличительной чертой маджарской керамики этой группы являются используемые ангобы. Красные, которыми пользовались больше всего, имеют более яркую красно-оранжевую окраску. Слой ангоба обычно тоньше, сквозь него видна основа изделия, а также в подавляющем большинстве случаев – следы кисти для нанесения цветной глины. Достаточно многочисленна группа керамики с лощением по белому ангобу. Формовочные массы имеют некоторые отличия, связанные с качеством исходного сырья: концентрация чешуек слюды в красной глине в 2–3 раза выше, чем в азовской и прикубанской.

Вторая группа (поливной и неполивной керамики) значительно легче поддается выделению, поскольку весьма своеобразна и, видимо, не имеет

родственных производств на территории от Дона и устьев Волги до Северного Кавказа. Она составляет около 40% всего комплекса в Маджаре, где известна не только по находкам из «бытового» культурного слоя, но и по сборам на месте керамической мастерской в юго-восточной части городища.

Для формовочных масс керамики этой группы характерен желтый или розово-оранжевый цвет и сплошной обжиг (рис. 18). Самым ярким диагностическим признаком является высокая пористость (до четверти объема). В результате удельный вес черепка разительно отличается от плотности керамики других городов. Способы формовки могли быть различными. Маленькие сосуды чаще вытягивали из одного куска глины (РФК-6-7, донно-емкостная программа), большие сделаны с помощью спирально-жгутового налета (РФК-4-5). Характер обработки поверхности неполивной керамики, как правило, – простое заглаживание рукой. В отдельных случаях применялись ангоб и лощение. Это относится только к традиционным «местным» формам, а не к привнесенным вместе с культурой Золотой Орды и исламом – водолеям (афтоба) и небольшим горшкам и кувшинам (большие тарные не входили в ассортимент). На горшках, которые также не входили в состав собственно золотоордынского ассортимента, встречается мелкое рифление, нанесенное гребенчатым штампом по всему тулову.

Поливную часть ассортимента керамики этой группы составляют в основном брусковидные изразцы с бирюзовой глазурью (обычно с продольными боковыми пазами), широко представленные даже в материалах из раскопок (рис. 19). Более редки рельефные желтоглиняные и розовоглиняные изразцы со сплошным покрытием бирюзовой глазурью или только заливкой углубленных частей толстым слоем фритты. В значительно меньших количествах встречаются изразцы-плитки, причем для них кроме бирюзовой могли использовать зеленую, темно-фиолетовую и белую глушеную глазурь. Из посуды поливными могли быть чаши, кувшины, гулабданы (сосуды для розовой воды), афтоба и туваки (детские горшки). Местной поливной посуды в слое меньше, чем импортной, однако в частных коллекциях она представлена широко. Цвета маджарских полив также достаточно отличительны: светло-зеленый, темно-зеленый или желтый двух оттенков (очень светлый и почти коричневый). Еще одна особенность – использование бирюзовой поливы для глиняных (не кашинных) изделий.

Чаши могли иметь декор в технике сграффито. Примечательно, что подглазурная роспись ангобом на местной маджарской керамике пока не была встречена, что вполне естественно, так как сочетание светлого фона с розовым ангобом не давало желаемого эффекта контраста. Цвет глазури также очень специфичен, что отчасти объясняется цветом глиняной основы, значительно более светлой, чем в других городах. В результате контрастность гравированного орнамента существенно ниже общей. В ассортимент входили также чаши без гравировки, со светло-зеленой поливой и потеками марганца. Специфическим является частое использование техники сграффито на афтоба и чашах с бирюзовой глазурью.

При идентификации керамики, как известно, самой информативной частью является дно. Маджарскую поливную керамику делали по донно-емкостной программе сначала плоскодонной, а затем наклепывали кольцо-поддон. В результате поддоны никогда не имеют следов вырезания внутренней полости ножом, их поверхность заглажена мокрой рукой, часто присутствуют характерные трещинки или небольшое углубление в месте соединения поддона, внешние линии емкости внутри поддона и снаружи обычно совпадают.

До настоящего времени проблематичен вопрос о производстве в Маджаре желтоглиняной штампованной керамики с выделением элементов орнамента бирюзовой и синей глазури. Очевидно, что просто штампованную керамику в городе делали (хотя калыпы пока не найдены). Но изделия упомянутой смешанной техники при их относительной немногочисленности в Маджаре – предмет устойчивого «неопределенного» импорта во всех городах Золотой Орды. Анализ предметов из частных коллекций подталкивает к выводу о большей возможности маджарского происхождения этих изделий.

В целом же вторая группа керамики является результатом смешения местных домонгольских, закавказских (Западная Персия, восточная часть Малой Азии), золотоордынских столичных и (в меньшей степени) причерноморско-крымских традиций.

Керамический комплекс Маджара сложен, так же как и в других золотоордынских городах. Существенным его отличием от других городов было то, что р. Кума, на которой стоит город, была в золотоордынское время, как и сейчас, несудоходна, поэтому проникновение в город импортных керамических изделий шло в основном по оживленным сухопутным дорогам. В связи с этим при исследовании мы получаем картину передвижения купцов, путешественников, беженцев, обычных мигрантов. Отсутствие водных путей обусловило то, что общий процент импортной керамики в Маджаре несколько ниже, чем в ордынских городах, обладающих таковыми, а предметы редкого дальнего импорта представлены вообще только в частных коллекциях.

Соотношение групп импортной керамики показывает, что наиболее интенсивной была связь Маджара со столицами Золотой Орды и городами Восточного Крыма, значительно меньшей – с Азаком, Хорезмом, Ширваном. Стабильно, но в очень незначительных количествах, в слое встречалась керамика из Средней Азии (южнее Хорезма), Персии, Средиземноморья и с Балкан. В частных коллекциях из дальних импортов представлены помимо селадона и бело-голубого фарфора китайская керамика типа цы-джоу и испано-мавританский люстр. Свидетельством тесной связи города со столицами является то, что при массовом местном производстве и разнообразии изразцов импорт кашинного архитектурного декора из Поволжья (в т.ч. в технике ладжвардина и минаи, последняя чаще на бирюзовой глушеной, а не на белой глазури) представлен шире, чем, например, в Азаке.

В 1993 г. на правом берегу Кумы, на распаханых полях была найдена гончарная мастерская. Подъемный материал с территории мастерской свидетельствует о том, что здесь делали специфическую маджарскую керамику – из легкого сильнопористого теста сквозного обжига, преимущественно желтого и оранжевого цветов. Ассортимент неполивной продукции довольно широк – это различные виды хозяйственных и столовых чаш, светильник-подсвечники, водопроводные трубы, детские туваки, водолеи-афтоба, различные виды кувшинов, двуручные круглодонные амфоры, кухонные горшки. В рамках одной мастерской имеются технологические отличия в производстве: сосуды небольшого размера целиком вытягивали из глины, а большие формовали спирально-жгутовым налепом. Часть афтоба и кувшинов покрыта красным ангобом и лощением. В этой же мастерской делали поливные пиалообразные чаши, в том числе с гравировкой по ангобу и брусковидные изразцы с бирюзовой глазурью.

Печной припас представлен разделителями для чаш (сепая), конусовидными разделителями для изразцов, стаканообразными крышками с отверстиями для продухов горна. Глазури на маджарских чашах имеют особенно

сти цветов, характерные именно для этого города: гравированный по ангобу орнамент обычно выглядит более бледно, чем в других золотоордынских городах, из-за светлого цвета основы сосуда.

Вопреки существовавшему до сих пор мнению о том, что в Маджаре производили кашинную керамику (Булатов, 1968; Гражданкина, Ртвеладзе, 1971), И.В. Волков пришел к выводу, что этого производства здесь не существовало (Волков, 1991).

Некоторые изделия из коллекций Ставропольского и Буденновского музеев И.В. Волков также считает произведенными в этой мастерской. К ним относятся светильники на высокой ножке, миниатюрные тарелочки, сфероконусы. Также в музеях широко представлены различные типы брусковидных изразцов, как плоских, так и лекальных, предназначенных для облицовки круглых зданий (минаретов и мавзолеев).

Сфероконусы из Маджара были изучены еще Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 1974). Исследователь разделил их на две группы – орнаментированные и не орнаментированные. Не орнаментированные были двух видов с коническим и плоским дном. Встречаются как привозные, так и местные сосуды. По мнению Э.В. Ртвеладзе, производство местных сосудов возникло под влиянием Средней Азии и в меньшей степени – Закавказья. И.В. Волков также подтверждает существование местного производства сфероконусов с устойчивой формой и орнаментацией из характерного местного теста. Местной особенностью маджарских сфероконусов являются капельки зеленой поливы местного оттенка на стенках (Волков, 1991).

И.В. Волковым также был исследован одиночный горн на левом берегу Кумы (рис. 20). Горн был частично разрушен строительным котлованом. Он имел круглую в плане форму и двухъярусную конструкцию без подпорного столба. В топочную камеру вел вход в виде желоба. В топочной камере были зафиксированы следы сырцовый обкладки стен. Керамический бой из заполнения горна не дал целых форм, однако можно утверждать, что в ассортименте господствовали кувшины разных форм и размеров. Сосуды имели лощение по красному ангобу. Качество обжига колеблется от сквозного до невыразительного трехслойного. Плотность формовочной массы больше, чем в мастерской на правом берегу, но меньше, чем на золотоордынских памятниках Прикубанья и в Азове. Поливная посуда в этом горне не обжигалась.

О других видах ремесленного производства имеются только косвенные данные. Обилие кирпичных построек позволяет сделать вывод о значительном размахе производства обожженных кирпичей. Развита была и резьба по камню. Из камня вырезались многочисленные архитектурные детали, такие как колонны с базами и капителями, ступени лестниц, стенные фризы, чаши тошнау, водосточные желоба, надгробия. Из камня изготавливались и бытовые предметы – жернова, катки для молотбы и др. Э.В. Ртвеладзе указывает на то, что ракушечник для камнерезного производства привозился из района современного с. Бурлацкого, а мрамор из района Теберды (Ртвеладзе, 1972б. С. 157).

Частой находкой являются изделия из металла (рис. 21, 22). Следы металлургического производства были обнаружены при раскопках на правом берегу Кумы в 1993 г. Здесь на поле, на месте большого зольного пятна был заложен шурф. К сожалению, никакие сооружения в шурфе глубиной 140–145 см глубиной обнаружены не были. Там было найдено много битого кирпича, золы. Дно шурфа сильно прокалено до красного цвета. В заполнении было огромное количество (более 8 000) костей животных, большая часть которых

носила следы меди зеленого цвета. Были найдены медные шлаки, фрагмент литейной формы (рис. 23) и латунная булавка. Также в шурфе обнаружены 11 монет, датированных 40 гг. XIV в. Скорее всего, здесь находилась металлообрабатывающая мастерская.

Э.В. Ртвеладзе также нашел на правом берегу участок размерами 40 х 20 м, насыщенный медными и железными шлаками. В этом же районе он находил ювелирные литейные формы. Находки стеклянных шлаков позволили предположить наличие стеклодувного производства (рис. 24) (Ртвеладзе, 1972б. С. 157).

Остальные ремесла определяются гипотетически. Нехитрые костяные изделия в виде ручек ножей, пуговиц, накладок, кочедыков и др. очевидно производились в городе (рис. 25). Находки пряслиц говорят о занятии населения ткачеством. Н.Г. Волкова также предположила развитие здесь кожевенного производства и обработки шерсти (Волкова, 1972. С. 62).

Население Маджара занималось не только ремеслом, здесь была развита и торговля. Одной из причин строительства Маджара именно в этом месте Э.В. Ртвеладзе, по его удачное географическое положение на пересечении торговых путей, ведущих из Закавказья к Нижнему Поволжью и Дону (Ртвеладзе, 1972б. С. 155). Из записок Ибн Баттуты известно, что в городе был базар со множеством торговцев. Там путешественник встретил уже упоминавшегося еврея из Андалузии (Тизенгаузен, 1884. С. 289). Ртвеладзе локализует городской базар на правом берегу Кумы, где сейчас расположены поля (Ртвеладзе, 1972б. С. 157).

Археологические находки также свидетельствуют об обширных торговых связях, как с регионами Золотой Орды, так и другими странами. В культурном слое встречаются обломки керамики из Нижнего Поволжья, Хорезма, Крыма, Закавказья. Талькохлоритовые котлы привозились из Хорезма; китайские предметы представлены селадоновыми сосудами (рис. 26) и зеркалами; раковины каури и перламутровые изделия поступали из Индии.

Внутренние связи отражают нумизматические находки. На рынках города ходили медные и серебряные монеты из столичных городов Нижнего Поволжья, известны находки монет из Мохши и Хорезма (Ртвеладзе, 1972б. С. 157).

Данные нумизматики свидетельствуют и о том, что Маджар был центром международной торговли. В разные годы на территории городища были найдены монеты из русских княжеств, Византии, Закавказья, Ирана, Средней Азии, Китая и Индии (Пачкалов, 2008). Среди этих иноземных монет особо следует выделить золотые динары Делийского султаната (рис. 27). Сведения об этих монетах были неоднократно опубликованы (Ртвеладзе, 1972а; Волков, 2001а; Нарожная, 2003; Лебедев, Павленко, 2008. С. 440–441). В настоящее время известно 29 золотых динаров, найденных на Маджарском городище. Как отмечают В.П. Лебедев и В.М. Павленко – это самое большое количество экземпляров, происходящих с золотоордынских городищ (Лебедев, Павленко, 2008. С. 441). Большая часть этих монет (17 шт.) найдена на правом берегу в торгово-ремесленном районе. Три динара происходят с левого берега из района больницы, где, по мнению Э.В. Ртвеладзе, находились районы бедноты, еще 5 монет подняты на правом берегу в «сельскохозяйственном пригороде». Сам факт обнаружения этих небольших кладов позволяет пересмотреть атрибуцию данных районов города. Рассмотрев датировку золотых монет из Маджара, В.П. Лебедев и В.М. Павленко определяют две волны поступления индийского золота в Маджар. Первая приходится на время Токты и начало правления Узбека, вторая – на правление Джанибека I (Лебедев, Павленко, 2008. С. 441).

Исследователи пытались выяснить, какие товары покупались на золотые динары. Наиболее распространенными являются две гипотезы. Еще в 1887 г., рассматривая клад из 7 динаров в Булгаре, А.Ф. Лихачев высказал предположение, что эти деньги служили для расчетов при торговле лошадьми (Лихачев, 1887. С. 73). При этом он ссылается на Ибн Баттуту, который писал о том, что из Кипчака в северную Индию вывозили лошадей. Далее эту же мысль повторяли многие исследователи. Э.В. Ртвеладзе, придерживаясь этой версии, считал, что Северный Кавказ, славящийся своими породами аргамаков, был одним из основных коневодческих районов Золотой Орды. Он считал, что кроме лошадей в Индию могли ввозить верблюдов и вяленые дыни из Хорезма (Ртвеладзе, 1972а. С. 271). В.П. Лебедев и В.М. Павленко со ссылкой на Е.Г. Еманова (Еманов, 1995) также считают, что основным предметом экспорта из Золотой Орды в Индию были кони. Кроме них на золото могли покупать рабов и кожи (Лебедев, Павленко, 2008. С. 441). Эту же идею развивает Ю.А. Прокопенко, рассуждая о наличии на Кавказе особой породы скаковых лошадей, возникшей в результате скрещивания местных лошадей со знаменитым среднеазиатским конем ахалтекинской породы (Прокопенко, 1996. С. 31).

Г.А. Федоров-Давыдов связывал поступление золотых монет с разницей курса золота и серебра в Индии и Золотой Орде. По его мнению, индийские купцы покупали на золото серебряные слитки (Федоров-Давыдов, 1978. С. 253–255). И.В. Волков, не отрицая возможности торговли лошадьми, считает более правомерными построения Г.А. Федорова-Давыдова. Он ставит вполне резонный вопрос, почему при покупке каких-либо товаров индийские купцы совершенно не использовали серебряную монету? Действительно, находки серебряных индийских монет в Европе совершенно не известны (Волков, 2001а. С. 113). Рассмотрев различные аспекты международной торговли золотом и серебром, Ф.Б. Нарожная также признает правоту гипотезы Г.А. Федорова-Давыдова (Нарожная, 2003. С. 185). В любом случае, находки индийских монет свидетельствуют об активном участии Маджара в международной торговле.

Товары с рынков Маджара поступали и в поселения округа города и в степи Ставропольской возвышенности, населенные кочевниками. Исследования последних лет выявили большое количество поселений и могильников, связанных с Маджаром и, вероятно, расположенных вдоль торговых путей (Бабенко, 2001; 2012).

4. ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА МАДЖАРА

Маджар, вероятнее всего, имел усадебно-уличную планировку. При описании «маджарских развалин» практически все исследователи упоминают не сплошной массив, а отдельные участки, бугорки, на которых видны остатки строений. При разведках на правом берегу Кумы, где располагались поля совхоза «Прасковейский», по пашне хорошо были видны отдельные желтые пятна, указывающие на наличие разрушенных сырцовых построек. Пятна имели диаметр от 10 до 20 м и располагались рядами, идущими в направлении северо-запад – юго-восток.

В.А. Городцов на территории монастырских владений раскопал участок улицы, разделяющей усадьбы (Городцов, 1911. С. 197–198). Улица представляла собой «долину», по обеим сторонам которой располагались холмы (остатки построек). Разрез этой «долины» показал, что она имела ширину

чуть более 3,5 м и была с двух сторон ограничена глинобитными валами, которые являлись дувалами усадеб. Поверхность улицы состояла из черной натопанной земли, которая не распространялась под валы.

Простейшими жилыми и хозяйственными сооружениями в Маджаре были землянки и полуземлянки, пол которых был заглублен незначительно. Несколько таких землянок было исследовано в 90-е гг. Две из них вскрыты при раскопках в районе больницы. Землянка 1 имела прямоугольную форму. Размеры ее 3,8 x 3,4 м. Ровное материковое дно заглублено на 1,8 м относительно уровня материка. Вход в землянку не сохранился, так как был перерезан строительным котлованом. Никаких внутренних конструкций не обнаружено. В заполнении было большое количество костей, фрагментов керамики и целая глиняная копилка. Землянка 2 представляла собой яму овальной формы глубиной 1,25 м от уровня материка (рис. 28). Размеры ее по дну – 4,2 x 2,4 м. В нее вел вход шириной 70–80 см, в котором прослеживались две ступени. Это небольшое сооружение, скорее всего, было не жилым, а хозяйственным. На правом берегу Кумы также было частично исследовано заглубленное в землю жилище. Размеры его 3,4 x 4,0 м, глубина – 80–85 см.

В Маджаре строились однокомнатные и многокомнатные наземные дома. Многие из них имели стены из дерева, которые не сохранились, поэтому планировка таких домов частично прослеживалась по внутренним конструкциям – канам и суфам. Остатки небольшого наземного дома найдены на раскопе III к северу от здания больницы. Здесь был расчищен тандыр с остатками кана. Полностью проследить планировку жилища не удалось, так как оно было разрушено погребениями более позднего некрополя.

Участок городища к югу от зданий больницы (раскоп IV 1991 г.) был сильно разрушен при строительстве монастырских зданий. Остатки одной такой постройки были найдены в раскопе. Стены ее частично были сложены из брусковидных кирпичей с заводскими клеймами, которые позволяют датировать возведение ее концом XIX – началом XX вв. Тем не менее, в раскопе также был расчищен золотоордынский дом (рис. 29). Дом был ориентирован по сторонам света и имел приблизительные размеры 4,0–4,5 x 4,0–4,5 м. Стены его, вероятнее всего, были деревянными и не сохранились. Внутренние конструкции были представлены каном с очагом и остатками стенок П-образной суфы. Вдоль северной стены был сооружен двухканальный кан с топкой (тандыр в сырцовой обкладке) в восточной части. Ширина кана 90–95 см. В 2,4 м от восточного торца кана, перпендикулярно его направлению была сложена стенка западного участка суфы. Общая длина ее составляла 2,65 м. Еще один участок суфы примыкал к южной стене дома. Пол помещения был глинобитным. В полу находились ямки для золы (перед устьем печи) и погребки.

Остатки аналогичных домов обнаружены также на раскопе 1993 г., заложенном на правом берегу Кумы на полях совхоза «Прасковейский». Несмотря на то, что верхний слой здесь был разрушен глубокой (до 80 см) вспашкой под сады и огороды, в культурном слое было прослежено четыре строительных горизонта. Благодаря наличию нумизматического материала, горизонты были хорошо продатированы: I период относился к началу XIV в., II период – к 20–40 гг. XIV в., III – к 60-гг. и IV период – к концу XIV в. Жилые постройки относились к II и III горизонтам. От двух домов III периода частично сохранились стенки канов и суф. Планировка дома II периода была прослежена полностью.

Дом прямоугольный в плане размерами 6,3 x 4,1–4,2 м и ориентирован длинной осью по линии СВ-ЮЗ (рис. 30). Стены его были каркасными дере-

вянными. По всему периметру дома от них сохранились прямоугольные в разрезе канавки, выкопанные в материке. Ширина их – 18–22 см. На углах, а также посредине стен помещений в канавках прослеживались круглые ямки от столбов диаметром 20–30 см. В некоторых местах сохранились остатки глиняной обмазки дощатых стен, возвышающиеся над уровнем материка на 5–18 см. Обмазка имела толщину 22–24 см и состояла из трех слоев: между двумя тонкими (3–5 см) слоями желтой глины находился серый глинистый слой толщиной 12–18 см.

Дом состоял из двух помещений: большего, квадратного в плане жилого помещения (№ 1) и меньшего хозяйственного помещения (№ 2). Размеры их, соответственно, 3,8 x 4,2 м и 3,6 x 1,6–1,7 м. Помещения были разделены стеной из серого сырца. Толщина стены составляла 20 см, и с двух сторон поверхность ее была покрыта слоями желтой глиняной обмазки толщиной 5 см каждый.

В помещении 1, расположенном в юго-западной части дома находился кан с очагом, две суфы и несколько хозяйственных ям (рис. 31). Двухканальный кан был сложен вдоль северо-западной стены комнаты. Общая ширина его составляла около 100 см. Топка располагалась в 3,0 м от юго-западной стены. Она имела цилиндрическую форму (диаметр – 24 см, высота стенок – 30 см). Стенки топки сложены из сырцов и обмазаны толстым слоем глины, который был прокален до ярко-оранжевого цвета. Устье топки обращено к юго-востоку, и перед ним в полу выкопана ямка для сбора золы.

Юго-западную часть помещения занимала большая суфа, которая вместе со встроенным в нее каном имела П-образную форму. Она имела неоднородное строение. Юго-западная прямоугольная часть ее, которая находилась между каном и юго-восточной стеной, была вырезана из черного глинистого материка. Размеры ее 2,8 x 1,6 м. К основной части суфы, вероятно позднее, были сделаны две пристройки. Одна из них размерами 1,0 x 1,2 м примыкала к кану и материковой суфе. Другой участок суфы был пристроен к материковой ее части и юго-восточной стене комнаты. Стенки этих суф сложены из сырцов. В суфе была сделана прямоугольная (0,5 x 1,5 м) яма-погребок, которая перекрывалась деревянной крышкой. Еще одна суфа в виде узкой скамьи размерами 2,8 x 0,4 м была сделана вдоль северо-восточной стены комнаты.

Пол помещения был земляной, материковый, слегка заглубленный относительно дневной поверхности. В центре находилась круглая яма с гладкими стенками и ровным дном, которая, вероятно, являлась тошной. Вход в помещение находился с южной стороны.

Помещение 2 занимало северо-восточную часть дома. Оно имело земляной пол, в котором были выкопаны две симметрично расположенные ямы-погребки (рис. 32). В верхней части размеры их составляли примерно 1,0 x 1,0 м, к дну они слегка сужались. В одном из этих погребков имелось углубление цилиндрической формы с плоским дном. Скорее всего, здесь был вкопан сосуд для хранения жидких продуктов.

Это здание, состоящее из жилой комнаты и хозяйственного помещения, могло принадлежать семье небогатых ремесленников, о чем свидетельствует его близкое расположение к металлообрабатывающим мастерским, обнаруженным на том же поле.

Возможно, такую же планировку имел дом, частично вскрытый на I раскопе, расположенном к югу от больницы на левом берегу. Стены дома были прослежены по канавкам прямоугольного сечения, выкопанным в материке. В эти канавки были вкопаны деревянные стены здания. Северная и западная

стены уходили под борта раскопа, что позволило принять гипотезу о наличии второго помещения. Помещение 1, вошедшее в раскоп, представляло собой прямоугольную в плане комнату размерами 3,30 x 3,60 м. Глинобитный пол помещения был заглублен на 35 см ниже уровня материка. На нем лежал слой золы. В помещение вел скользящий вдоль южной стены проход шириной 110 см. Он был сделан в виде слегка ступенчатого пандуса.

Внутренние конструкции дома были вырезаны из материка. Вдоль западной стены шел двухканальный кан, стенки которого были материковыми. Сверху каналы были перекрыты сырцовыми кирпичами, которые провалились внутрь. На севере кан заканчивался вертикальным дымоходом, от которого осталась ямка сажеприемника. С южной стороны к кану примыкал тандыр диаметром 50 см. В полу перед тандыром сделано углубление для сбора золы.

К северной стене помещения примыкал массив суфы, также вырезанный из материка. Суфа имела ширину 150 см и высоту 50 см. В центре ее находилась круглая яма-погребок диаметром 104 см и глубиной 40 см. В северо-восточном углу помещения находилась круглая яма, которая, вероятно, также имела хозяйственное назначение.

Дома, состоящие из двух комнат, одна из которых является жилой, а другая служит кладовкой, вообще типичны для домостроительства Маджара. Несколько таких домов были раскопаны В.А. Городцовым. Дом 1 [нумерация моя – Э.З.] находился в «Кирках» (Городцов, 1911. С. 182–183). Стены его, сложенные из сырца, имели толщину 70 см. Постройка прямоугольная в плане размерами 10 x 8,4 м (рис. 33.1). Поперечная стена разделяла пространство на квадратную в плане жилую комнату размерами 6,5 x 6,3 м и хозяйственное помещение размерами 6,5 x 2,1 м. Вход в дом находился с юго-восточной стороны, из него можно было попасть в обе комнаты. В хозяйственном помещении у входа был сделан порог, выложенный обожженными кирпичами в 2 ряда. Основная площадь пола была обмазана глиной. На полу лежал расколовшийся жернов. В жилой комнате вдоль стены, служившей перегородкой, была сделана прямоугольная суфа. Размеры ее 5,3 x 1,05 м, высота около 50 см. Остальное пространство комнаты занято полом, полностью выложенным обожженными кирпичами. У западной стены, как раз у ее середины находилась тошна. Раковина ее сделана из каменной плиты квадратной формы со стороной 48 см. На плите вырезана восьмиугольная звезда с треугольными лучами, а в центре просверлено отверстие. Между плитой и кладкой пола были проложены голубые изразцы в виде прямоугольных брусков. Поглощающий колодец тошны конически расширялся книзу, стенки его выложены из обломков кирпичей. Судя по оформлению, дом принадлежал относительно зажиточному горожанину.

Аналогичную планировку имел дом 3 (Городцов, 1911. С. 188). Размеры его В.А. Городцов не указывает, но говорит, что здание было разделено на две неравные комнаты. В доме было найдено интересное сооружение в виде ящика из четырех, поставленных на ребро кирпичей. Ящик был поставлен на уступчатый постамент, сложенный из трех слоев кладки. Сверху огороженное пространство было закрыто пятым кирпичом. В.А. Городцов высказывает предположение, что здесь могли что-либо прятать, однако по конструкции такой «кирпичный ящик» более всего напоминает среднеазиатский очаг типа «сандали» (Писарчик, 1982. С. 93–100).

Дом 4 на усадьбе Арзиманова был сильно разрушен пашней (Городцов, 1911. С. 190–191). О нем сообщается только, что стены его толщиной 90 см

были сложены из сырца. Общие размеры здания 10,5 x 10 м. Внутреннее пространство разделено стеной на комнаты шириной 2,1 и 5,7 м.

Дом 5, раскопанный в монастырских владениях имел размеры 10,7 x 8,5 м (Городцов, 1911. С. 193). Сохранились только внешние сырцовые стены толщиной 90 см и участки глинобитного пола по углам. Средняя часть здания была разрушена, однако его пропорции позволяют предположить, что оно также было двухкомнатным.

Дом 6 ориентирован осью по линии С-Ю. Размеры его составляли 10,7 x 6,5 м (рис. 33.2). Сырцовые стены его имели толщину 90 см, вход шириной 130 см находился с восточной стороны. Он вел в большую комнату размерами 6,3 x 5,1 м, которая соединялась с меньшим помещением, размеры которого составляли 6,3 x 2,1 м. В южной стене большой комнаты по центру была сделана ниша. Полы в комнатах были глинобитными, гладкими. Вдоль восточной стены была прослежена ровная глинобитная площадка (9,2 x 2,1 м). По предположению В.А. Городцова площадка служила верандой и имела навес, защищавший от дождя и солнца (Городцов, 1911. С. 194).

Двухкомнатные дома, состоящие из квадратной в плане жилой комнаты и небольшого узкого хозяйственного помещения типичны именно для Маджара. В Нижнем Поволжье преобладают другие типы домов (Егоров, 1970; Зиливинская, 2008; 2010а; 2011б). Однако, в «двойном доме» на Водянском городище есть две одинаковые секции, каждая из которых состоит из квадратной комнаты с суфой и каном и узкой хозяйственной комнатки (Мухамадиев, 1974). Секции находятся с двух сторон внутреннего двора, поэтому весь дом в целом относится к дворовому типу планировки. Но каждая секция сама по себе идентична двухкомнатным маджарским домам. Еще один дом сходного плана был исследован в районе общественного центра Сарая (Селитренного городища). Он находился к северу от Джума мечети и общественной бани (Зиливинская, 1994в. С 114–118).

В.А. Городцовым были раскопаны еще два дома из сырца более сложной планировки. Дом 2 находился в «Кирках» (Городцов, 1911. С. 185–187). Внешние размеры его – 10,7 x 9,2 м. Внутреннее пространство дома было поделено стенами на три комнаты (рис. 34.1). Длина всех комнат (по оси запад-восток) 7,8 м, ширина, соответственно, 2,1 м, 2,5 м и 2,6 м. Полы всех комнат глинобитные. Вход в помещение 1 сделан с южной стороны. Помещение было пустым, только в юго-восточном углу его лежал жернов. Из помещения 1 проход вел в помещение 2, лишенное каких-либо внутренних конструкций. На полу здесь были найдены фрагменты изразцовых мозаик. Возможно, в древности ими были декорированы стены. Вход в комнату 3 находился по центру западной стены. Напротив входа у восточной стены сделана прямоугольная суфа шириной 2,5 м. Перед ней у северной стены комнаты находился очаг, от которого в толще суфы проложен кан. Вертикальный дымоход этого кана находился в части северной стены, выступающей к востоку за пределы здания.

Стена, разделяющая помещения 2 и 3 имела продолжение к западу от западной стены дома. Это обстоятельство позволило В.А. Городцову предположить, что с западной стороны находилась «наружная терраса», то есть айван (Городцов, 1911. С. 187). Возможно, в пределах этого айвана был расчищен хорошо сохранившийся тандыр, а перед входом в помещение 3 находилась выложенная изнутри обломками кирпичей и перекрытая кирпичной вымосткой тошна. В.А. Городцов принял ее за погребок.

К югу от основного объема здания на плане изображены еще две стены, которые являются как бы продолжением восточной и западной стен. Судя

по плану, три раскопанных помещения являются только частью большого многокомнатного усадебного дома.

Дом 7, исследованный на монастырской земле (рис. 34.2), был почти такого же плана (Городцов, 1911. С. 198–201). Стены его, 70 см толщиной, сложены из сырцов. Основной объем здания имел размеры 16,5 x 8,5 м и был разделен внутри на три комнаты почти одинакового размера. Длина всех комнат (по оси север-юг) составляла 6,4 м. Помещение 1 имело ширину 3,6 м, помещения 2 и 3 – 4,9 м. Вход в здание был только один, он сделан в восточной стене у ее северного конца. Проходы в меридиональных стенах соединяли все три помещения между собой, причем оси проходов не совпадали. Это было сделано, чтобы избежать сквозняков. Во всех комнатах вдоль стен были сложены суфы. В помещении 1 широкая (2,4 м) суфа была пристроена к северной стене, а вдоль остальных сделаны узкие суфы – скамьи. Северную часть помещения 2 занимала суфа шириной 1,7 м, а вдоль остальных стен шли узкие (60 см) суфы. В третьей комнате широкая (2,1 м) суфа пристроена к южной стене, а вдоль восточной сделана узкая. Пол во всех комнатах был глинобитным.

Меридиональные стены выходили за пределы южной стены и имели продолжение к югу. Это позволило В.А. Городцову предположить, что с южной стороны дома находилась «веранда» (айван). К востоку от дома находилось интересное сооружение, которое являлось частью кухни. Оно представляло собой глинобитную тумбу размерами 5 x 4,3 м и высотой 70 см. В ее массиве находились две печи с коленчатыми дымоходами и тандыр. В.А. Городцов справедливо считал, что глинобитное сооружение находилось под одной крышей с жилым домом и образовывало как бы четвертую комнату этого дома (Городцов, 1911. С. 201).

Таким образом, дом 2 и дом 7 имеют сходную планировку в виде прямоугольного здания, разделенного внутри на три вытянутых помещения, примыкающих друг к другу длинными стенами. С передней стороны этих домов находились айваны. Однако, отнести эти дома к определенному типу планировки можно только предположительно, так как эти здания являются только частью больших усадебных комплексов.

5. КУЛЬТОВЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ

В Маджаре, как и в других крупных золотоордынских городах было множество культовых и общественных зданий, однако сведений о них сохранилось немного.

Ибн Баттута пишет о том, что в Маджаре была Джума-мечеть и скит, то есть суфийская ханака (Тизенгаузен, 1884. С. 287). Остатки двух мечетей с минаретами схематически изображены на плане Маджара в сочинении И.А. Гюльденштедта (Güldenstädt, 1791. S. 26–27). Также в Маджаре была как минимум одна христианская церковь, о чем уже говорилось выше. Постройки были возведены из обожженного кирпича на известковом растворе и богато декорированы изразцами синего, зеленого, белого и красного цветов. Об этом писали С.Г. Гмелин, Я.Ш. де Бесс, П.С. Кеппен, А.С. Фиркович; А.П. Архипов, Г.Н. Прозрителев (Шестаков, 1884. С. 8–9; Besse, 1838. P. 177; Кеппен, 1911. С. 143; Фиркович, 1858. С. 122–124; Прозрителев, 1906. С. 12). Многие исследователи отмечали сходство маджарских строительных материалов с кирпичами и изразцами, находимыми на Селитренном городище и других золотоордынских памятниках Нижнего Поволжья. Однако об архи-

текстуре общественных зданий Маджара нам практически ничего не известно. Все они были разрушены еще в золотоордынский период, а в Новое время при заселении этих территорий руины зданий были разобраны на кирпич, который был употреблен для строительства Воскресенского монастыря и домов жителей Святого Креста, сел Покойное и Прасковья.

Тем не менее, Маджару повезло гораздо больше, чем другим золотоордынским городам. Здесь до конца XVIII в. сохранялся аристократический некрополь из почти 50 мавзолеев. Мавзолеи были зарисованы разными художниками, и эти рисунки представляют собой бесценный источник для изучения архитектуры Маджара. Источник этот важен еще и потому, что до сих пор подобные здания не были обнаружены и археологически исследованы.

Самым ранним по времени изображением мавзолеев Маджара является рисунок «Академии наук ученика живописного» Михаила Некрасова, посланного Астраханским губернатором В.Н. Татищевым для зарисовки маджарских развалин. Экспедиция, организованная В.Н. Татищевым, состоялась в июле 1742 г. История ее была неоднократно описана (Пальмов, 1925. С. 209–210; 1928. С. 334–338; Аджимамедов, 1992. С. 44–46; Зиливинская, 2010б; 2011а; Зиливинская, Васильев, 2012). В результате В.Н. Татищеву был представлен акварельный рисунок, изображающий берег р. Кумы с примерно 45 мавзолеем на нем и карта, составленная топографом Андреем Голохвостовым, на которой, в частности, изображены планы более чем 40 построек. В настоящее время рисунок М. Некрасова (рис. 1) и карта А. Голохвостова (рис. 2) хранятся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук (ОР БАН. Собр. карт, оп. осн. № 760 и 868).

По рисунку М. Некрасова была сделана литография, которая опубликована в альманахе А.Ф. Бюшинга (*Magazin...*, 1771, S. 530) (рис. 3. 1). Впоследствии эти изображения приводились другими исследователями (Bähr, 1839, Tab. 1; Волкова, 1972. С. 44–45; Аджимамедов, 1992. С. 143). В альманахе А.Ф. Бюшинга также приведен рисунок неизвестного автора, на котором довольно точно изображены еще три мавзолея из Маджара и окрестностей, относящиеся к трем различным типам (рис. 3). Особенно ценно в этом рисунке то, что здесь приведены и разрезы зданий, на которых хорошо видны их двойные купола и подземные склепы.

Лучшими изображениями маджарских мавзолеев до последнего времени считались цветные гравюры из книги П.С. Палласа. Паллас посетил Маджар дважды. В 1780 г. он пишет о 6 башнях и 32 сохранившихся зданиях. В 1793 г. П.С. Паллас нашел только четыре не разрушенных мавзолея, которые и были зарисованы (рис. 10–12). От остальных остались лишь основания, которые располагались вдоль реки в три ряда (Pallas, 1799. S. 276–284). Рисунок последнего маджарского мавзолея, зарисованного П.С. Палласом, приведен в книге Я. Потоцкого, который посетил Маджары в 1798 г. (Potocki, 1829. P. 188).

Таким образом, наиболее информативным источником по архитектуре золотоордынского Маджара является рисунок М. Некрасова, на котором изображены остатки около 45 мавзолеев из обожженного кирпича. На плане А. Голохвостова в соответствующем месте можно насчитать 48 построек, причем их расположение и планировка соответствуют рисунку. Тем не менее, именно эти материалы практически не привлекались исследователями при рассмотрении архитектурных форм маджарских мавзолеев. Между тем, строения на рисунке изображены достаточно подробно с большим количеством деталей. Все их можно разделить на четыре группы.

К первой группе (рис. 35) относятся здания кубического объема, который переходит в восьмигранный или двенадцатигранный барабан, увенчан-

ный двойным куполом. В каждой грани барабана сделано по одному окну стрельчатой формы. Окна как сквозные, так и глухие. Внутренний полусферический купол сохранился у многих построек. Снаружи он имел шатровое покрытие, которое сохранилось у одного мавзолея (2). У остальных зданий видны внутренние сферические купола. Все здания этого типа имеют с одной стороны высокий развитый портал, в котором находится вход, обрамленный стрельчатой аркой и двумя П-образными рамами, выложенными кирпичами и, вероятно, изразцами. По форме портала можно выделить два подтипа (Маньковская, 1983. С. 32). У большинства мавзолеев (1–4, 6, а, б, г) портал вписан в общий призматический корпус здания. У одной постройки (5) портал сильно выдвинут вперед и сужен относительно общего объема. В боковых стенках большинства зданий также сделаны стрельчатые ниши, обведенные П-образными рамами. В некоторых зданиях (2, 3, 4) в этих нишах находились небольшие окошки, в других (1, 5, 6, в) – сквозные проемы. Такое же строение имели и мавзолеи, изображенные в книгах П.С. Палласа (рис. 10–12).

Э.В. Ртвеладзе, изучавший маджарские мавзолеи по рисункам из альманаха А.Ф. Бюшинга (*Magazin...*, 1771, S. 530) и описаниям Г.С. Гмелина, также выделяет тип портално-шатровых усыпальниц и даже приводит их примерные размеры. Это прямоугольные в плане здания (10 x 7 м) с одним квадратным в плане помещением (5 x 5 м) и сильно развитым порталом, лежащим на продолжении боковых стен. Портальная ниша перекрыта стрельчатой аркой и оформлена двумя П-образными рамами. На щечковых стенах портала были сделаны неглубокие ниши, перекрытые стрельчатыми арками. Аналогичные ниши с дверями или окнами, находились и по центрам трех стен мавзолея как внутри, так и снаружи. Стены мавзолеев толщиной 1,1–1,2 м сложены из золотоордынского кирпича стандартного формата. Снаружи здания были украшены изразцовыми кирпичами бирюзового цвета, мозаиками из поливных элементов различной формы бирюзового, синего, белого, зеленого и красного цветов, а также резной архитектурной керамикой с бирюзовой поливой. Внутри стены были оштукатурены (Ртвеладзе, 1973. С. 271–272).

Следующую группу составляют квадратные в плане постройки (7–10, д-р), не имеющие выступающего портала (рис. 36). Возможно, это объясняется их плохой сохранностью, а, возможно, это здания, которые Э.В. Ртвеладзе определил как центрические мавзолеи, хотя правильнее их было бы назвать фасадными, так как фасад их выделен только с одной стороны (Маньковская, 1983. С. 32; Хмельницкий, 1996. С. 153). Центрические же мавзолеи имеют четыре осевых входа и равнозначные фасады со всех сторон. Такой фасадный мавзолей из места под названием Дерсовата изображен на рисунке из альманаха А.Ф. Бюшинга (рис. 3.4). Он квадратный в плане размерами примерно 7 x 7 м. На углах здания находятся трехчетвертные колонны. Портал отсутствует, но дверной проем, сделанный в одной из стен, оформлен стрельчатой аркой. Мавзолей имеет купольное перекрытие на высоком цилиндрическом барабане с восемью или двенадцатью прямоугольными окнами. Купол двойной, причем внутренний имел полусферическую форму, а внешний – шатрово-коническую. Общая высота здания составляла около 14 м (Ртвеладзе, 1973. С. 273–274).

К третьей группе относятся башенные мавзолеи (рис. 37). На рисунке Некрасова и на плане хорошо видно, что эти мавзолеи можно разделить на два подтипа – круглые (11–13) и многогранные в плане (14). Судя по рисунку и планам некоторые из них (11–13, с, т) были беспортальными. У мавзолеев 14, х, ц, ф виден выступающий портал. Восьмигранный в плане башенный мав-

золее без портала из селения Маслов Кут недалеко от Маджара приведен и на рисунке П.С. Палласа (рис. 13) (Pallas, 1799. S. 308, Tab. 12). Многогранный мавзолей с шатровым куполом изображен также на карте подполковника Штедера в конце XVIII в. (рис. 38). Правда, на ней не указано в какой местности находится эта постройка.

Башенные мавзолеи, наряду с порталными были подробно описаны С.-Г. Гmeliным, который побывал в Маджаре в 1772 году. Этот автор наиболее подробно отмечает архитектурные особенности сохранившихся построек: «Фигура сохранившихся еще зданий – четырехугольная, восьмиугольная и круглая. Все от 4 до 9 сажен высоты, четырехугольные и восьмиугольные оканчиваются остроконечной пирамидой, или кверху суживаются пирамидально. К этой пирамиде или куполу ведут потаенные винтовые лестницы, сделанные в боковых стенах, которые узки и не шире 15 дюймов. Пирамиды или куполы освещаются отверстиями по сторонам наподобие окон. В крыше куполы со сводами. При каждом доме есть выстроенная из камней высокая и просторная галерея с двумя отверстиями – окнами, дверь из этой галереи ведет в главную нижнюю комнату. Вход в галерею низкий, выступом. И так каждое строение состоит только из одной главной нижней комнаты, галереи, купола или пирамиды. Главная комната освещается небольшими довольно высоко расположенными узкими отверстиями, наподобие окон с каждой стороны... Постройка круглых домов еще более отличается от теперешних европейской и азиатской архитектур. Эти дома также от 4 до 9 сажен высоты, не велики, кверху со сводами и закрутлены, так похожи на персидские и другие сторожевые башни, что их можно было бы считать такими башнями, если бы они не стояли на ровном месте, и если бы вместо бойниц у них не было просто отверстий, заменяющих окна... Посредине главной комнаты находится круглое отверстие, ведущее в подвал и имеющее от 3-х до 4-х футов в поперечнике, закрывается оно хорошо прилаженным камнем. Этот подвал – горизонтальный коридор, часто не длиннее комнаты, но нередко он идет под фундаментом по прямой линии как раз в черте двора, где есть и закрытый вход в него» (Шестаков, 1884. С. 8–9). С.-Г. Гмелин считал все здания замками магнатов, а круглые башни магазинами, то есть складами (Шестаков, 1884. С. 8–9).

Большинство современных исследователей согласны в том, что четырехугольные и восьмиугольные в плане здания, описанные С.-Г. Гmeliным, являются мавзолеями (Минаева, 1953. С. 150; Ртвеладзе, 1973. С. 271–273). По поводу круглых в плане сооружений мнения расходятся. Э.В. Ртвеладзе считал их минаретами (Ртвеладзе, 1973. С. 273). Л.Г. Нечаева, напротив, определяет их как особый тип «ульевидных» мавзолеев (Нечаева, 1978. С. 88). Возникновение таких мавзолеев исследовательница относит к домонгольскому времени, и создателями их считает половцев. Свое мнение она основывает на сведениях Рубрука, который пишет, что половцы «не только насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую», но «строят также для богачей пирамиды, то есть остроконечные домики, и кое-где большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома...» (Рубрук, 1997. С. 101).

Р.А. Даутова также рассматривает вопрос об «ульевидных» мавзолеях Маджара. Так как о круглых в плане мавзолеях нет археологических данных, считает исследовательница, то сооружения, изображенные на рисунке являются своеобразными надгробными памятниками, небольшими по площади и глухими внутри, то есть имитациями больших мавзолеев. Аналогии этим сооружениям имеются в погребальных памятниках Средней Азии XVII–XX вв. (Даутова, 1983. С. 32–33). С этим мнением трудно согласиться.

Прежде всего, следует отметить, что отсутствие археологических данных не является убедительным доводом. Городище Маджары исследовалось довольно мало, и на нем вообще не найдено остатков мавзолеев. В то же время башенные мавзолеи фасадного типа или с выступающим порталом хорошо известны. В плане они могут быть как многогранными, так и круглыми. Такие мавзолеи возникают в Иране (Hillenbrand, 1994. Р. 282–287, 528–529) и распространяются на сопредельные территории – в Среднюю Азию (Пугаченкова, 1958. С. 292–298; Хмельницкий, 1996. С. 227–234), Азербайджан (Уссейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963. С. 145; Бретаницкий, 1966. С. 110–115), Малую Азию (Stierlin, 1998. Р. 50; Hillenbrand, 1994. Р. 306–308, 541–542). В этом контексте присутствие их на Северном Кавказе представляется абсолютно логичным.

Совершенно непонятной кажется трактовка построек как «небольших по площади и глухих внутри» (Даутова Р.А., 1983, с. 36). Если внимательно прочитать описание С.Г. Гмелина, то он напротив говорит о круглых в плане «башнях», аналогичных сторожевым, высотой 4–9 сажень (8,52–18,11 м) с внутренней комнатой. Считать эти здания минаретами также нет оснований, так как внутри минаретов должны находиться остатки винтовых лестниц, а не пустые помещения. В нижней части этих башен находились «погреба» со сводами и ведущими наружу коридорами. То есть по описанию они полностью соответствуют мавзолеям с подземными склепами. Кстати говоря, все башенные мавзолеи Азербайджана непременно имеют склепы. Наличие подземных погребальных камер в маджарских мавзолеях зафиксировано и на рисунках в сочинениях П.С. Палласа и А.Ф. Бюшинга. И, наконец, довольно странным может показаться скопление большого количества минаретов на ограниченной площади, так как минареты обычно строятся при мечетях. И.А. Гюльденштедт также описывает примерно 50 зданий из обожженного кирпича у слияния Кумы и Буйволы, то есть в том месте, где они изображены на плане А. Голохвостова. Он уверенно определяет эти здания как мемориальные памятники с подземными склепами. Мечеть с минаретом Гюльденштедт обнаружил в одной версте к западу от этих построек, еще западнее находилась вторая мечеть с минаретом (рис. 5) (Guldenstädt I, 1791. S. 26–27).

Если вернуться к рисунку М. Некрасова, то на нем можно видеть еще одну группу построек сложных очертаний (рис. 39). Им соответствуют планы в виде многоугольных фигур (15–18, ч-я). Это могут быть комплексы из нескольких пристроенных друг к другу однокамерных мавзолеев, например, как в ансамбле Шах-и Зинда (Немцева, Шваб, 1979, С. 17–25). Либо это многокамерные многофункциональные мавзолеи, которые Л.Ю. Маньковская разделяет на конгломераты без четкой организации структуры и мавзолей-комплексы продольно-осевой или поперечно-осевой структуры (Маньковская, 1979. С. 97; 1983. С. 40–41). В качестве примеров подобных сооружений можно привести комплексы Кусам Аббаса в Шах-и Зинда, Хусам-ата в Фудине, мазар Чашма-Аюб в Бухаре (Немцева, Шваб, 1979. С. 17–25; Маньковская, 1979; 1983. С. 40–41; Хмельницкий, 1996. С. 255–257).

Э.В. Ртвеладзе выделяет еще один тип маджарских мавзолеев – пирамидальной формы. К нему относятся восьмигранные в плане здания, сужающиеся кверху. На одной из граней находился невысокий, слабо выдвинутый вперед портал. Вход был перекрыт стрельчатой аркой, которая выделена П-образной рамой. Э.В. Ртвеладзе приводит примерные размеры такого мавзолея. Внутреннее расстояние между стенами около 8 м, толщина стен – 1 м,

ширина портала – 4 м, высота портала – 4,5 м. Общая высота здания при этих размерах составляла более 12 м (Ртвеладзе, 1973. С. 273). На панораме Маджара такие здания не видны, однако довольно точный чертеж их приведен в публикации А.Ф. Бюшинга (рис. 3.2). Кроме того, С.-Г. Гмелин пишет о сужающихся пирамидально зданиях в самом Маджаре и о трех зданиях треугольной формы в 10 верстах ниже по течению Кумы (Шестаков, 1884. С. 8, 11). П.С. Паллас также упоминает «конические здания» среди построек маджарского некрополя (Pallas, 1799. S. 336).

Недавно в Отделе рисунка Государственного Русского музея было найдено несколько акварелей известного пейзажиста второй половины XVIII в. М.М. Иванова, на которых изображены мавзолеи маджарского некрополя. Рисунки эти до сих пор были известны лишь специалистам, занимающимся творчеством художника. Археологи знали лишь его рисунок с изображением портала медресе Узбека. В 80-х гг. XVIII в. М.М. Иванов состоял в военной службе при князе Г.А. Потемкине. В 1783 г. художник находился в Георгиевской («Егорьевской») крепости, где был заключен договор о принятии Грузии под протекторат России. Тогда же он сделал несколько акварельных рисунков «Маджарских развалин».

На первой из них (Р-30009) изображена лесистая местность (рис. 6). На переднем плане два дерева, чуть поодаль, на поляне, в центре картины стоит заброшенная и начавшая уже разрушаться постройка, которая, без сомнения, представляет собой мавзолей. Нижняя часть здания призматическая, в передней стене угадывается дверной проем с арочным завершением. Никаких следов портала, даже разрушенного, на рисунке не видно. Над призмой возвышается круглый барабан, увенчанный коническим куполом. Барабан расчленен 18 узкими щелевидными оконными проемами, ложными или настоящими. В нижнем правом углу подпись: «От крепости Егорьевской в 45 верстах к Мажарам». Под рисунком еще одна подпись, возможно, также принадлежащая автору: «На Масловом Куте от Егорьевской крепости в 45 верстах к Мажарам». Из этой надписи следует, что мавзолей, изображенный на рисунке находится возле селения Маслов Кут (совр. Стародубское).

Интересно, что этот мавзолей по своей архитектуре отличается от восьмигранного башенного мавзолея из Маслова Кута, приведенного в книге П.С. Палласа (рис. 13). На рисунке М.М. Иванова изображен призматический порталный мавзолей с круглым барабаном и шатровым покрытием. Аналогичное здание из местности Дерсовата изображено на литографии из альманаха Бюшинга (3.4). Мавзолеи эти относятся к одному типу, разница заключается лишь в том, что барабан на рисунке Бюшинга не круглый, а восьмигранный. Интересен сам факт того, что в Масловом Куте зафиксированы два мавзолея различных типов. Вероятно, здесь также находился крупный некрополь золотоордынского времени. Можно предположить, что именно его упоминает М. Некрасов в качестве «полат за Кумой, недоезжая Маджара», которые ему не дал зарисовать А. Голохвостов.

На второй акварели (Р-30010) изображены собственно развалины Маджара (рис. 7). Автор озаглавил ее «Мажарские остатки». На переднем плане мы видим грунтовую дорогу, которая вьется среди живописных развалин. С двух сторон от дороги в беспорядке раскиданы надгробия, сделанные, скорее всего, из камня. Надгробия ступенчатые типа «мастаба». Чуть дальше за дорогой, с правой стороны, находятся развалины постройки кубической формы. За ней – два мавзолея.

Ближайший мавзолей обращен к зрителю боком. Призматический нижний ярус постройки в передней части имеет высокий портал, вписанный в объем здания. Портал почти вдвое превышает высоту нижнего яруса. В боковой стене видна узкая прямоугольная ниша, в которую вписана другая – такой же ширины, но со стрельчатым завершением. Ниша глухая, в ее стене примерно на середине высоты сделано маленькое прямоугольное окошко с закругленным верхом. Прямоугольная ниша имеется и в задней стене здания. По виду она напоминает дверной проем, но проем здесь мало вероятен. Скорее всего, нижний ярус снаружи с трех сторон был оформлен одинаковыми нишами. Второй ярус мавзолея представлен 12-гранным барабаном, высота которого почти вдвое меньше основного объема. Грани разделены пилястрами, на плоскостях граней сделаны выступающие стрельчатые арочки. Завершает здание граненый шатровый купол. На поверхности его видны выступающие гурты, которые являются продолжением пилястр барабана. Такая деталь на других изображениях не встречалась. Слева от этого мавзолея, чуть далее находится еще один точно такого же строения, но с несколько более поврежденным куполом.

Еще левее, с другой стороны дороги находится здание в виде восьмигранной башни. Спереди у него имеется выступающий прямоугольный портал, который, впрочем, плохо просматривается из-за неудачного ракурса. Это здание весьма напоминает восьмигранный башенный мавзолей, изображенный на рисунке М. Некрасова (рис. 8). Возможно, это одна и та же постройка. В то же время, следует отметить, что грани здания на рисунке М.М. Иванова сильно сужаются кверху, и вся постройка имеет, скорее, пирамидальную форму, следовательно, это может быть такой же мавзолей, как на рисунке из альманаха А.Ф. Бюшинга (рис. 3.2). Слева от многогранной постройки стоят еще два порталых мавзолея. Архитектурные формы их в точности повторяют мавзолей на переднем плане. У обоих зданий полностью разрушено шатровое покрытие, и барабан венчают уплощенные полусферические внутренние купола. О том, что маджарские мавзолеи имели двойные купола, также хорошо известно из рисунков в издании Бюшинга. У левого края картины М.М. Иванова видны очертания еще трех мавзолеев, у которых сохранились только нижние части.

Следующая картина (Р-30011) представляет собой, на мой взгляд, наиболее удачное изображение мавзолеев Маджара (рис. 8). В верхней части ее стоит подпись автора «Мажарские древности». На картине изображены пять мавзолеев, стоящие в ряд. По своей композиции она напоминает гравюру из книги П.С. Палласа (рис. 10). Вполне вероятно, что это те же самые мавзолеи, но изображенные с другой стороны. Лучше всего проработан мавзолей у правого края рисунка. Это порталая постройка, увенчанная шатровым куполом. В сущности, это тот же самый мавзолей, что и на предыдущем рисунке, но запечатленный с другой точки. Здесь хорошо просматривается портал здания. Плоскость его расчленена двумя прямоугольными рамами, образованными выпуклыми и довольно узкими орнаментальными фризами. Внешний фриз образован переплетенными в виде косы жгутами. Внутренний – представляет собой череду выпуклых элементов полукруглой формы. Можно только предполагать, что декоративные детали сложены из обточенных кирпичиков или резной терракоты. Внутри рамы находится стрельчатая арка с выступающим архивольтом. Над аркой, на тимпане – еще один орнаментальный фриз, состоящий из четырех горизонтальных рядов волнообразного орнамента. Внутри глу-

бокой арки портала, на ее боковой стене, видна арка также стрельчатого очертания.

Перед порталом изображены люди, которые могут служить своеобразным масштабом для определения примерной высоты здания. Если предположить, что средняя высота этих людей (мужчин) 1,8 м, то высота портала здания составит около 7–7,5 м, а общая высота – 10,5–11 м. Однако, тот факт, что эти фигуры стаффажные, то есть врисованные позднее, делает эти вычисления не слишком достоверными.

Остальные три здания на данном рисунке практически идентичны первому мавзолею, у них лишь полностью или частично разрушены шатровые купола. У левого края картины находится сильно разрушенное здание, от которого остался мощный портал со стрельчатой аркой. Судя по размерам портала, это могла быть более крупная постройка.

Завершает серию маджарских зарисовок акварель (Р-30012) с изображением вида долины реки Буйволы (рис. 9). Внизу и в верхней части она имеет одинаковую подпись: «Река Байвала вдали от Мажар». На этом пейзаже также видны остатки трех полуразрушенных строений без четких архитектурных деталей. Общий облик их позволяет предполагать, что это были такие же здания призматической формы с барабанами и куполами в верхней части.

Рисунки М.М. Иванова не содержат принципиально новой информации по архитектуре мемориальных построек Маджара. Здания, изображенные на них уже известны по панораме М. Некрасова и литографиям из альманаха А.Ф. Бюшинга и сочинений П.С. Палласа. Тем не менее, на них видны некоторые архитектурные детали, которые не были отмечены другими художниками.

Сохранившиеся графические и письменные материалы позволяют сделать исчерпывающие выводы об архитектуре мемориальных построек Маджара. Большинство маджарских мавзолеев на рисунках представляют собой типологически схожие мемориальные постройки. Все они имеют призматический объем, переходящий в круглый или многогранный барабан, увенчанный коническим или многогранным шатровым куполом. Одни здания имеют развитый портал, у других только выделен входной аркой один из фасадов. Мавзолеи подобных архитектурных форм наиболее характерны для различных регионов Средней Азии. Генезис их был подробно рассмотрен Г.А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1949; Массон, Пугаченкова, 1950. С. 86–88). Исследовательница считает, что прообраз шатровых мавзолеев следует искать в погребальных памятниках среднеазиатских кочевых народов, прежде всего, присырдарьинских тюрков (сельджуков), у которых существовали шатровые, конические и пирамидальные надмогильные и поминальные сооружения. В результате сельджукских завоеваний X–XI вв. шатровые мавзолеи получили распространение в мусульманском зодчестве. В это время возникают башенные мавзолеи с шатровым покрытием, известные, в основном, в Хорасане. В северных областях Средней Азии в XI–XII вв. возникает несколько вариантов архитектурного решения шатровых погребальных памятников. Здесь происходит соединение формы кубического и башенного мавзолеев и возникают центрические мавзолеи, такие как Айша-биби (рис. 40.1) у Тараза (Южный Казахстан), Ак-Сарай-динг у Ташауза (Хорезм) и фасадные мавзолеи, например, Бабаджа-хатун (рис. 40.2) возле Тараза и мавзолеев Факреддина Рази (рис. 40.3) в Куни Ургенче (Хорезм). В XII в. в эту композицию вводится такой элемент как развитый портал (пештак) и возникает новая

форма «портально-шатровых» мавзолеев. По мнению Г.А. Пугаченковой, эта композиция специфична для Средней Азии, и нигде больше в это время не встречается (Массон, Пугаченкова, 1950. С. 88). Ярким образцом портално-шатровых усыпальниц является мавзолей Текеша (рис. 40.4) в Куня Ургенче. В дальнейшем эта схема получает широкое распространение. Одним из шедевров порталных мавзолеев с шатровым покрытием XIV в. является Гумбез Манаса в Киргизии (рис. 40.5). Как мы видим, широкое распространение получили они и в Золотой Орде.

Несколько построек представляют собой многогранные башенные или пирамидальные мавзолеи. Башенные мавзолеи с шатровым покрытием характерны для Азербайджана (рис. 41.1–6) и Малой Азии (рис. 41.7–11). В Азербайджане известны такие башенные мавзолеи как Юсуфа ибн Кусейра в Нахичевани, Момине-хатун (XII в.), в с. Ханега, Гюлистан в с. Джуга (XII–XIII в.), в с. Дермичлер (XIV в.), Хачин-Дорбатлы (XIV в.), Мир Али (XIV в.) и др. (Уссейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963, С. 80–104, 127–162; Бретаницкий, 1966, С. 96–199). Башенные мавзолеи получили в Малой Азии широчайшее распространение в сельджукское время. В качестве примера можно привести Ситте Мелик в Дивриги (XII в.), мавзолей Караманоглу Алаеддин бея в Карамане (XIII в.), Худавет Хатун тюрбе в Нигде (XIV в.) и др. (Hillenbrand, 1994. P. 306–311, 540–542; Stierlin, 1998. P. 50–53). Известны мавзолеи такого вида и в Иране (Hillenbrand, 1994. P. 283–286, 527–529; Stierlin, 2012. P. 34–42).

Пирамидальные мавзолеи представляют собой архаичный тип надгробных сооружений, которые были распространены в Фергане, Семиречье, Центральном, Юго-Западном и Западном Казахстане. Они датируются различными исследователями в широком временном диапазоне – от раннего средневековья до начала XX в. (Пугаченкова, 1949. С. 61–67; Кожа, 2011. С. 260). Большая часть этих построек сложена из сырца и пахсы, но есть и каменные. Наиболее известны мавзолеи Козы-Корпеч – Баян-сулу и Дынгек в Восточном Казахстане (рис. 42) (Кастанье И.А., 1911. Рис. 50–53). Подобные памятники были распространены и в Центральном Казахстане. В 1947 г. А.Х. Маргулан обследовал и описал шесть каменных пирамидальных сооружений (Кожа, 2011. С. 262). Он считал их памятниками кыпчаков VIII–IX вв. (Мендикулов, 1950. С. 7). На основе анализа каменных скульптур Я.А. Шер датировал пирамидальные сооружения X–XII вв. (Шер, 1966). М. Кожа на основе изучения описаний, рисунков и фотографий построек и каменных скульптур, а также анализа легенд и преданий, связанных с этими памятниками, пришел к выводу, что каменные пирамидальные постройки являются поминальными храмами древнетюркского периода (IX–XI вв.).

Г.А. Пугаченкова высказывала предположение, что форма пирамидальных мавзолеев, возникших у кочевых и полукочевых тюрок, восходит к курганам и древним курганообразным надмогильным сооружениям (Пугаченкова, 1949. С. 57–77). Одним из видов таких сооружений могли быть известные по описаниям Рубрука пирамидки, водружаемых на курганах половцами (Рубрук, 1997. С. 101). По мнению Г.А. Пугаченковой, дальнейшее развитие пирамидальных построек и соединение их типом среднеазиатского кирпичного минарета привело к формированию архитектурного образа башнеобразного мавзолея с шатровым перекрытием (Пугаченкова, 1949. С. 69–74). Одним из примеров таких мемориальных построек достаточно архаического облика являются башни X–XI вв. Бегим-ана (Бегим-мунара) и Сараман-коса в Низовьях Сырдарьи (рис. 43). В дальнейшем пирамидальные и башенные

поминальные памятники тюрок трансформируются в мусульманские мавзолеи подобных форм. Мавзолеи этих типов, относящиеся к XIX – началу XX в., встречаются на современных кладбищах в различных частях Казахстана (рис. 44) (Ажигали, 2002. С. 222–223; Самашев, 2011. Рис. 179). Известны они и в Нижнем Поволжье (Дворниченко, Зиливинская, 2005. С. 281–303; Зиливинская, 2009. С. 119–140).

Таким образом, на достаточно многочисленных рисунках Маджара изображены мавзолеи пяти типов, аналогии которым находятся среди погребальных памятников Ирана, Средней Азии, Казахстана, Азербайджана, Нижнего Поволжья. Такое разнообразие архитектурных форм, в том числе и редких, вполне объяснимо, так как Северный Кавказ во все времена являлся контактной зоной, где соприкасались культуры Востока и Запада, развитая городская цивилизация и кочевая степь.

Археологические исследования пока не дали столь впечатляющих результатов в изучении архитектуры монументальных построек Маджара. В 1994 г. на правом берегу Кумы было раскопано крупное здание из сырцового кирпича (рис. 45–47). В раскоп вошла только его восточная часть, западная была разрушена при прокопке нового русла Кумы в 1907 г. Длина исследованной части здания составляла более 12 м. Стены толщиной 100–120 см сохранились на высоту до 1 м. Здание подверглось нескольким перестройкам, всего было выделено три строительных периода. Внутри сооружения не было найдено никаких внутренних конструкций, поэтому определить его назначение не представляется возможным. Здание датируется 20–40 гг. XIV в. (Зиливинская, 1996).

Недалеко от этой постройки были обнаружены остатки общественной бани, юго-западная часть которой разрушена обвалом берега Кумы. Баня не была раскопана полностью, поэтому говорить о ее планировке можно лишь приблизительно (рис. 49). Она состояла из прямоугольных в плане помещений, расположенных в два ряда. Всего вскрыто частично и полностью пять таких помещений, которые сохранились на уровне котлована подпольного отопления.

Котлован был заглублен на 0,5 м относительно уровня материка. Фундамент стен и столбики подпольного отопления стояли на дне котлована. Стены бани, сложенные из обожженного кирпича на глиняном растворе, были почти полностью разобраны (рис. 48). Кое-где сохранились участки кладки стен высотой 1–2 слоя, однако по отпечаткам кирпичей нижнего слоя кладки и по отсутствию прокаленности удалось проследить конфигурацию стен здания. Толщина их составляла 80–100 см. Дно котлована в пространстве между стенами и столбиками было закопчено до черного цвета, и на нем находился слой сажи толщиной до 10 см. Столбики были сложены в 1 кирпич и имели высоту до 10–11 слоев кладки (рис. 50). На них были положены плоские плиты из песчаника.

Отапливалась баня цилиндрической печью (рис. 51). Печь представляла собой круглую в плане яму диаметром 2,5 м, стенки которой были выложены кладкой из целых обожженных кирпичей и их обломков. Дно печи находилось на 75 см ниже дна подпольного помещения бани. Устье печи, вероятнее всего, находилось с южной стороны и было разрушено обвалом берега. Горячий воздух из печи проходил между столбиками и выводился наружу по вертикальным дымоходам, ниши которых были обнаружены в стенах помещений бани.

В раскоп большей частью вошло одно, самое горячее помещение бани (№ 1), в южной части которого находилась печь. Западная часть его разруше-

на обвалом берега Кумы. Помещение имело прямоугольную форму и было вытянуто вдоль оси север-юг. Ширина его составляла 4,1 м, длина – около 7 м. Внутри помещения на прокаленной поверхности рядами стояли столбики подпольного отопления, на которые опирались плиты пола бани. Столбики сохранились не все, однако по тем, которые были прослежены, можно утверждать, что в меридиональном направлении они образовывали 8 рядов, а в широтном – 6 рядов. Расстояние между рядами и столбиками в рядах колеблется от 35 до 50 см.

К северу от него находилось помещение 5. Это небольшая прямоугольная комната размерами 3,20 м по оси СЗ-ЮВ на 2,50 м по оси СВ-ЮЗ. Стены его были полностью разобраны, контуры их читались на материке как светлые, желтые полосы, лишенные сажи и следов прокаленности. Между отпечатками стен в помещении 5 находилось прокаленное, покрытое сажей дно котлована подпольного отопления. На него были поставлены столбики подпольного отопления, сложенные из обожженного кирпича в один кирпич. Столбики были полностью разобраны, и от них остались только ямки в материке от заглубленного нижнего кирпича кладки. Ямки имели квадратную форму, размеры от 22 х 22 см до 26 х 30 см и глубину 1–6 см. Всего было 4 ряда столбиков (по линии СЗ-ЮВ) с 5 столбиками в каждом ряду. Юго-западный ряд примыкал к стене. Расстояние между столбиками в рядах 24–36 см, между рядами – 40–45 см.

Еще два помещения находились с восточной стороны здания. Помещение 4 вошло в раскоп небольшой частью. Северо-западная стена его была общей с помещением 5. Ширина стен его 80–85 см. С северо-востока к краю стены примыкает материковый выступ высотой 47–54 см. Вероятно, к северо-востоку от помещений 4 и 5 располагались комнаты, не имевшие обогрева полов. Помещение 4 имело прокаленное, покрытое сажей дно котлована подпольного отопления. На нем прослеживались квадратные ямки от заглубленного в материк нижнего кирпича кладки столбиков, поддерживающих пол. Размеры ямок от 22 х 22 см до 28 х 28 см. Всего было обнаружено 4 ряда столбиков, расположенных по оси СЗ-ЮВ. Расстояния между рядами столбиков 20–30 см, расстояния между столбиками в рядах колеблется от 26 до 40 см. Помещение перерезала яма, стенки которой были выложены кирпичами. Возможно, она имела отношение к отопительной системе.

Помещение 3 находилось к югу от помещения 4 и к востоку от помещения 1. Северо-восточная стена его имела толщину 58–60 см. В стене была сделана квадратная ниша вертикального дымохода размерами 22 х 22 см, то есть в 1 кирпич. К юго-западу от этой стенки находилась другая, которая была выявлена частично по сохранившимся обломкам кирпичей ее кладки, а частично – по отпечаткам кирпичей. Ширина этой кладки 3 ряда кирпичей (80 см). В ней также была сделана аналогичная квадратная ниша. Пространство между северо-восточной и этой стенками, а также обе ниши были заполнены толстым (5–7 см) слоем сажи. То есть между этими стенками находился канал подпольного отопления. Еще одна стенка, идущая в направлении СЗ-ЮВ, находилась в 45 см от второй стенки. От нее сохранился участок кладки из обожженных кирпичей в 1 и 1/2 кирпича у западного борта раскопа. Предполагаемая ширина стенки 60 см. Между ней и предыдущей стенкой находился канал шириной 45 см, заполненный сажей. Юго-восточная стена помещения 3 фиксировалась неточно. Отпечатков кирпичей здесь найдено не было, но северо-западный край ее, вероятнее всего совпадал с линией окончания каналов подпольного отопления. Скорее всего, в этой

комнате, чтобы уменьшить нагрев, полы крепили не на столбиках в один кирпич кладки, а на массивных устоях.

С запада и севера к помещению 5 примыкала комната вскрытая частично и не имевшая подпольного отопления. В ней находилась суфа с встроенным в нее тандыром. Возможно, здесь находился холодный предбанник.

Раскопать здание бани полностью не удалось, так как она находилась в лесополосе, засаженной большими многолетними дубами. О ее планировке можно только сказать, что она состояла из прямоугольных помещений, расположенных в несколько рядов. То есть, она относится ко II типу планировки банных сооружений (Зиливинская, 2011б. С. 79).

Стены мыльного отделения были покрыты известковой штукатуркой, куски которой насыщали все слои разрушения здания. Вода разводилась по керамическим трубам.

При раскопках было найдено большое количество фрагментов неполивной керамики. Большую часть находок составляют фрагменты водопроводных труб из желтоглинянной и розовоглинянной рыхлой местной керамики. Остальной керамический материал представлен фрагментами кувшинов из такого же рыхлого розового или желтого теста или красноглинянных лощенных, часто с ангобом, трехслойного или сплошного обжига. Найдено также несколько фрагментов сосудов «тагора». Такой состав посуды типичен для бани, где прежде всего, требуются сосуды для переноски и хранения воды. При всей бедности материала, среди него встречено несколько фрагментов поливных изразцов и прозрачных оконных стекол. Можно предположить, что некоторые помещения бани имели окна и были украшены изразцовыми панно, как это было, например, в общественной бане Селитренного городища (Зиливинская, 1989. С. 268; 2001, С. 192; 2011б. С. 71). Такой архитектурный декор, а также золотая серьга в виде знака вопроса с бусинами из жемчуга и шпинели (рис. 52), найденная в предбаннике, свидетельствуют о том, что баня была построена для зажиточных горожан.

Общественные бани-хаммам были широко распространены на Востоке. В Золотой Орде также известно большое количество частных и общественных бань практически на всей ее обширной территории (Зиливинская, 2001; 2011б. С. 59–91). Тем не менее, здание в Маджаре является на сегодняшний день единственной исследованной баней золотоордынского периода на Северном Кавказе.

6. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ МАДЖАРА

Среди исследованных на Маджарском городище археологических объектов значительный процент составляют погребения. Г.Н. Прозрителев описывает могилу «на дворе ямщика Якова», в которой были похоронены пять человек, один из которых был старый, а остальные – молодые. Погребенные лежали вытянуто на спине, головой на запад. В погребении были найдены стеклянные бусы различной формы и расцветки, среди которых были глазчатые (Прозрителев, 1906. С. 10).

В.А. Городцов исследовал захоронения в различных частях города. На монастырской земле и в усадьбе Арзиманова было вскрыто 19 погребений. Из 22 могил, исследованных у артезианского колодца, то есть в районе «острова» только два погребения уверенно можно считать золотоордынскими, остальные достоверно или предположительно относились к сармато-аланскому

периоду. Золотоордынские погребения имели различную конструкцию – от простых ям до сложно устроенных склепов из сырцового и обожженного кирпича. Также В.А. Городцов описал два склепа, обнаруженные в черте города местными жителями (Городцов, 1911).

Раскопки 1989–1991 гг. дополнили этот материал. Экспедицией Ставропольского пединститута были исследованы погребения в районе городской больницы (бывшая монастырская территория) и на территории Прикумской опытной станции (бывшая усадьба Арзиманова или ее окрестности). Исследования 1989–1990 гг. начались с того, что строители, копавшие котлован под строительство роддома наткнулись на многочисленные погребения. К моменту приезда археологов котлован был уже выкопан, поэтому пришлось довольствоваться исследованием уже разрушенных погребений, прослеженных в бортах котлована и траншей коммуникаций, идущих к нему. Всего было изучено 10 погребений и зафиксировано два склепа из обожженного кирпича. В разрезе склепы представляли собой конструкцию из двух рядов кирпича, поставленного «ромбом» на ребро. Поверх этих двух рядов шел еще один ряд также из кирпичей, поставленных «ромбом». Вскрыть эти склепы не удалось, так как на это место были поставлены вагончики строителей.

Раскоп 3, заложенный к северу от котлована роддома, между ним и территорией телевизионной вышки также дал серию из 12 погребений. В этой части городища некрополь относился к позднему периоду существования города. Ниже находился строительный горизонт с жилыми постройками, которые были разрушены могильными ямами.

В 1991 г. спасательные работы велись на территории Прикумской опытной станции, где котлованом, вырытым под строительство жилого дома, также был разрушен участок некрополя. Здесь В.А. Бабенко были исследованы 15 погребений, 14 из которых были в той или иной степени разрушены.

Таким образом, несмотря на то, что общее число раскопанных захоронений золотоордынского периода в Маджаре составляет более 60, очень небольшая часть могил дошла до нас в не потревоженном состоянии. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют сделать выводы о погребальном обряде населения Маджара. Анализ погребальных памятников золотоордынских городов Северного Кавказа посвящен ряд работ Е.И. Нарожного (Нарожный, 1987, 1988). В.А. Бабенко продолжил исследования погребальных памятников Маджара с учетом материалов раскопок 90-х гг. (Бабенко, 2004). Оба исследователя, в основном, рассматривали археологические материалы и описания исследователей. В то же время некоторые данные по погребальному обряду содержатся и в графических источниках.

Для захоронения наиболее знатных и богатых жителей в Маджаре, как и в других городах Золотой Орды возводились мавзолеи. Аристократический некрополь Маджара, состоявший из более чем 40 зданий, находился у слияния Буйволы и Кумы. Мавзолеи там располагались вдоль реки в три ряда, о чем пишет (Pallas P.S., 1799. S. 276–284). Архитектура этих зданий была охарактеризована выше. Судя по рисункам и описаниям, мавзолеи Маджара имели подземные усыпальницы. Подземные склепы видны в разрезах зданий мавзолеев на гравюре из альманаха Ф.А. Бюшинга (рис. 3) и башенного мавзолея из Маслова Кута, опубликованного П.С. Палласом (рис. 13).

«Подземные погреба» описывают и многие исследователи: «Во внутренней комнате сих башен [мавзолеев Э.З.] находится овальное отверстие, ведущее в погреб со сводом, в поперечнике от 3 до 4 футов, и заложенное обтесан-

ным камнем. Подземный погреб в ширину простирается не далее оснований башни, но в длину в иных зданиях идет за основанием и оканчивается отверстием. В сводах сего рода сделаны отдушины» – писал Г.С. Гмелин (Gmelin, 1784). Гмелин считал эти здания «жилищами магнатов и магазинами».

В отличие от него И.А. Гюльденштедт указывал на то, что «это не жилища, а мавзолеи, все снабженные подземными склепами, которые являются не кладовыми, а могилами; в них ставят гробы» (Güldenstädt, 1791. S. 292). Ю. Клапрот присутствовал при вскрытии одного такого подземного склепа и описал его: «Я могу описать... гробницу, найденную под одним из полуразрушенных зданий, мною виденных, и которую я рассмотрел обстоятельно. Здание, как заметно, имело вход с востока. Пол его был на два фута завален щебнем и землею. Мы сняли весь этот хлам, нашли свод и в нем отверстие в 2,5 фута толщины и 2 фута в поперечнике, закрытое большим известковым камнем. Это был вход в гробовище, которое в своде имело 9 футов длины и 5,5 футов ширины, но высота его была небольшая, так что человек едва мог стоять в нем прямо. Сверху... оно закрыто было кирпичным сводом... Внизу, на кирпичном помосте, нашли мы гроб, сделанный из толстого соснового дерева, и в нем совершенно истлевшие кости человека, обыкновенного роста; состояние их доказывало глубокую древность. Череп был раздроблен. Более ничего не нашли замечательного. Я хотел также разрыть и другое здание, но армяне уведомили меня, что они разрывали его в прошлом году и нашли точно то же» (Klaproth, 1812. S. 421).

Из этих описаний следует, что в мавзолеях под полом находилось сводчатое помещение склепа, в который с восточной стороны вел длинный коридор. Покойники в склепе помещались в деревянных гробах, поставленных на пол склепа. Такой же обряд мы наблюдаем и в Нижнем Джулате, хотя там, возможно, над склепом и не было мавзолея (см. соответствующий раздел данной книги).

Вокруг мавзолеев располагались грунтовые могильники. Это хорошо видно на одном из рисунков М.М. Иванова (рис. 7), где перед мавзолеем изображены ступенчатые надгробия типа «мастаба», сложенные из камня или кирпича. На могилах также ставились каменные плиты с арабскими надписями и растительными орнаментами. Находки таких плит упоминают практически все исследователи. «Большого размера плиты разделены полосками на три части: рисунок, надпись и рисунок, а у меньших – все отделения заняты надписями, но задняя часть представляет или арабески, или изображение, вероятно, мечетей и минаретов или других построек» – писал Г.Н. Прозрителев (цит. по Городцов, 1911. С. 169). В.А. Городцов также описывает надгробия в виде прямоугольных плит с треугольным завершением, во множестве находимые крестьянами с. Покойного на полях. С одной стороны у них были сделаны надписи, а с другой находился растительный орнамент (Городцов, 1911. С. 176–178). Сводка сохранившихся надгробий была сделана Л.И. Лавровым (Лавров, 1966).

В.А. Бабенко выделяет шесть типов устройства погребальной камеры (Бабенко, 2004. С. 790):

1. Склепы из сырцового и обожженного кирпича (рис. 53, 54).
2. Грунтовые ямы с кирпичным перекрытием, положенным на заплечики (рис. 55).
3. Грунтовые ямы с разноуровневыми заплечиками и сырцовым перекрытием сложной формы, образованным поставленными на торцы кирпичами (рис. 56).

4. Ямы с подбоем в южной или северной стенке и сырцовым закладом (рис. 57–59).

5. Ямы с заплечиками (рис. 60).

6. Простые грунтовые ямы (рис. 61).

В.А. Городцов упоминает вымостки из обожженного кирпича над склепами и грунтовыми ямами (Городцов, 1911. С. 193, 196). Возможно, это остатки кирпичных полов разрушенных мавзолеев, в которых находились эти погребения.

В мусульманских некрополях Маджара преобладает западная ориентировка погребенных с разворотом на правый бок. Иногда встречаются небольшие отклонения от этой канонической позы. Отклонением от норм ортодоксального ислама является также присутствие во многих могилах костей животных и погребального инвентаря (бусы, сосуды, монеты). В.А. Бабенко отмечает многообразие типов погребального обряда населения Маджара. По его мнению, формирование погребального обряда и антропологического облика населения происходило здесь не только под воздействием таких центров ислама, как Хорезм, Волжская Болгария и Дагестан, но и кочевого населения степей Центрального Предкавказья (Бабенко, 2004. С. 790–791).

7. СВОЕОБРАЗИЕ МАДЖАРА

Являясь наряду с Верхним и Нижним Джулатом одним из крупнейших городов Северного Кавказа в золотоордынский период, Маджар в значительной степени отличался от них. Как и города Нижнего Поволжья, Маджар был возведен в степной зоне на «пустом месте». Именно поэтому по своей структуре он являлся типичным золотоордынским городом: имел усадебно-уличную планировку и не был окружен стенами. В результате размеры его достигли 7–8 кв. км. Верхний и Нижний Джулаты были гораздо меньше по размерам, а в Нижнем Джулате в золотоордынский период сохранилась трехчастная структура города, унаследованная от предыдущего аланского периода.

Основными строительными материалами, применяемыми при строительстве, в Маджаре были сырец, обожженный кирпич и камень. В качестве декора, наряду с резным камнем широко применялись изразцы, как местного производства, так и привозные, а также резной ганч (решетки-панджара). В других городах Северного Кавказа эти материалы встречаются ограничено. Анализ архитектурных особенностей немногих известных нам монументальных сооружений Маджара (преимущественно мавзолеев) свидетельствует о значительном влиянии Средней Азии (Хорезма). В Верхнем и Нижнем Джулатах в строительной технике в большей степени прослеживаются местные и закавказские традиции.

Керамический комплекс Маджара также значительно богаче. Здесь встречается больше поливной керамики, как местной красноглиняной монокромной, так и привозной полихромной на глиняном и кашинном основании. К импортным изделиям относятся талькохлоритовые котлы, селадоновые чаши, орнаментированные сфероконусы, штампованная керамика. На других городищах эти предметы встречаются крайне редко или вообще не найдены.

В Маджаре существовало развитое денежное обращение. Находки монет здесь исчисляются тысячами. Город чеканил собственную монету, а

о развитии внешней торговли свидетельствуют относительно многочисленные находки иностранных монет. В обоих Джулатах нумизматический комплекс весьма беден. Эти города не являлись центрами международной торговли, и здесь, вероятно, продолжал существовать натуральный обмен.

Маджар также являлся центром мусульманской культуры. Здесь существовали не только мечети, но и ханака и, возможно медресе. На тесную связь с другими мусульманскими странами указывает распространение арабской письменности, образцы которой прослеживаются на многочисленных надгробиях. В других городах эта связь не была столь явной, более того, в Верхнем Джулате сильные позиции имело христианство.

Эти различия в культуре золотоордынских городов Северного Кавказа отмечал еще Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 1977). Исследователь совершенно верно объяснял их различным происхождением городов. Верхний и Нижний Джулаты возникли на месте аланских поселений. Здесь продолжали проживать кавказские народы, и сохранялась местная традиционная культура.

Маджар, основанный при монголах, был населен различными народами, вошедшими в состав Золотой Орды. Здесь проживали турки, монголы, выходцы из Средней Азии, Ирана, Руси, Волжской Болгарии. Местное кавказское население составляло небольшую часть этого конгломерата. Результатом полиэтничности явилось смешение культурных традиций и возникновение новой синтетической городской культуры, характерной для большинства городов Улуса Джучи, возникших в золотоордынский период.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

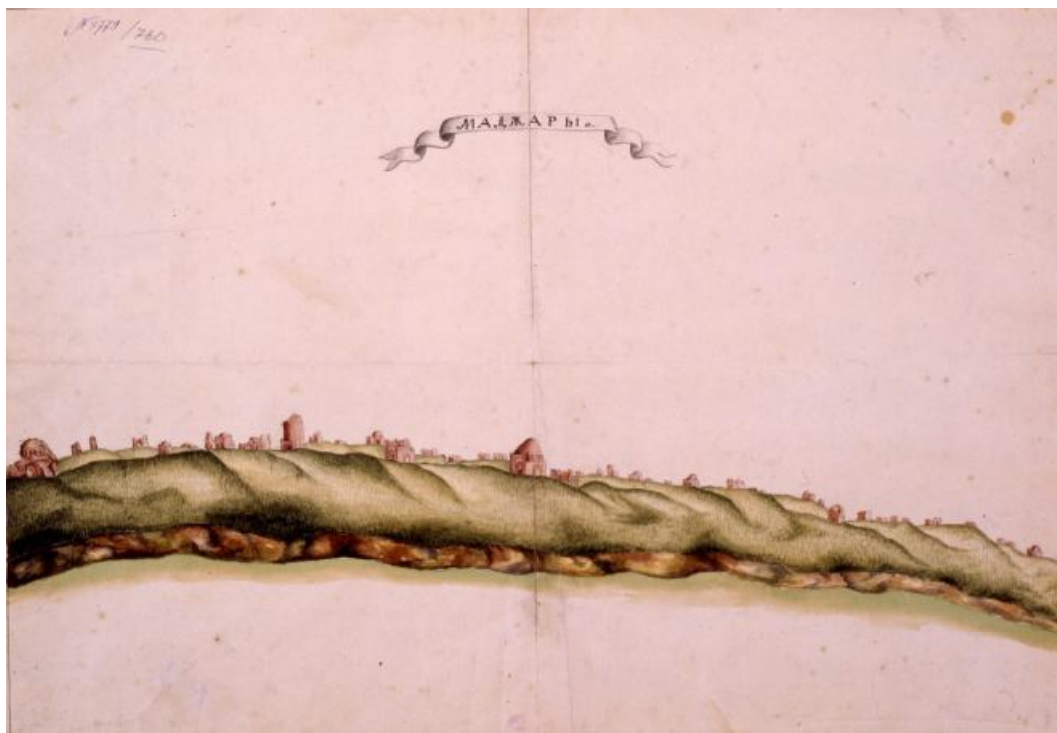

Рис. 1. Рисунок развалин старого города Маджара, находящегося при впадении р. Буйво-
лы в Куму. Автор Мих. Некрасов, 1742 г. (ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 760).

Рис. 2 . План остатков г. Маджара с ситуацией. Автор А. Голохвостов, 1742 г. (ОР БАН.
Собр. карт. Оп. осн. № 868).

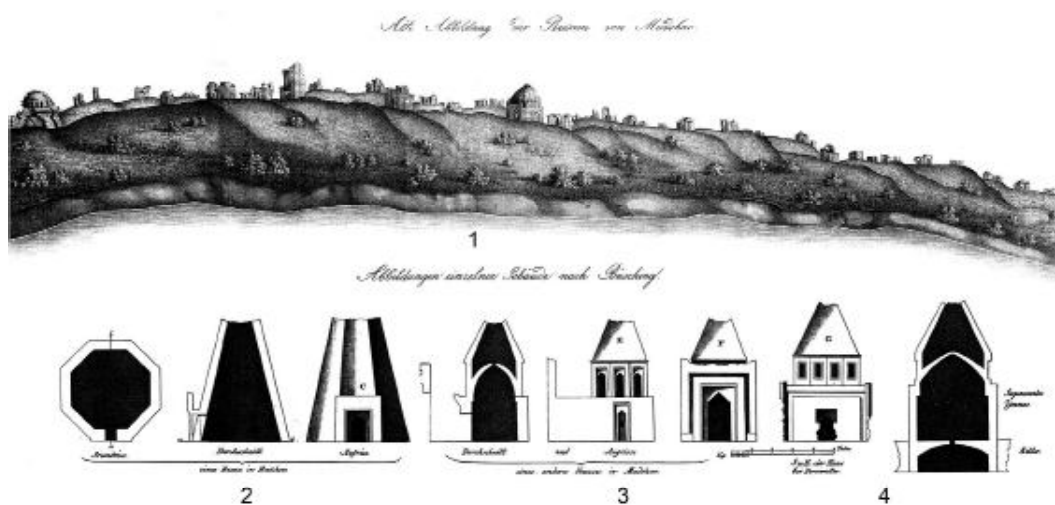

Рис. 3. Гравюра из альманаха А.Ф. Бюшинга 1771 г.: 1 – воспроизведение рисунка М. Некрасова; 2 – пирамидальный мавзолей в Маджаре; 3 – порталный мавзолей с шатровым покрытием в Маджаре; 4 – фасадный мавзолей с шатровым покрытием в местности Дерсовата.

Рис. 4. Карта из жизнеописания И.Я. Лерхе.

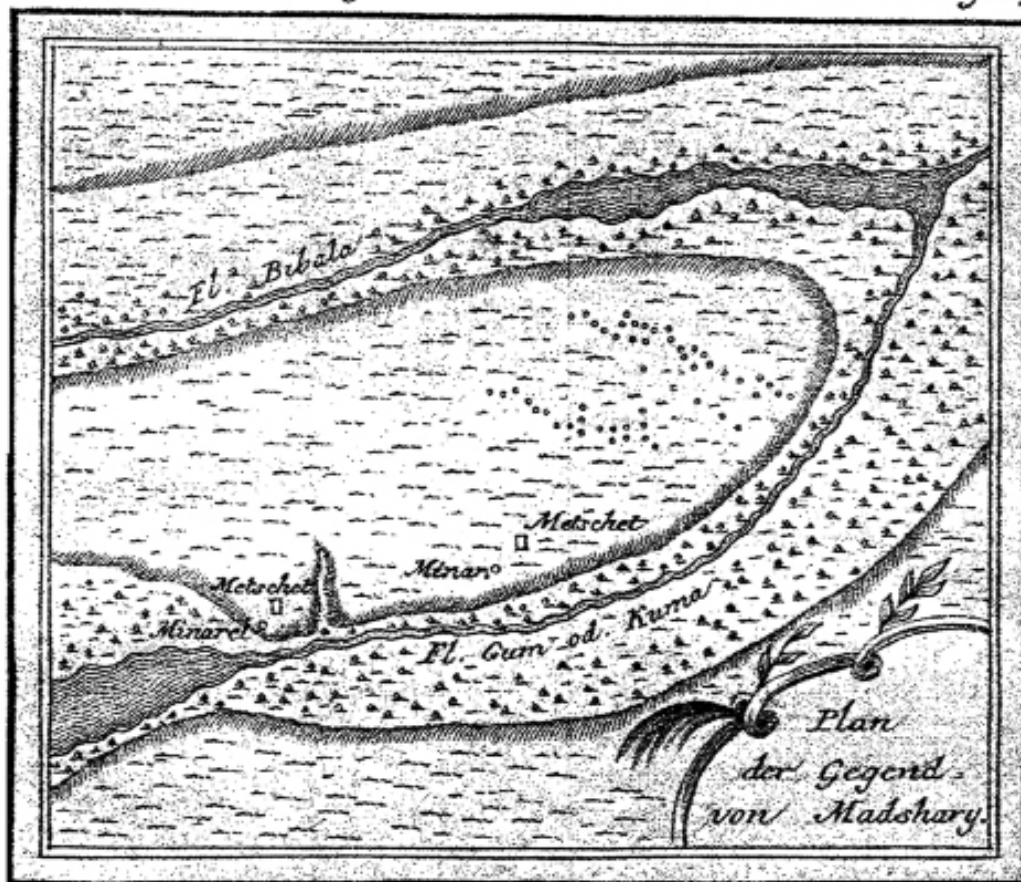

Рис. 5. План Маджара И.А. Гюльденштедта, 1773 г.

Рис. 6. Иванов М.М. Дорога от Егорьевской крепости к Мажарам. Отдел рисунка ГРМ. Р-30009.

Рис. 7. Иванов М.М. Мажарские древности. Отдел рисунка ГРМ. Р-30010.

Рис. 8. Иванов М.М. Древние развалины. Отдел рисунка ГРМ. Р-30011.

Рис. 9. Иванов М.М. Река Байвал. Отдел рисунка ГРМ. Р-30012.

Рис. 10. Последние сохранившиеся мавзолеи Маджара по П.С. Палласу.

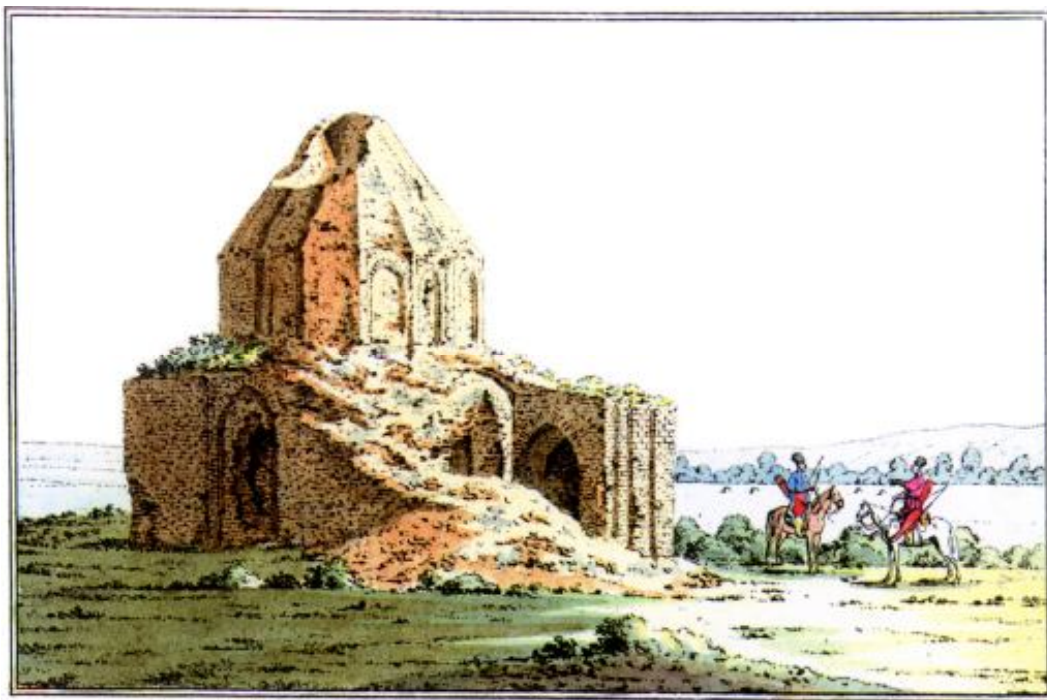

Рис. 11. Мавзолей в Маджаре на гравюре из сочинений П.С. Палласа.

Рис. 12. Мавзолей в Маджаре на гравюре из сочинений П.С. Палласа.

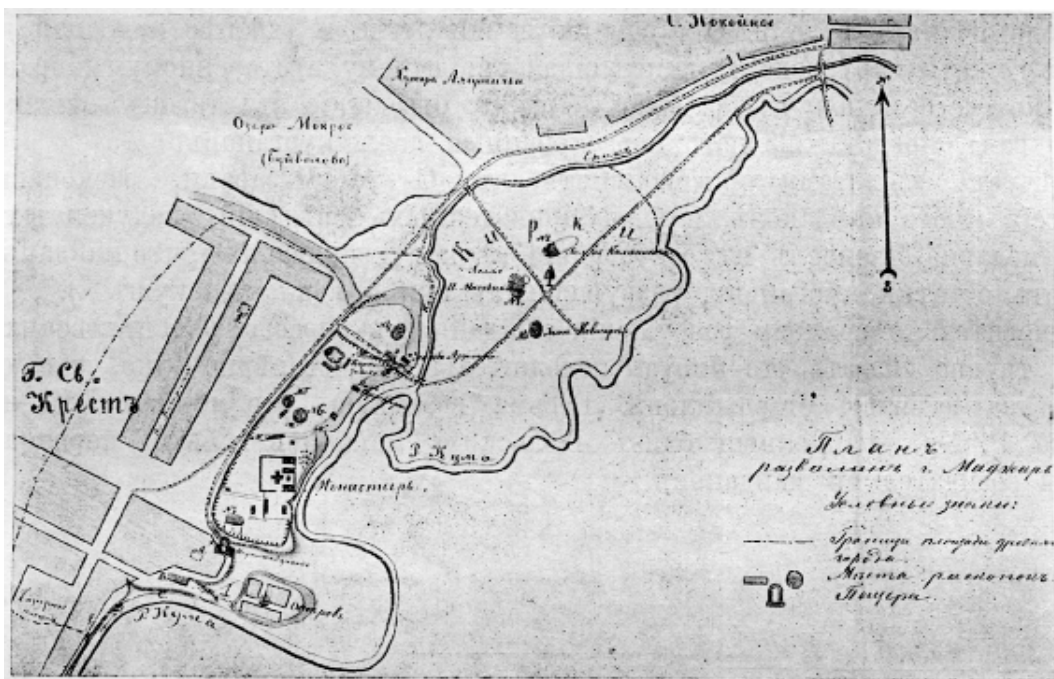

Рис. 15. План Маджара по В.А. Городцову.

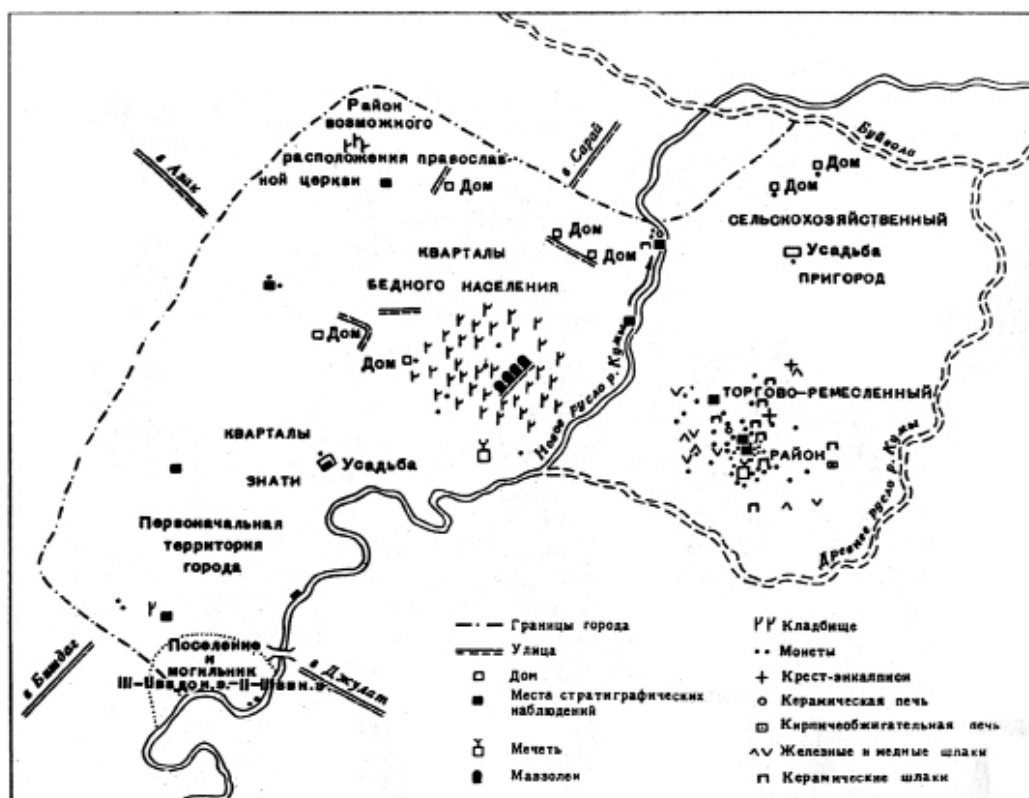

Рис. 16. План Маджара по Э.В. Ртвеладзе.

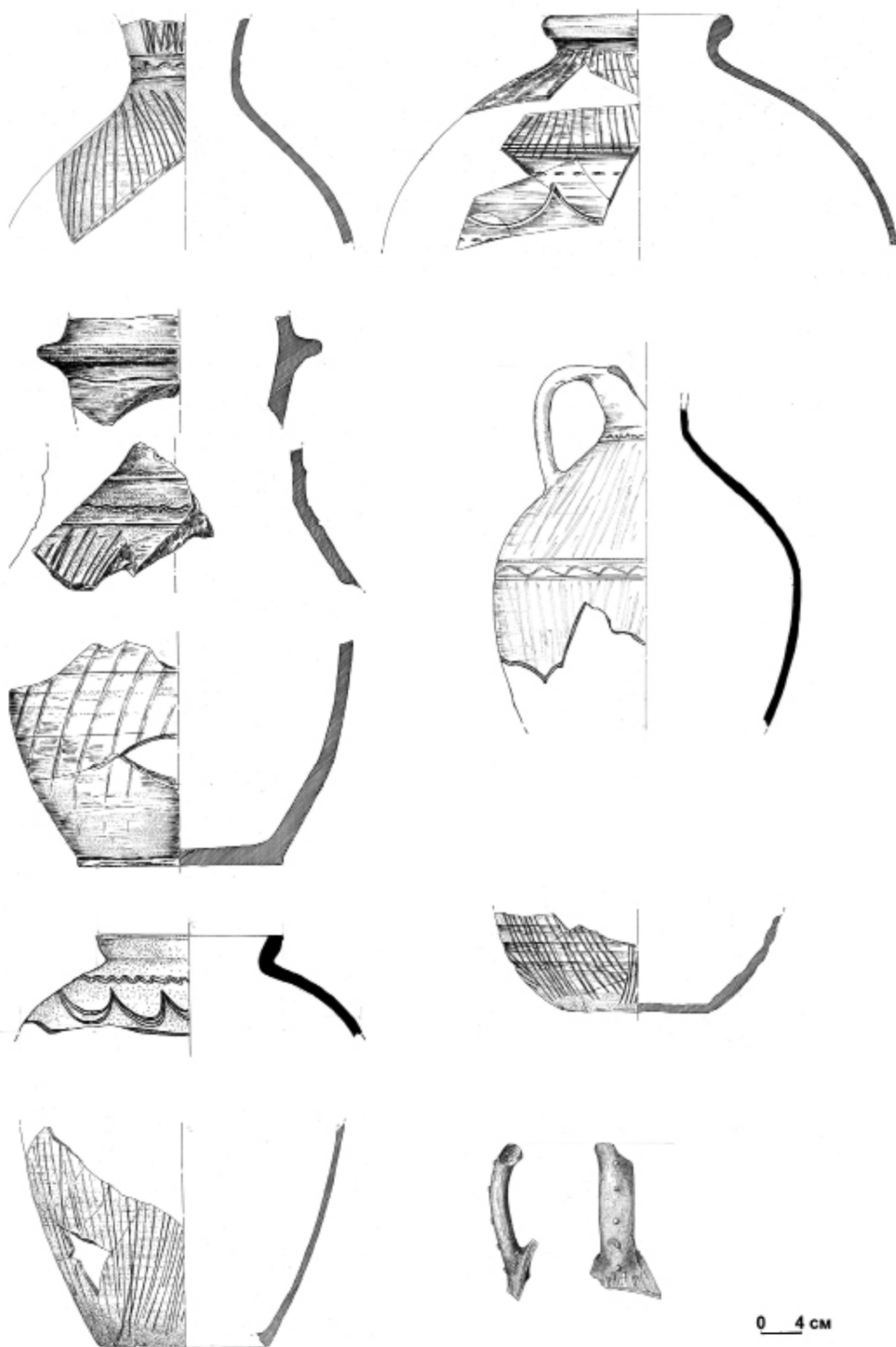

Рис. 17. Керамика первой группы.

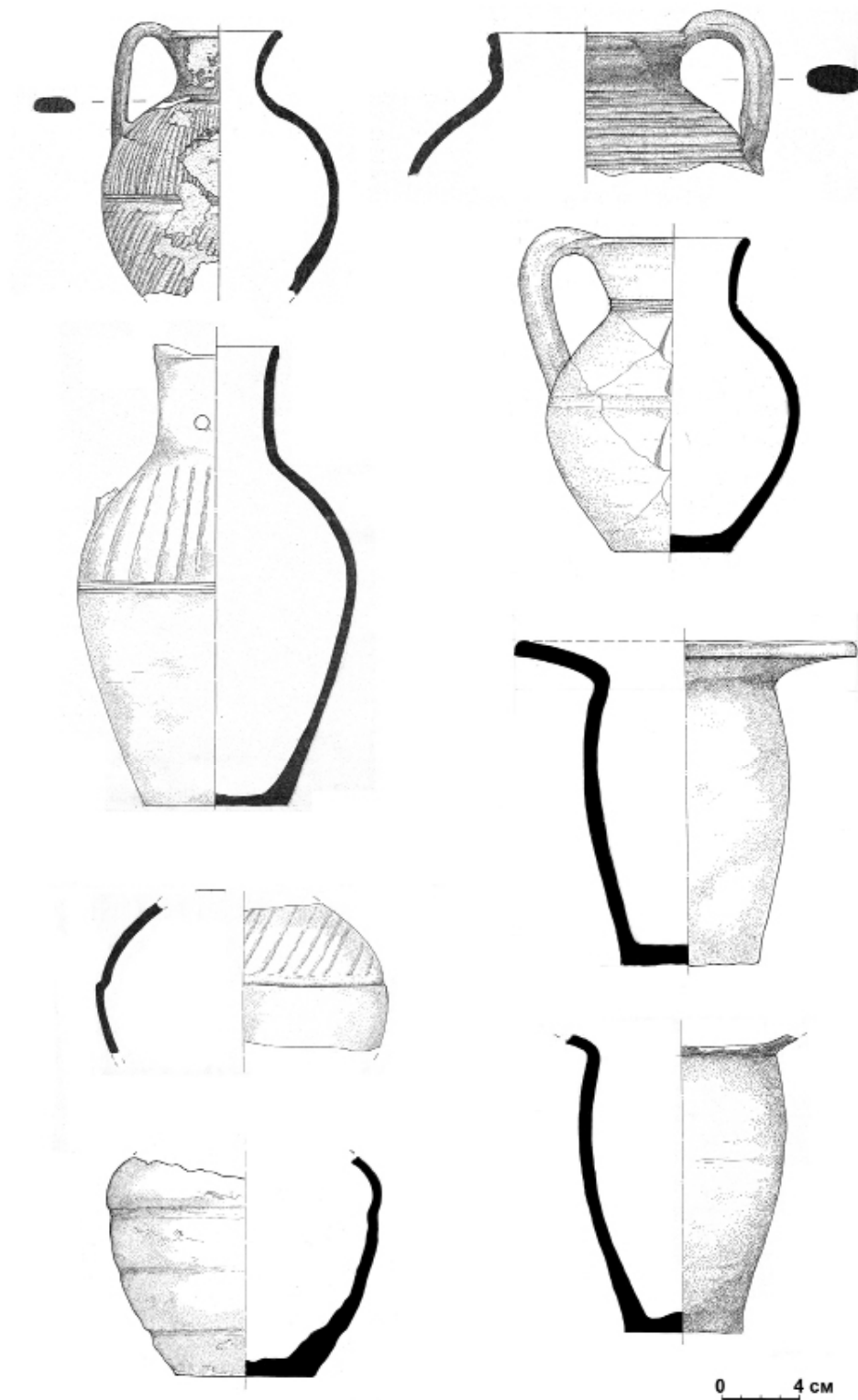

Рис. 18. Керамика второй группы.

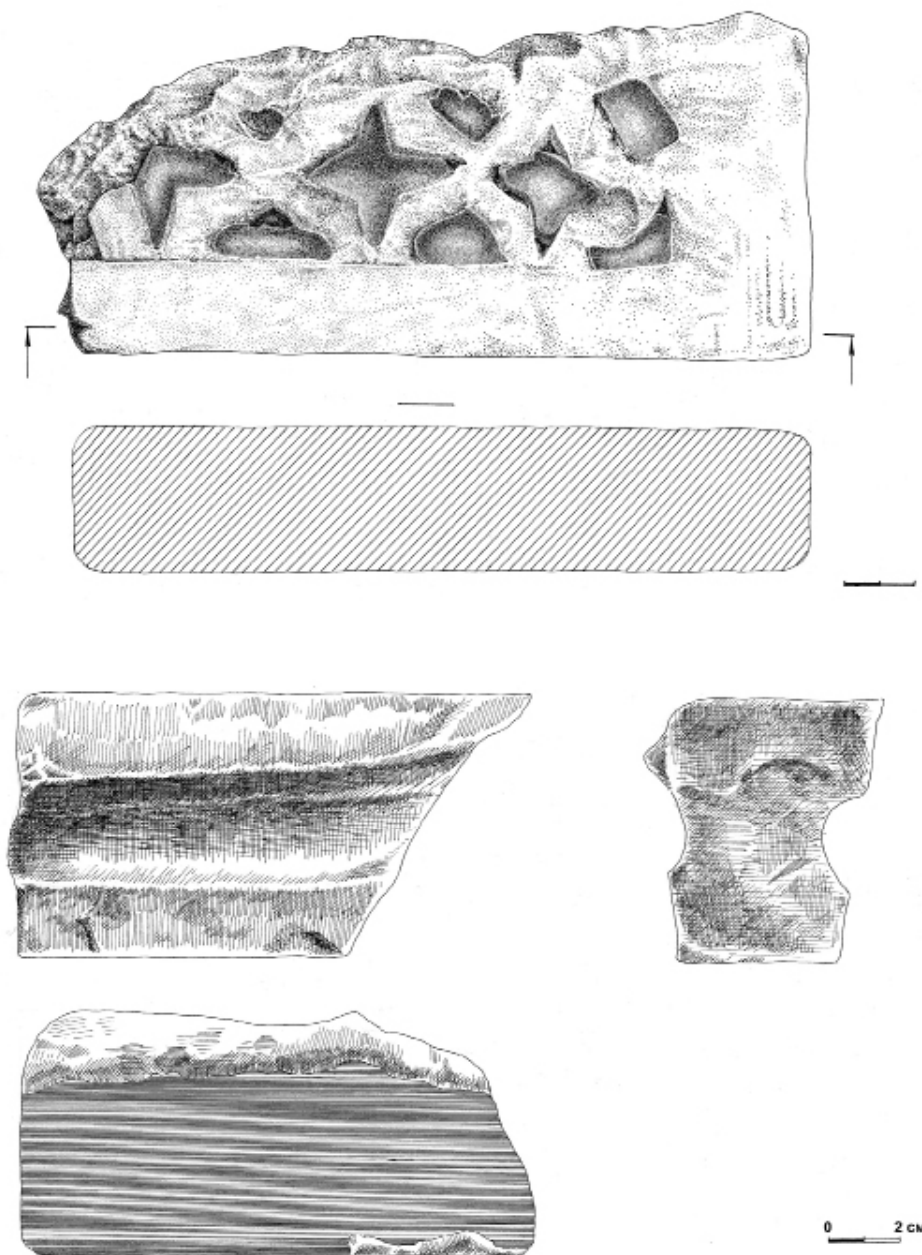

Рис. 19. Изразцы.

РАЗРЕЗ ГОРНА №1

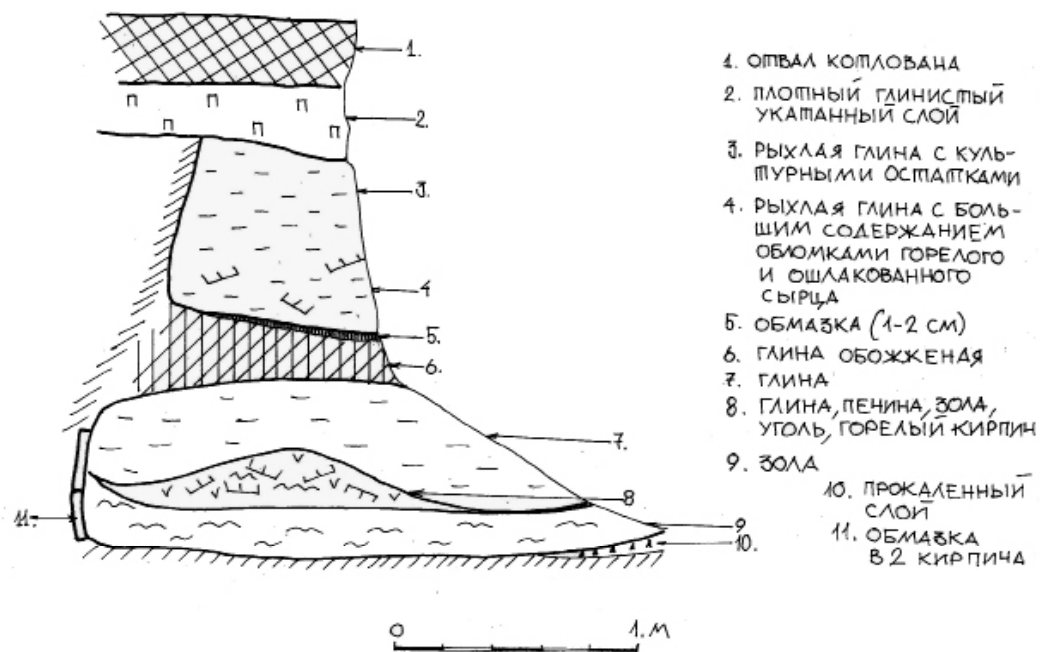

Рис. 20. Разрез гончарного горна.

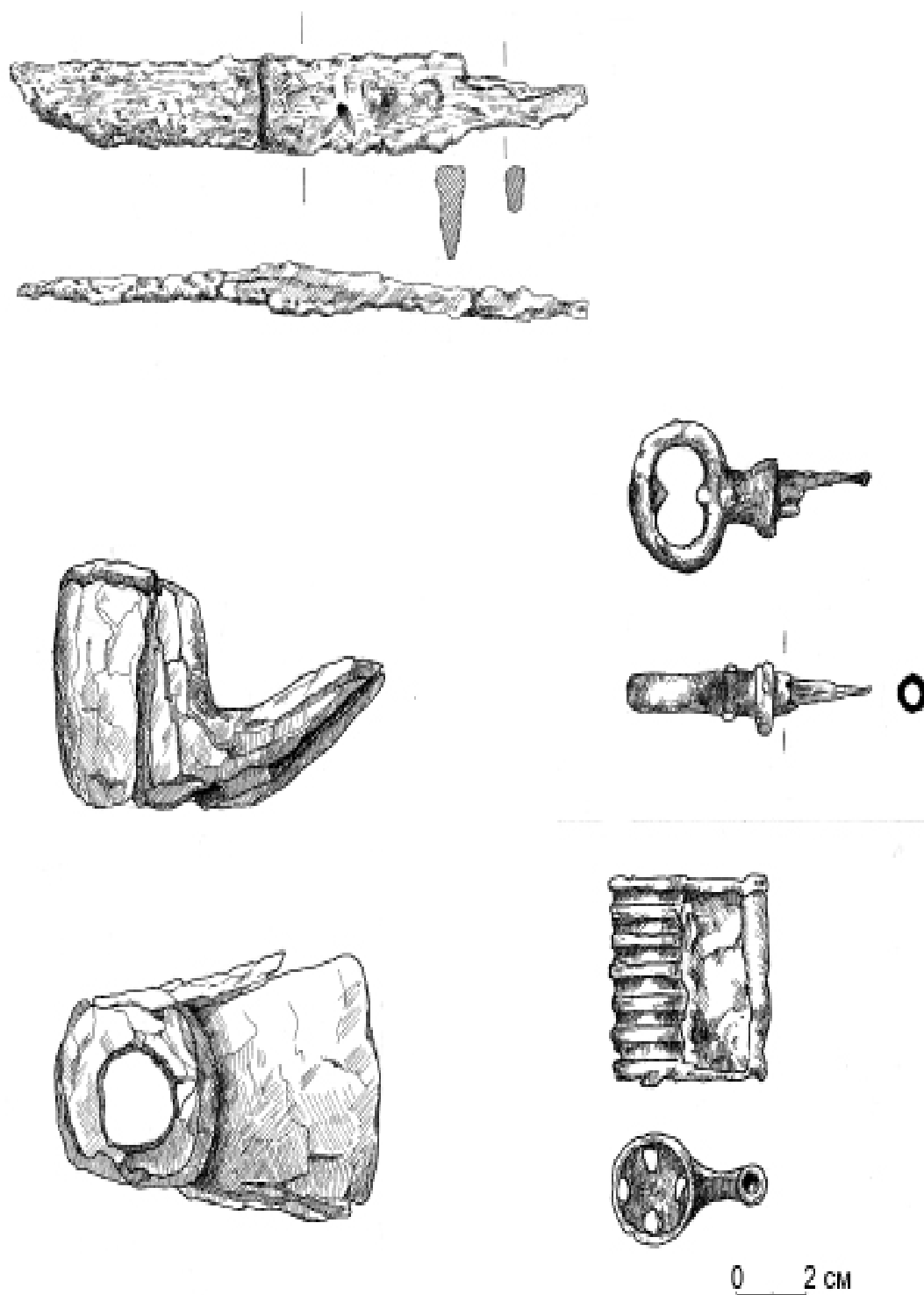

Рис. 22. Изделия из железа.

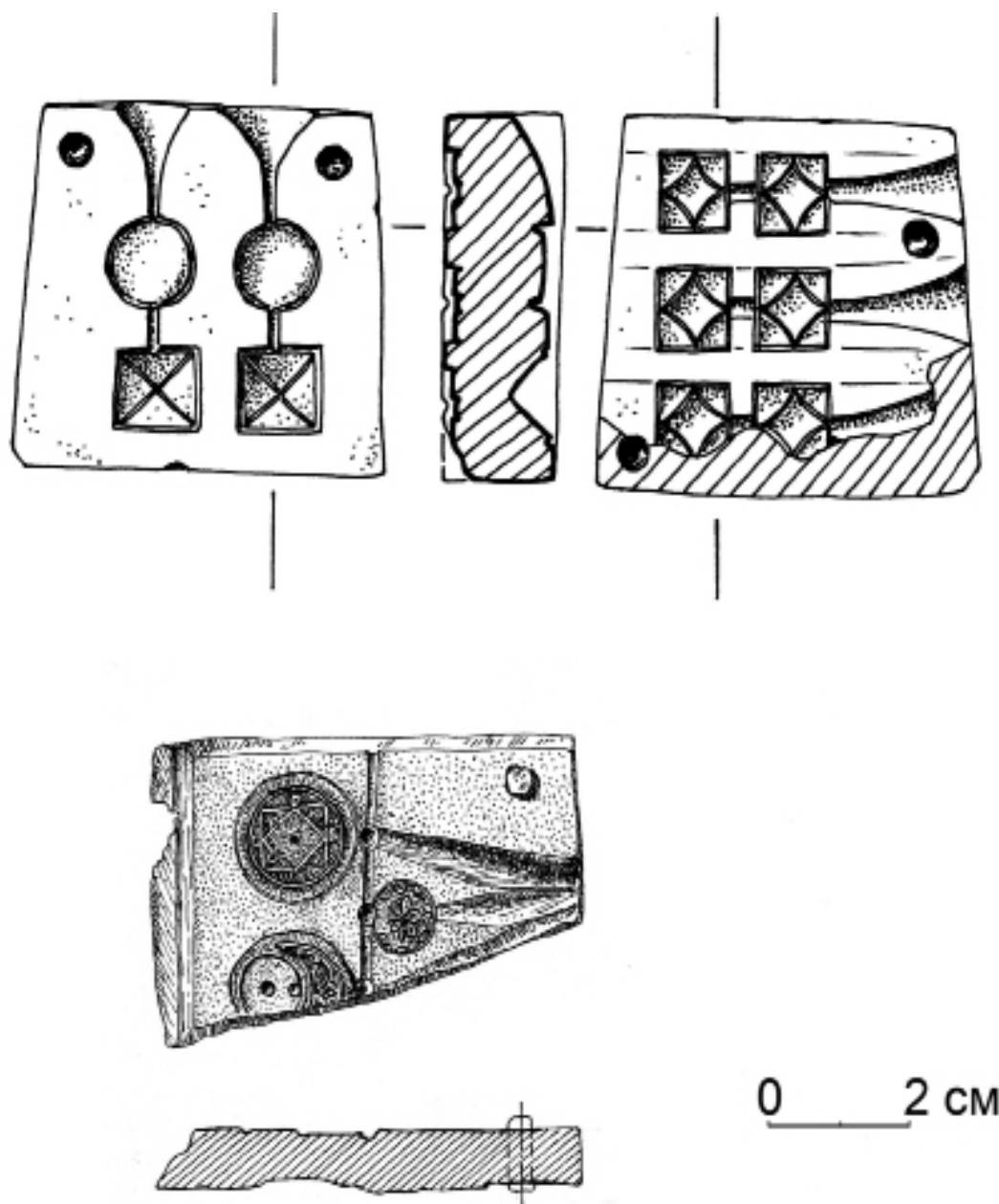

Рис. 23. Литейные формы.

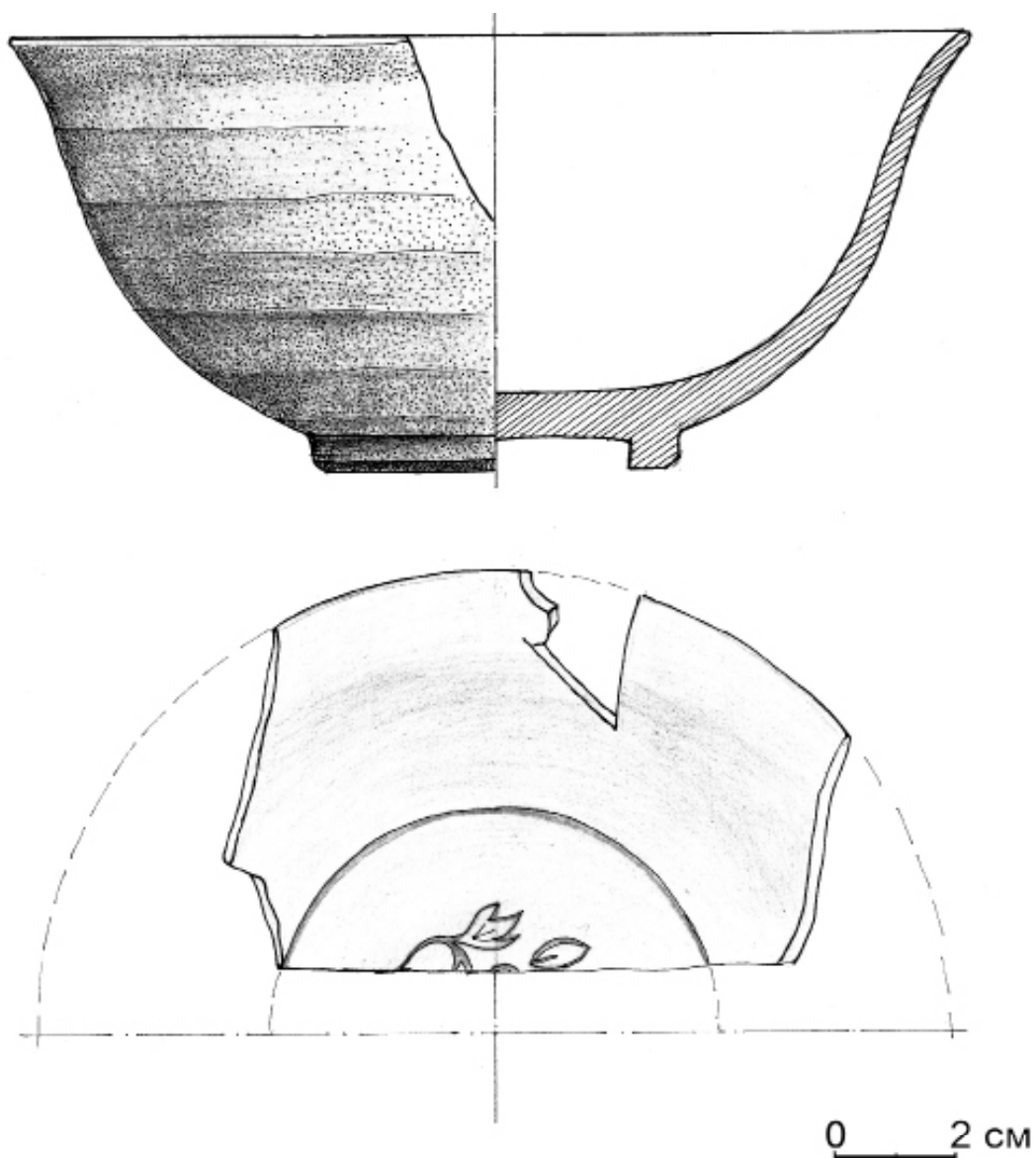

Рис. 26. Селадоновая чаша.

Рис. 27. Золотые монеты.

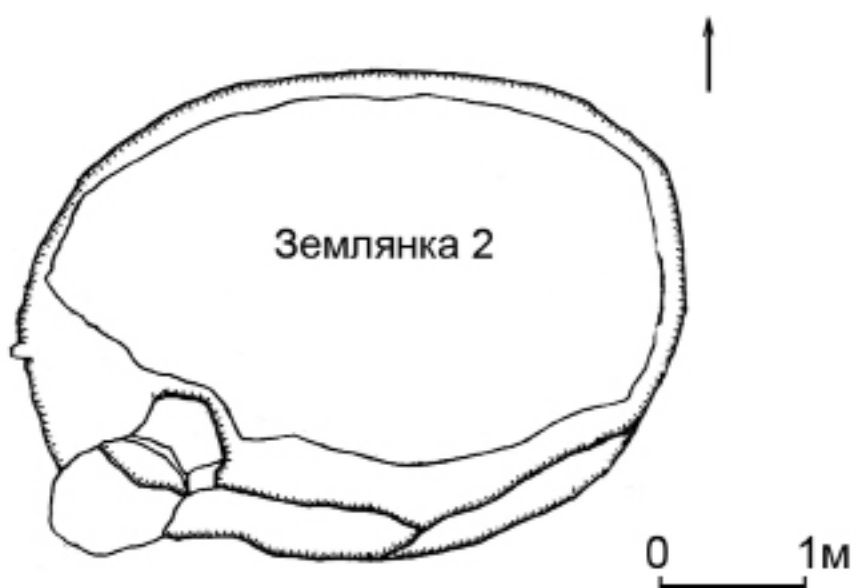

Рис. 28. Землянка 2, план.

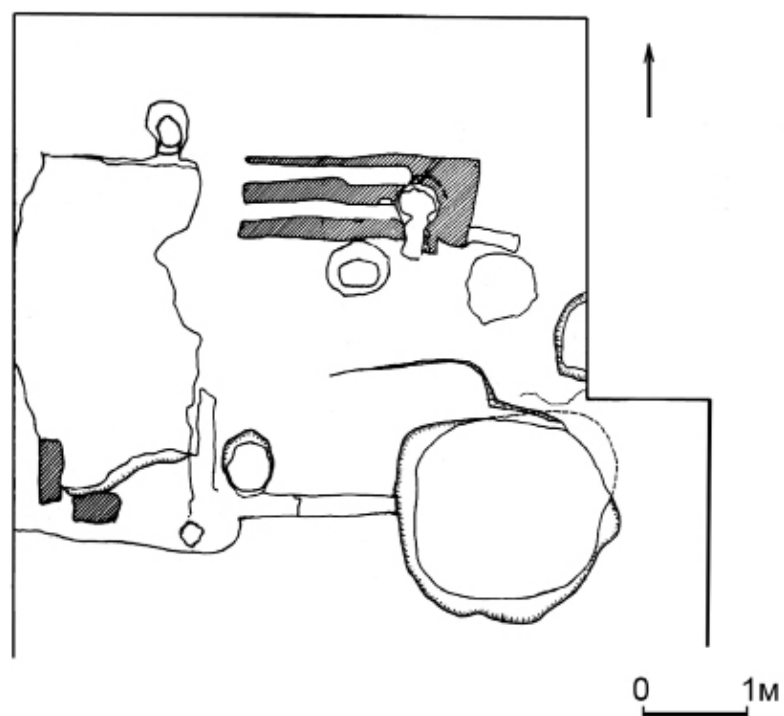

Рис. 29. Дом на раскопе IV.

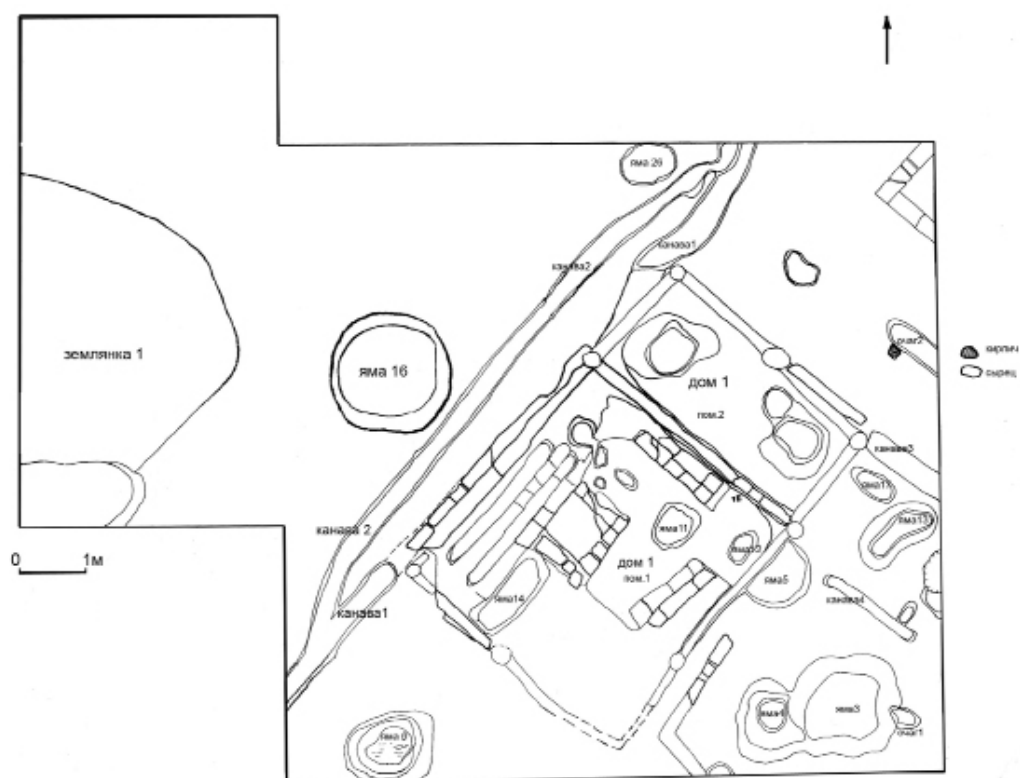

Рис. 30. Дом на правом берегу Кумы.

Рис. 31. Дом на правом берегу Кумы, помещение 1.

Рис. 32. Дом на правом берегу Кумы, помещение 2.

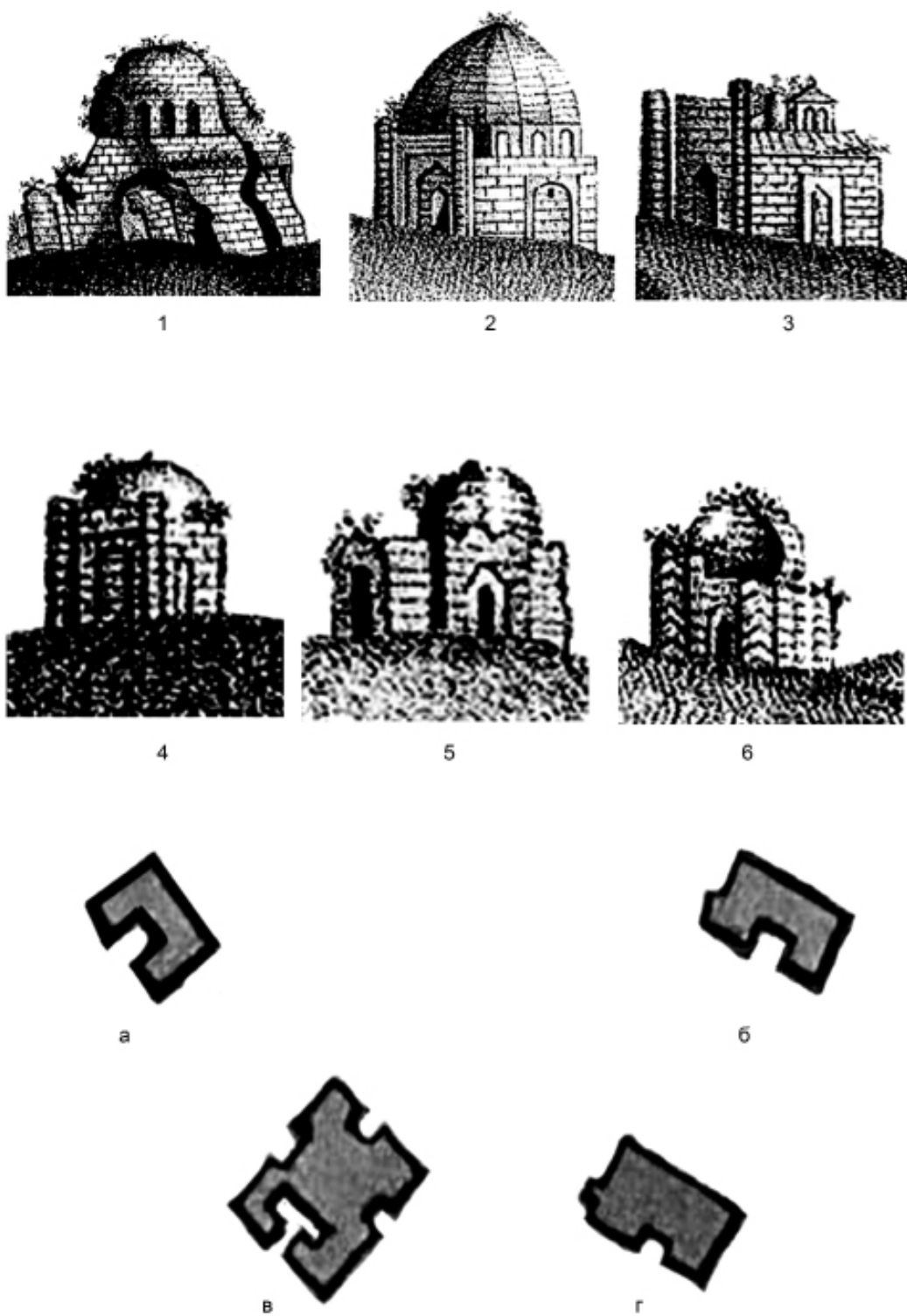

Рис. 35. Портальные мавзолеи Маджара: 1–6 – на рисунке М. Некрасова;
а–г – на плане А. Голохвостова.

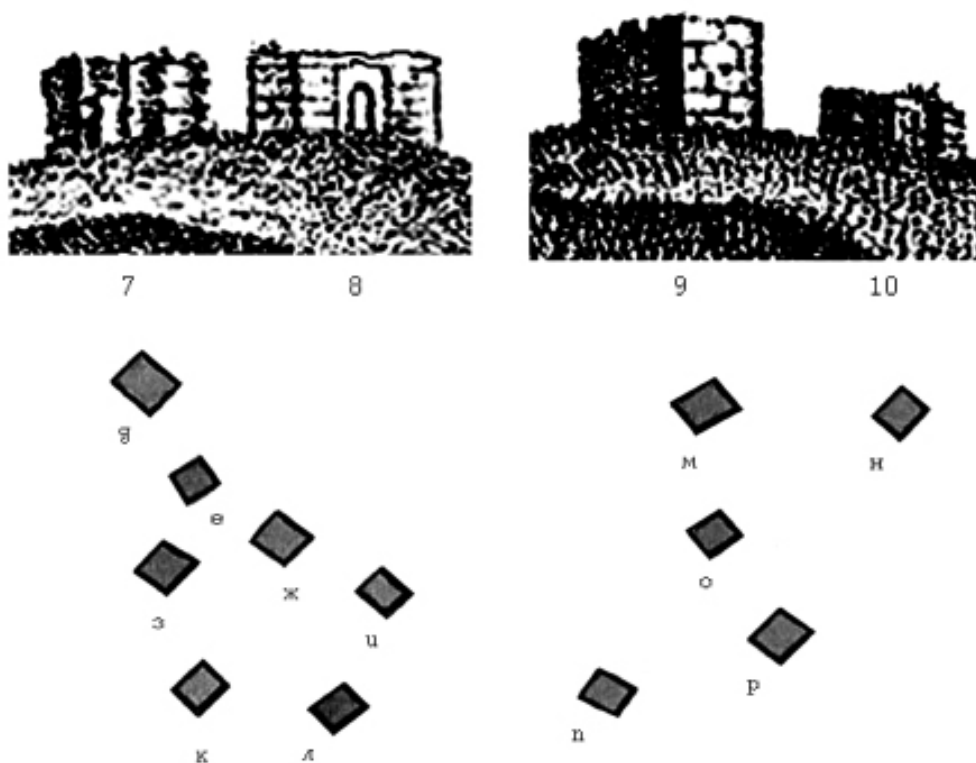

Рис. 36. Фасадные мавзолеи Маджара: 7–10 – на рисунке М. Некрасова;
д-р – на плане А. Голохвостова.

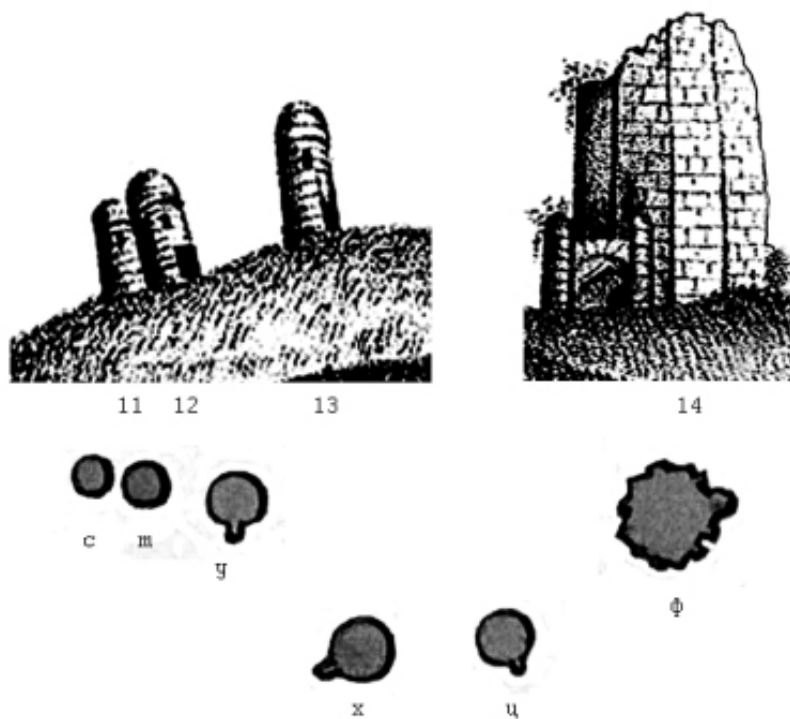

Рис. 37. Башенные мавзолеи Маджара: 11–14 – на рисунке М. Некрасова;
с-ц – на плане А. Голохвостова.

15

16

17

18

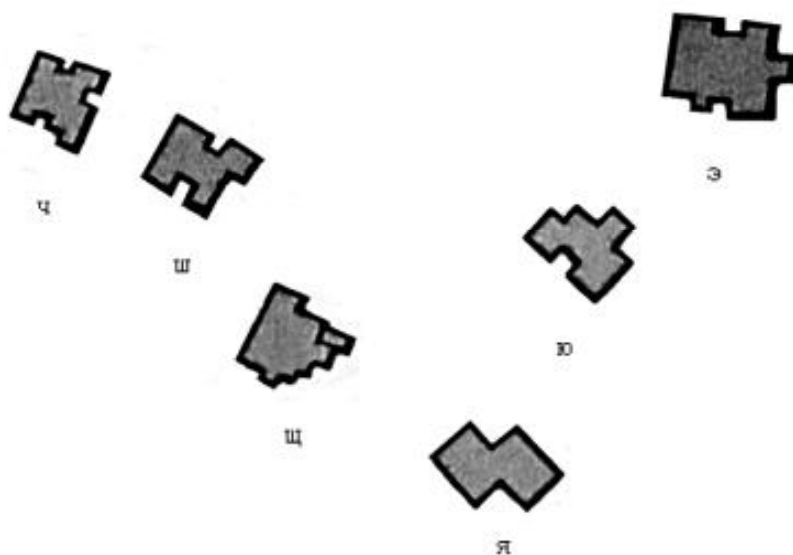

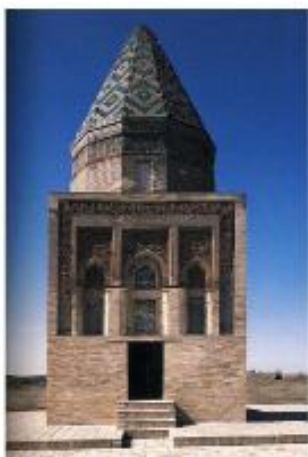
Рис. 39. Мавзолеи Маджара сложного плана: 15–18 – на рисунке М. Некрасова;
ч-я – на плане А. Голохвостова.

1

2

3

4

5

Рис. 40. Шатровые мавзолеи Средней Азии: 1 – Айша-биби (XI–XII вв.);
2 – Бабаджа-хатун (XI в.); 3 – Фахраддина Рази (XII в.); 4 – султана Текеша (XI–XII вв.);
5 – Гумбез Манаса (XIV в.).

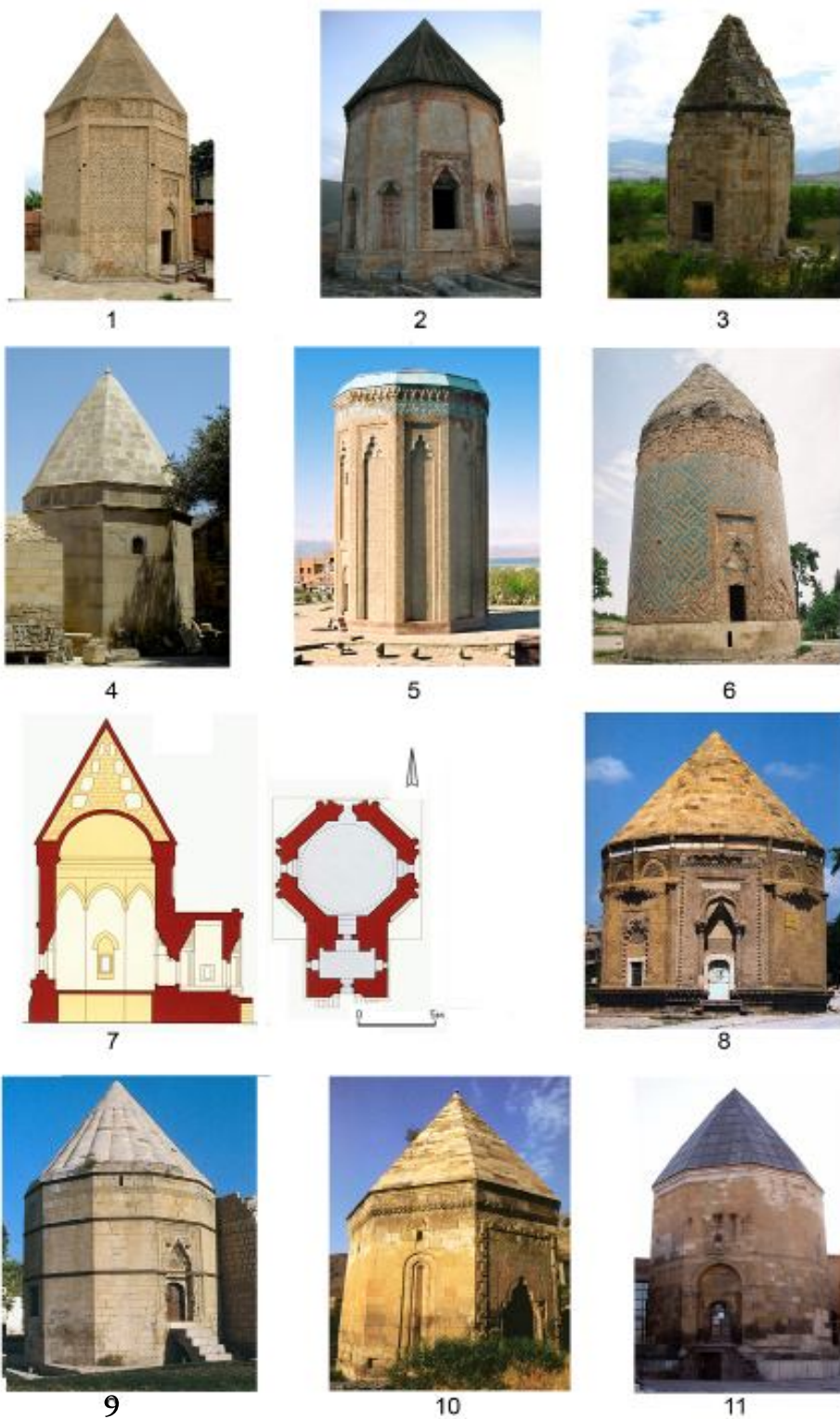

Рис. 41. Башенные мавзолеи Азербайджана (1–6) и Малой Азии (7–11): 1 – Юсуфа ибн Кусейра (XII в.); 2 – Хачин-Дорбатлы (XIV в.); 3 – Мир Али (XIV в.); 4 – Али Кафер в Кайсери (XIII в.); 5 – Ситте Мелик в Дивриги (XII в.); 6 – Караманоглу Алаеддин бея (XIII в.); 7 – дюрбе Худавент хатун в Нигде (начало XIV в.) (по Л.С. Бретаницкому и Г. Стирлину).

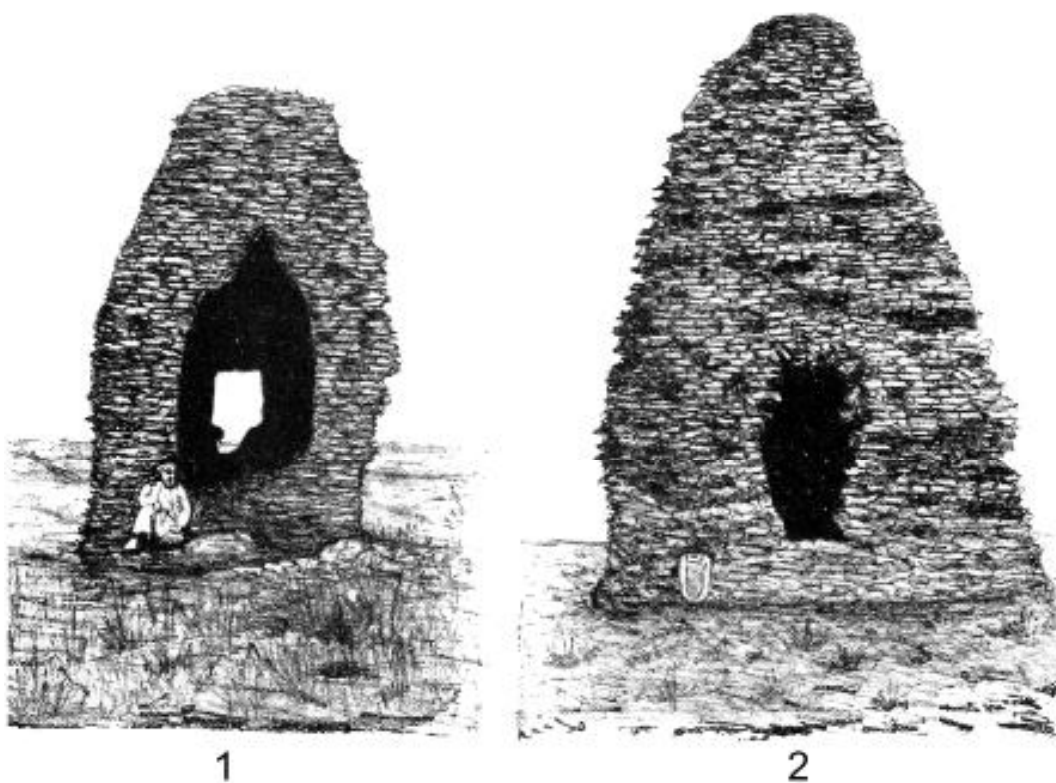

Рис. 42. Каменные мавзолеи Дынгек и Козу Корпеч в Семиречье (по И.А. Кастанье).

Рис. 43. Башни в Низовьях Сырдарьи: 1 – Сараман-коса; 2 – Бегим-ана.

1

2

3

4

5

Рис. 44. Сырцовые пирамидальные и конические мавзолеи Казахстана.

Рис. 45. Здание на правом берегу Кумы, вид с юга.

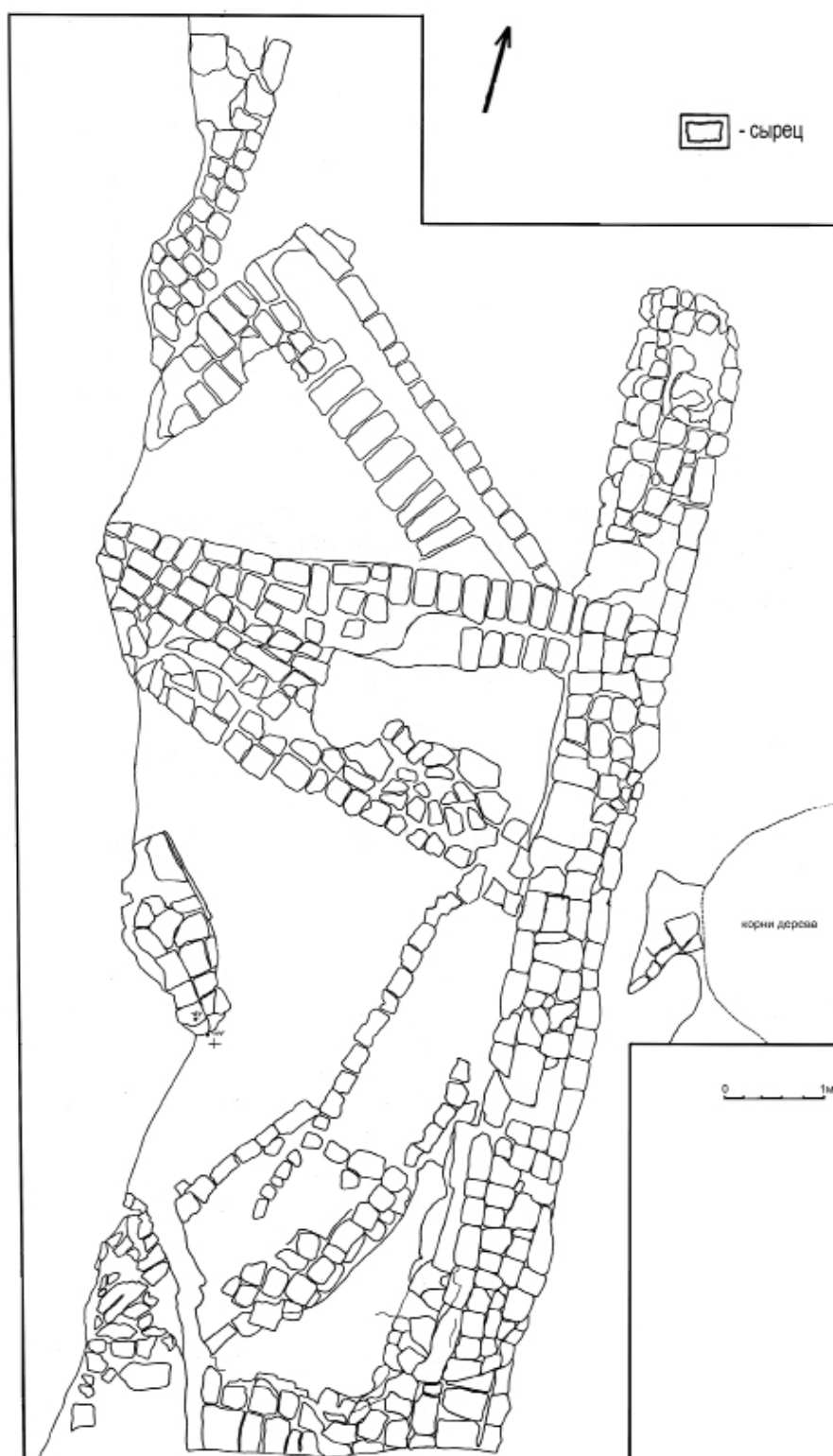

Рис. 46. Здание на правом берегу Кумы, план.

Рис. 47. Здание на правом берегу Кумы, вид с востока.

Рис. 48. Общественная баня, вид с С.

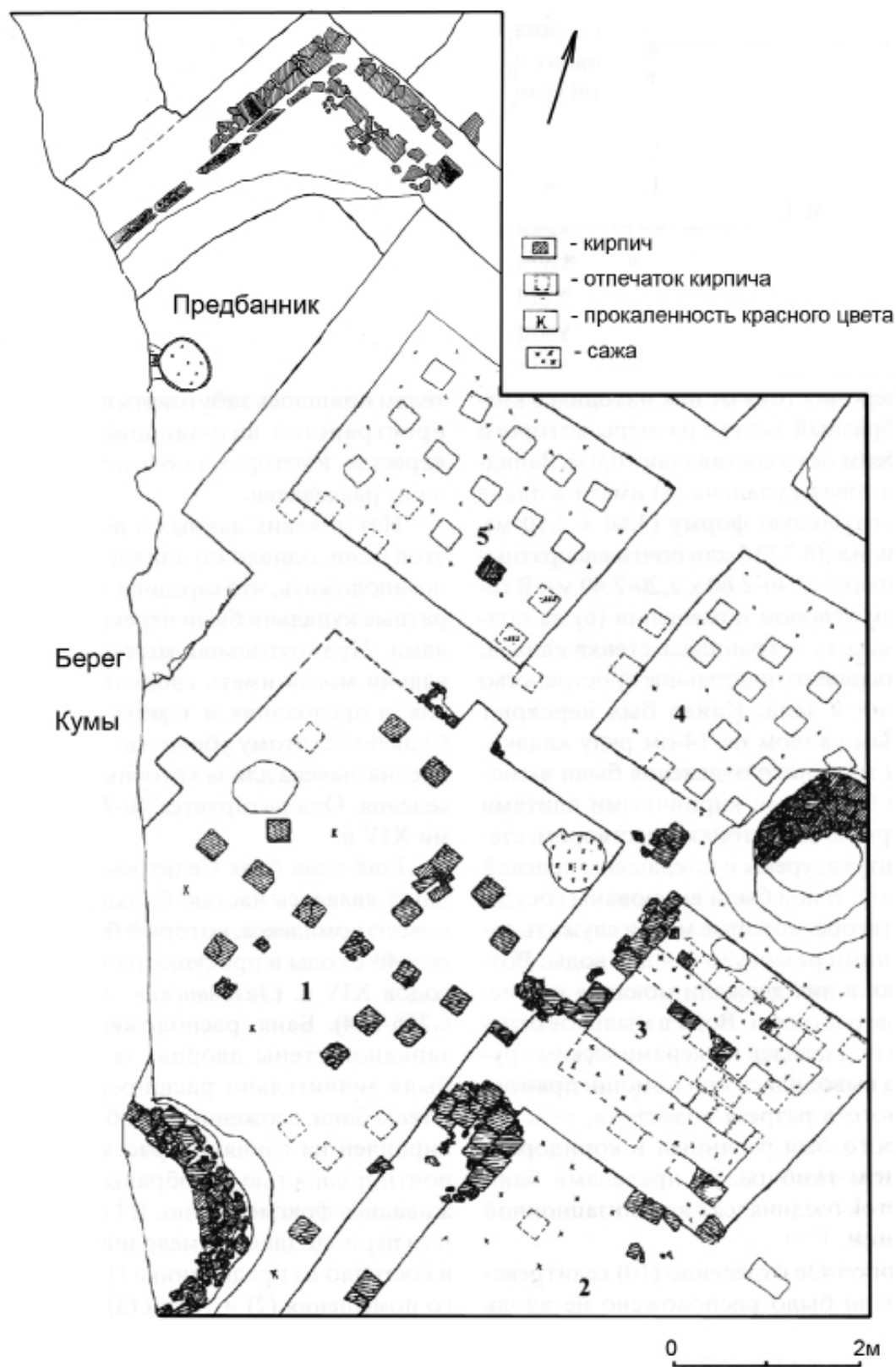

Рис. 49. Общественная баня, план.

Рис. 50. Общественная баня, столбики подпольного отопления.

Рис. 51. Общественная баня, печь.

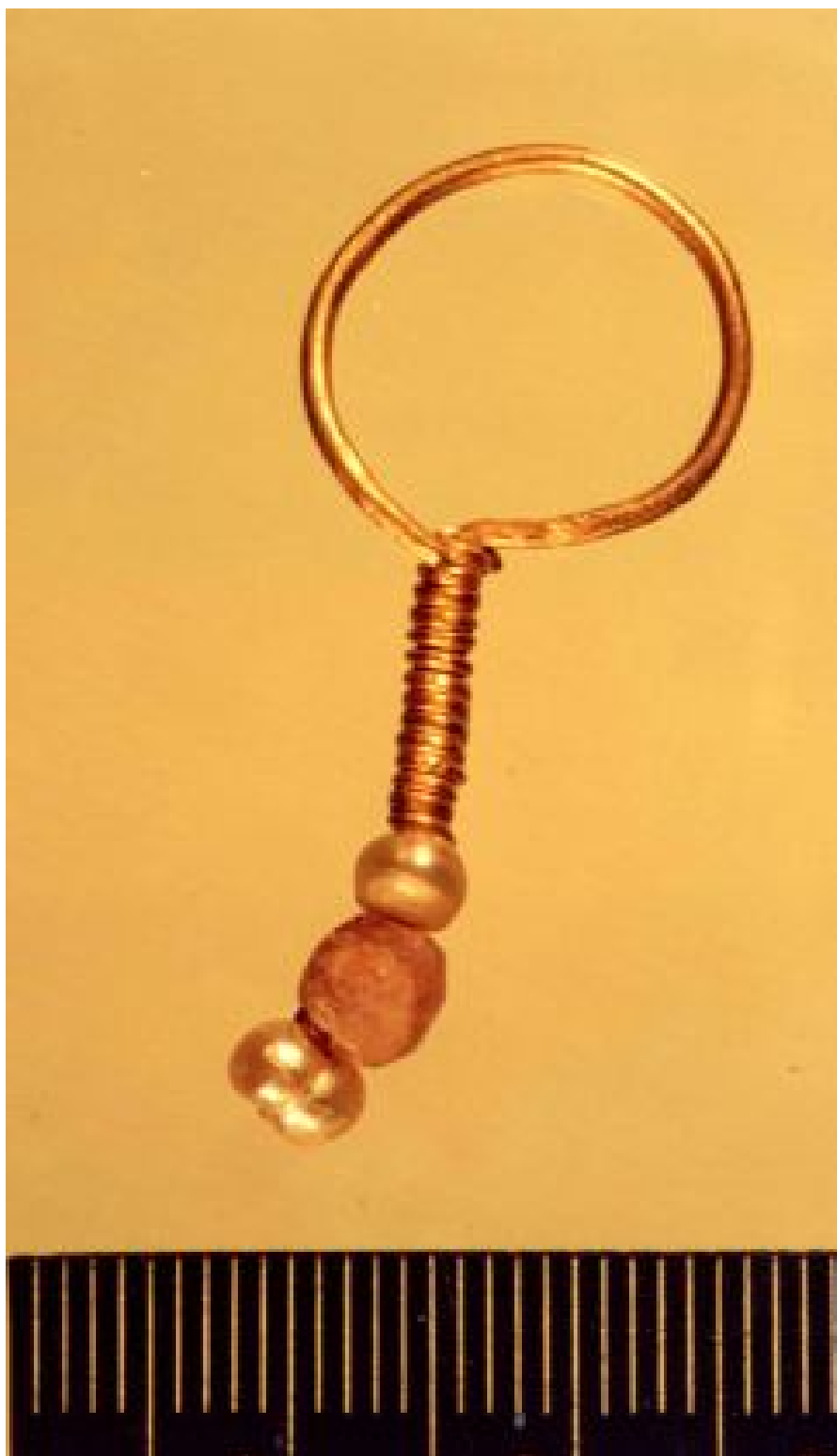

Рис. 52. Золотая серьга.

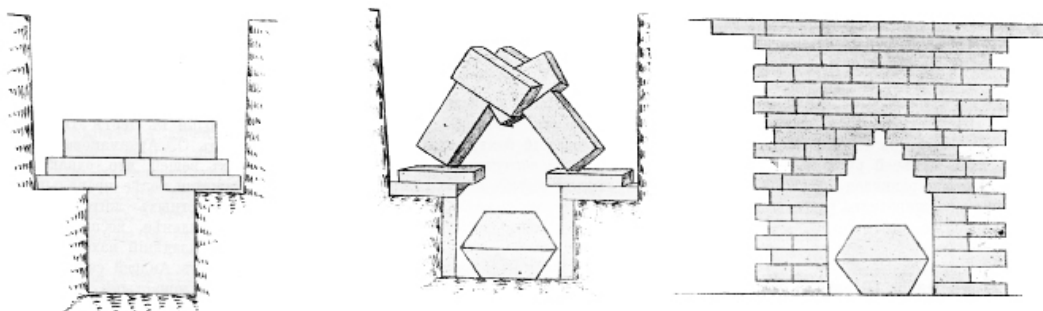

Рис. 53. Погребения с кирпичными склепами (по В.А. Городцову).

МАДЖАРЫ
ПОГРЕБЕНИЕ № 7

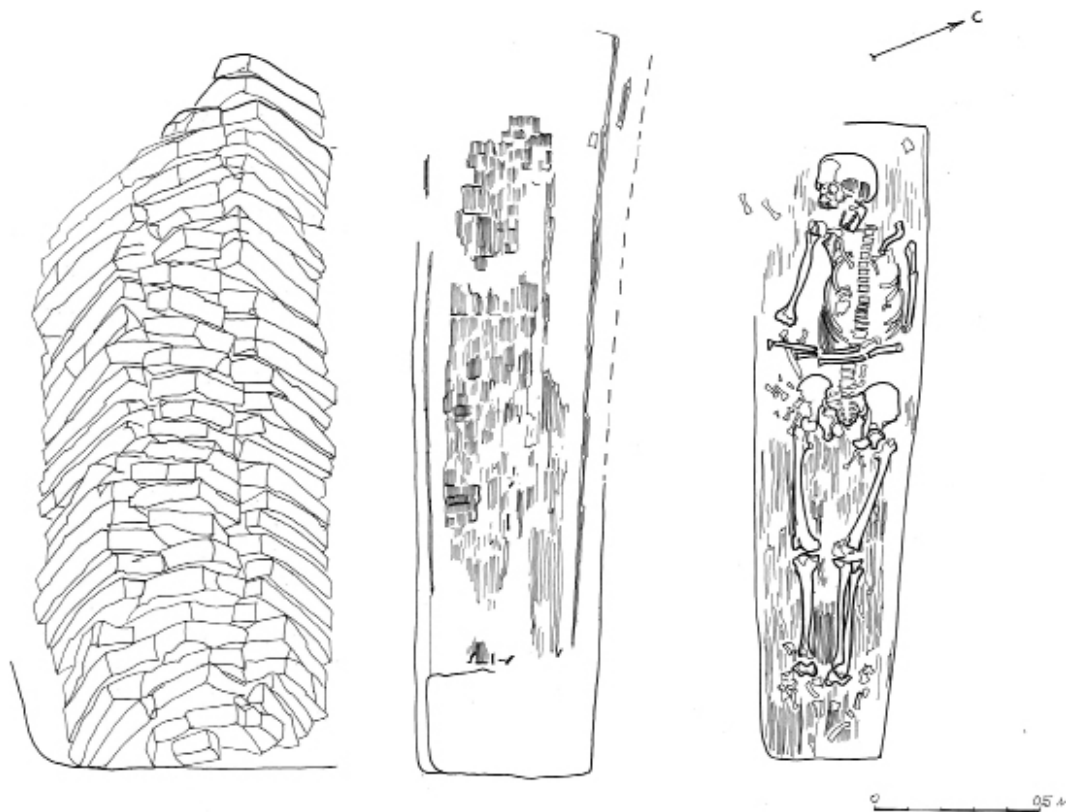

Рис. 54. Погребение с сырцовым склепом.

МАДЖАРЫ-90 ПОГРЕБЕНИЕ 2

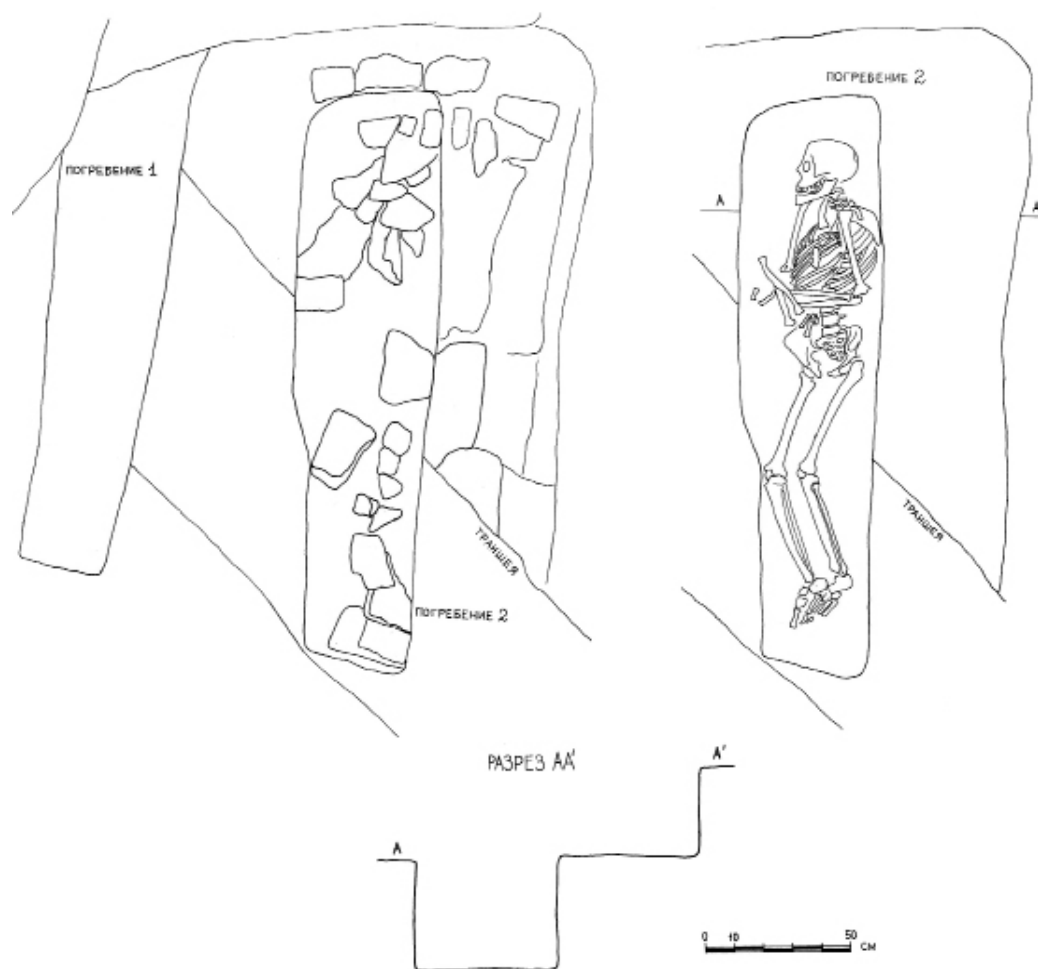

Рис. 55. Погребение с заплечиками и перекрытием.

МАДЖАРЫ-90 РАСКОП III ПОГРЕБЕНИЕ 8

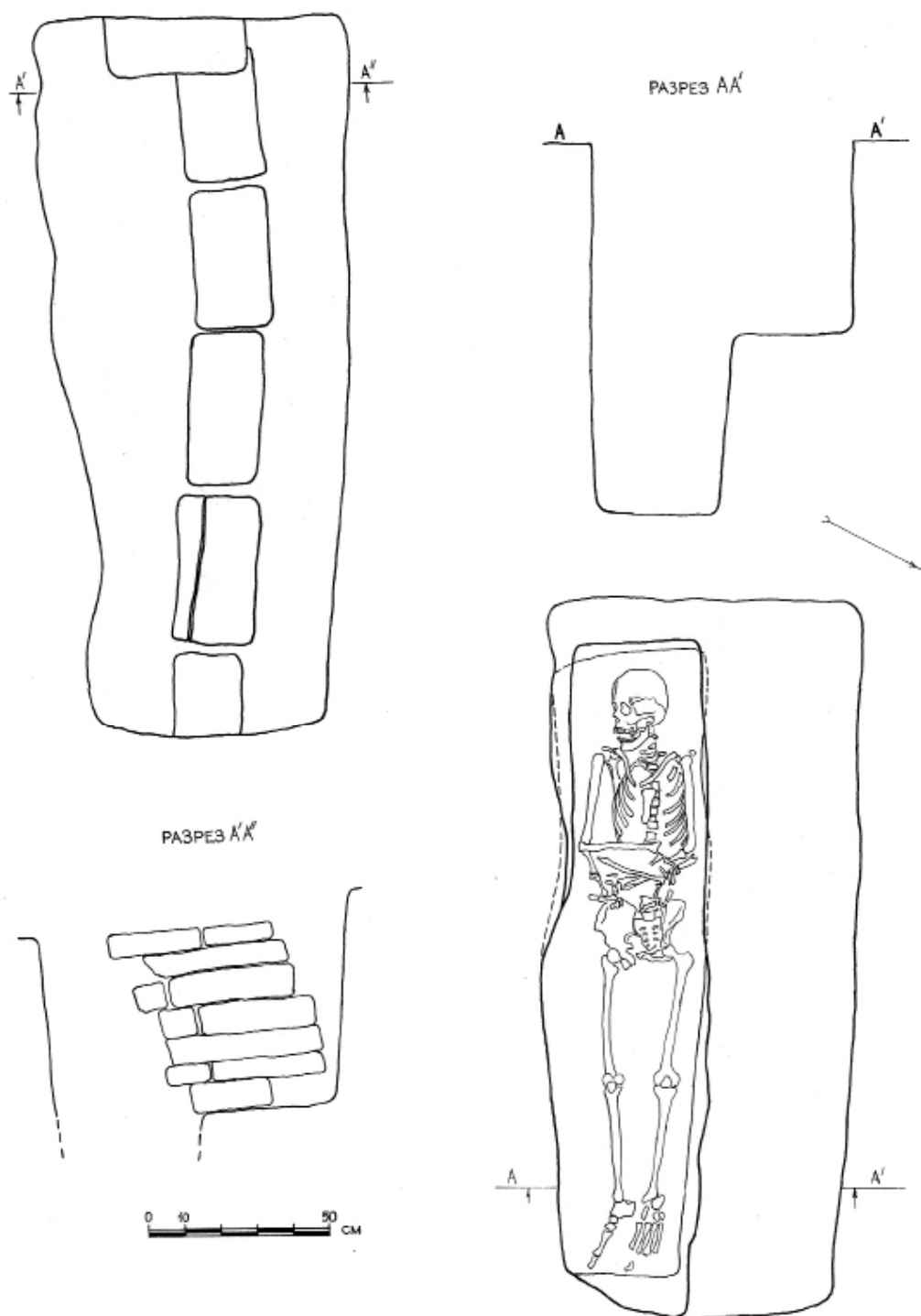

Рис. 56. Погребение с сырцовым перекрытием.

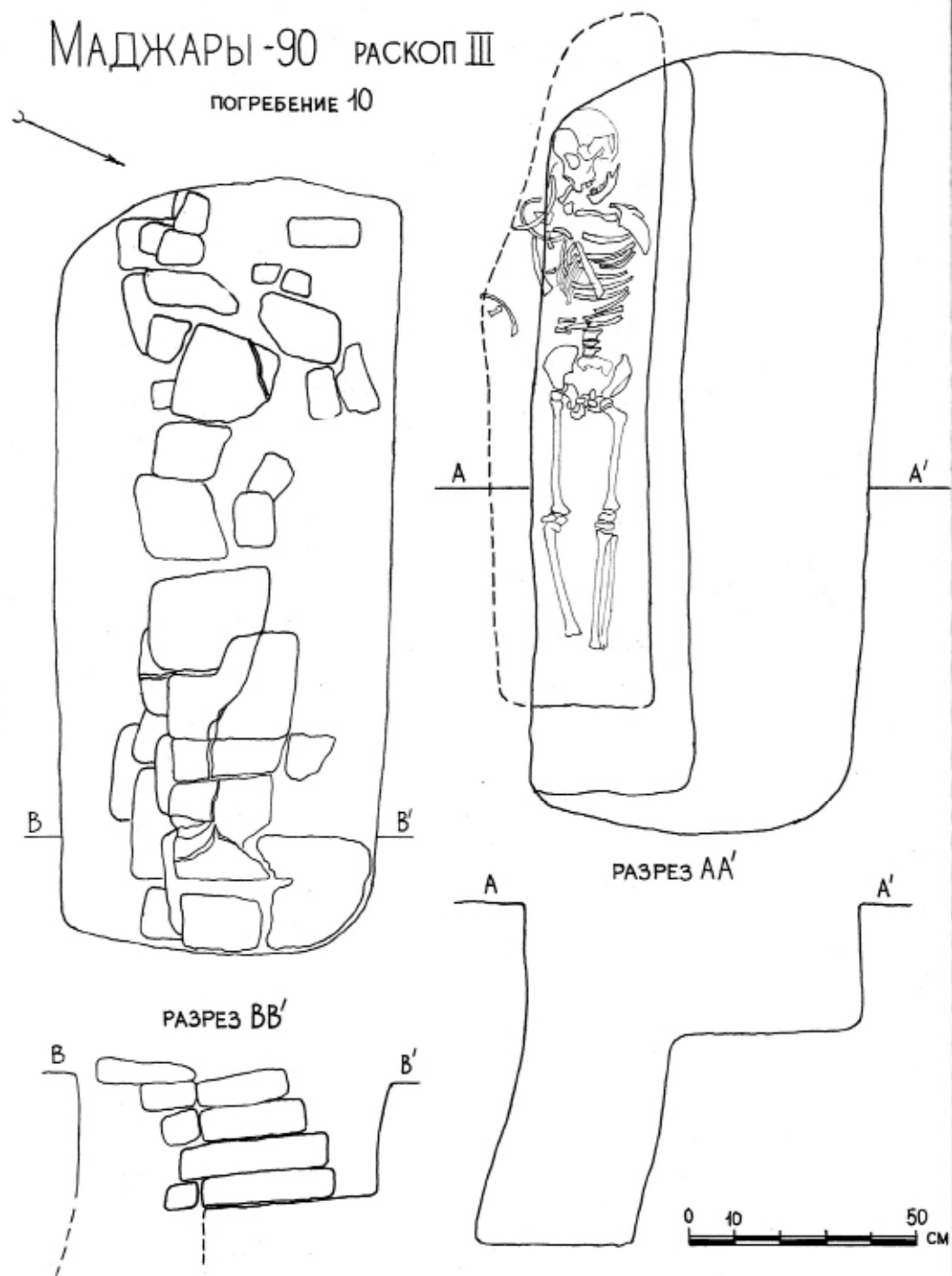

Рис. 57. Погребение с подбоем и сырцовым перекрытием.

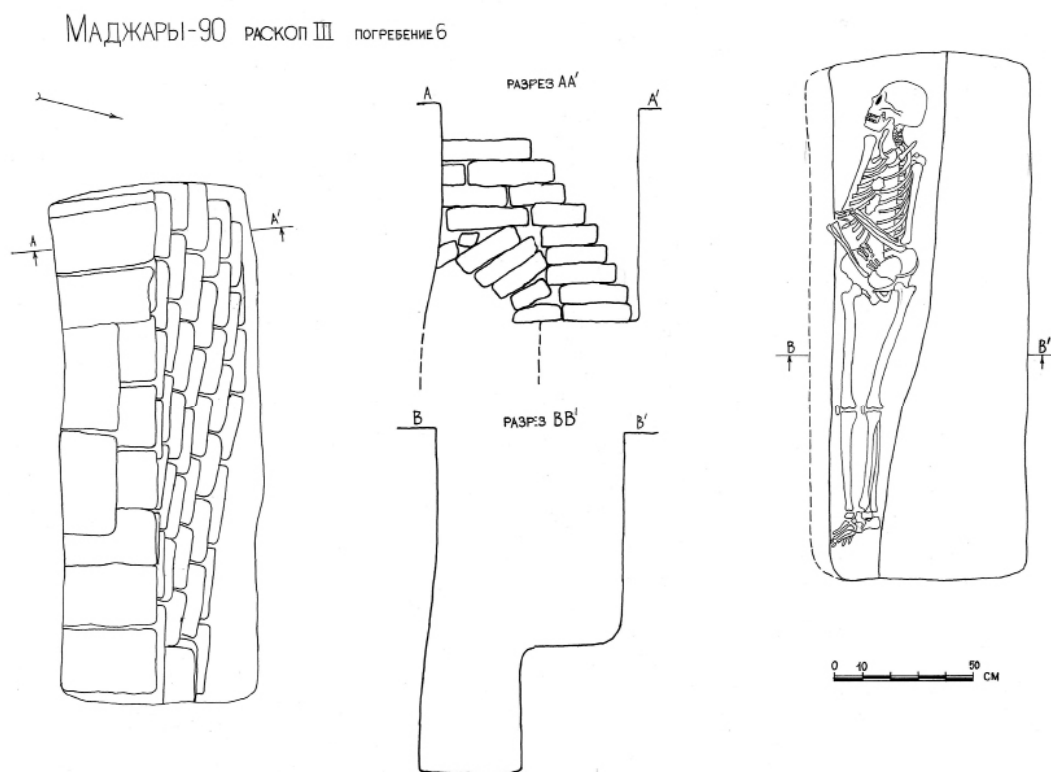

Рис. 58. Погребение с подбоем и сырцовым перекрытием.

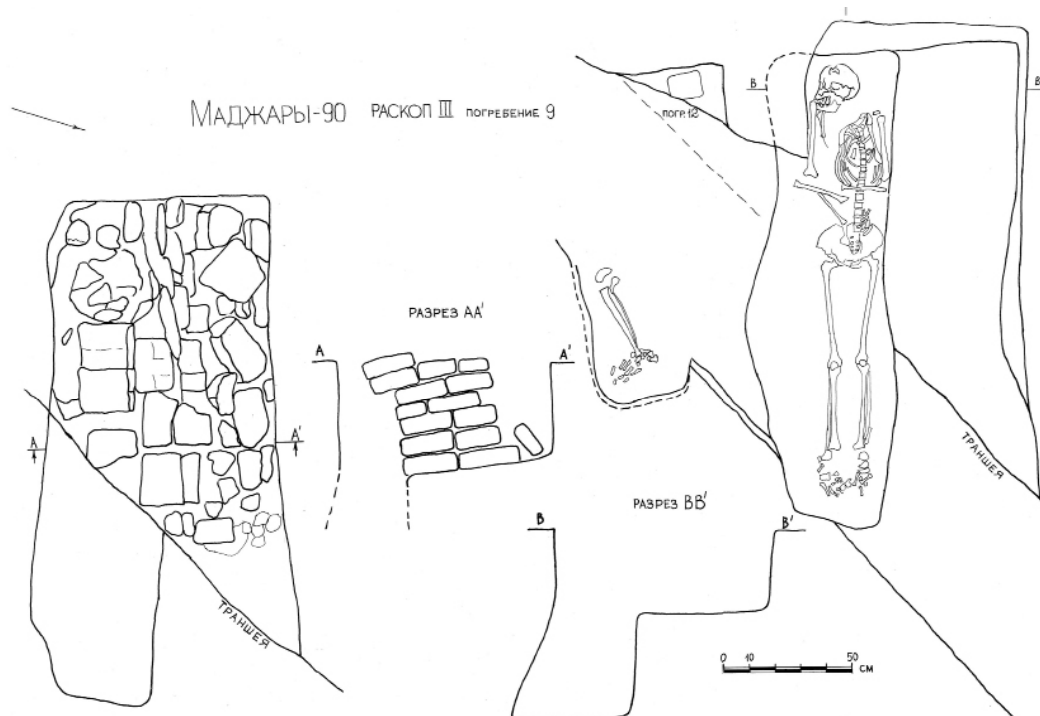

Рис. 59. Погребение с подбоем и сырцовым перекрытием.

Маджары - 90 РАСКОП III ПОГРЕБЕНИЕ 5

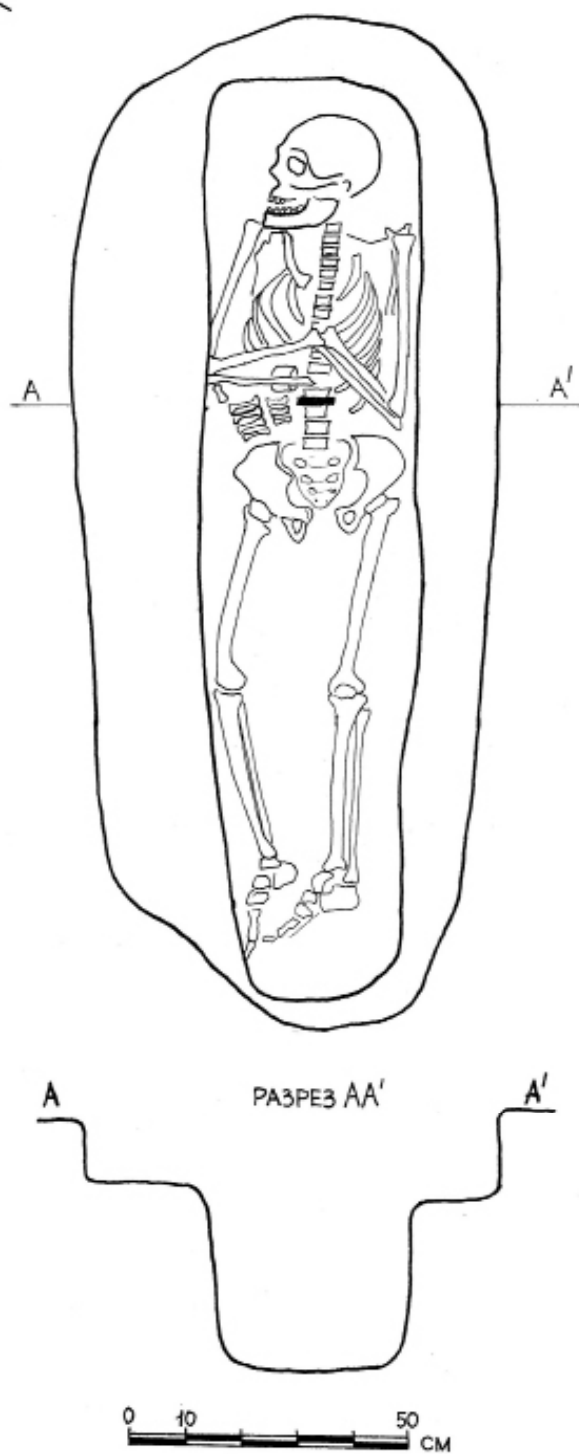
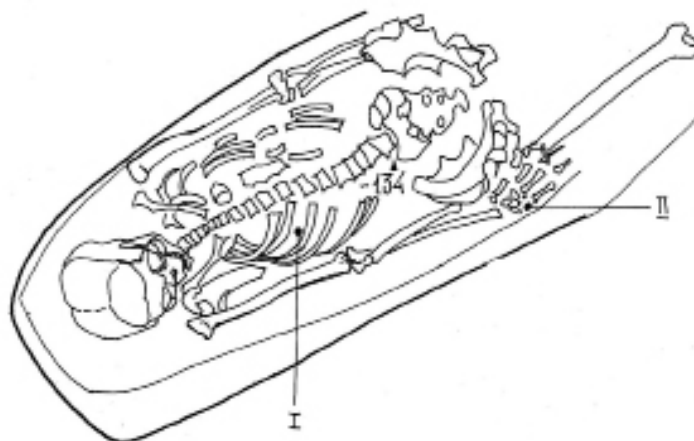

Рис. 60. Погребение в яме с заплечиками.

МАДЖАРЫ · 89
п. 6

I УГОЛЬ
II ОХРА

0 0,5 м

Рис. 61. Погребение в простой яме.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджимамедов Р.Е. Страницы истории Прикумья с древнейших времен. Буденновск, 1992.
- Ажигали С.Е. Архитектура кочевников. Феномен истории и культуры Евразии. Алматы, 2002.
- Алексеев В.П. Антропологический состав средневекового города Маджары и происхождение балкарцев и карачаевцев // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. XXV.
- Архипов А. Очерки исследования древнего города Маджара // Ставропольские Губернские ведомости. 1856. № 12–20.
- Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966.
- Бабенко В.А. Памятники золотоордынского времени на территории Ставропольской возвышенности // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, антропология, палеоклиматология. Москва, 2001. Вып. II.
- Бабенко В.А. Погребальный обряд населения Маджара (по материалам раскопок на городском кладбище) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. (XXIII Крупновские чтения. Москва, 2004 год). М., 2008. Вып. VIII.
- Бабенко В.А. Христиане в структуре населения города Маджара // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. (XXIV Крупновские чтения. Нальчик, 2006 год). М., 2008.
- Бабенко В.А. Из истории изучения городища Маджары в конце XIX – начале XX вв. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тез. докл. Владикавказ, 2008.
- Бабенко В.А. Округа золотоордынского города Маджара (к постановке проблемы) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012.
- Бабенко В.А. О некоторых дискуссионных проблемах истории города Маджара // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М., 2014.
- Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007.
- Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Археологостатистическое исследование. Астрахань, 2009.
- Волков И.В. Новые данные о керамике золотоордынского города Маджара // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990). Тез. докл. Грозный, 1991.
- Волков И.В., Зиливинская Э.Д. Керамическое производство и импорт в Маджаре // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. (XIX Крупновские чтения. Москва, 1996 год). М., 2008.
- Волков И.В. Хачкар с городища Маджары // Историко-археологический альманах Армавирского краеведческого музея. Армавир-Москва, 1996. Вып. 2.
- Волков И.В. Нумизматические и эпиграфические находки из Маджара // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001а. Вып. II.
- Волков И.В. Два городища Маджары на старых картах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001б. Вып. II.
- Волкова Н.Г. Маджары. Из истории городов Северного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. М., 1972. Вып. V.
- Гадло А.В. Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники «Дербент-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

Гербер И.Г. Известия о находящихся с Западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Куром народах и землях и о их состоянии в 1728 году // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., июнь–октябрь., 1760.

Гончаров Е.Ю. Джучидские тамги на монетах города Маджара // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджара в 1907 г. // Труды XIV археологического съезда. М., 1911.

Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. № 1. 1971.

Даутова Р.А. О ранней группе мавзолеев Северного Кавказа // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

Дворниченко В.В., Зиливинская Э.Д. Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2005. Вып. 7.

«Дербент-наме» на языках народов Дагестана. Махачкала, 2012.

Доде З.В. К истории изучения города Маджара. (XVI Крупновские чтения, 1990 г.) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. Вып. VIII.

Евтеев А.А. Население золотоордынского города Маджара по данным краниологии // Вестник антропологии. Альманах. М., 2003. Вып. 10.

Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. М., 1970.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Егоров В.Л., Юхт А.И. В.Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // СА, № 1. 1986.

Еманов Е.Г. Север и Юг в истории коммерции. Тюмень, 1995.

Зиливинская Э.Д. Средневековые бани Нижнего Поволжья // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.

Зиливинская Э.Д. Археологические работы на городище Маджары в 1989–1991 гг. и 1993 г. // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Кисловодск, 1994а.

Зиливинская Э.Д. 1994б. Отчет о раскопках на городище Маджары в Ставропольском крае в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. N. 19139.

Зиливинская Э.Д. Жилые постройки Сарая по материалам раскопок 1984 года // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994в.

Зиливинская Э.Д. Раскопки на городище Маджары // АО в 1994 году. М., 1995.

Зиливинская Э.Д. Работы на городище Маджары в Ставропольском крае // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения. Тез. докл. М., 1996а.

Зиливинская Э.Д. Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований. М., 2001.

Зиливинская Э.Д. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань, 2008.

Зиливинская Э.Д. К вопросу о формировании погребальных сооружений населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время // Вест. Моск. ун-та. История. Сер. 8. № 2. 2009.

Зиливинская Э.Д. Усадебные и дворцовые здания Золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Планировка, традиции, инновации // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2010а. Т. 8.

Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2010б. Вып. 3.

Зиливинская Э.Д. Еще раз о мавзолеях Маджара // От палеолита до средневековья. М., 2011а.

Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань, 2011б.

Зиливинская Э.Д. Архитектурные памятники Маджара по рисункам и описаниям XVIII в. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, краеведение, музееведение. М., 2013. Вып. XI.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Культовое зодчество. Москва–Казань, 2014. Ч. I.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Мавзолеи Маджара в описаниях и рисунках XVIII в. // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2. 2012.

Зиливинская Э.Д., Капарулина О.А. Неизвестные рисунки маджарских мавзолеев из фондов Государственного Русского музея // Очерки средневековой археологии Кавказа. М., 2013.

Карабущенко П.Л. Астраханская губерния и ее губернаторы в свете культурно-исторических традиций XVIII–XIX столетий. Астрахань, 2011.

Кастанье И.А. Надгробные сооружения Киргизских степей // Труды ОУАК. 1911. Оренбург 1911. Вып. XXVI.

Кеппен Ф.П. Биография П.И. Кеппена // Известия отделения русского языка и словесности. СПб, 1911. Т. LXXXIX. № 5.

Книга Большому Чертежу. Ред. К.Н. Сербиной. М.;Л., 1950.

Кожа М. Монументальные древнетюркские сооружения Казахстана // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Алматы-Актобе, 2011.

Кузнецов В.А. Археологические данные о происхождении дигорских Баделят // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2012. Вып. I.

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч. 1.

Лебедев В.П., Павленко В.М. Монетное обращение золотоордынского города Маджар // Степи Европы в эпоху средневековья. Золотоордынское время. Донецк, 2008. Т. 6.

Маньковская Л.Ю. О типологии мемориального зодчества Средней Азии. Мавзолеи Фудины и Касби // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.

Маньковская Л.Ю. Мемориальное зодчество Средней Азии // Художественная культура Средней Азии IX–XIII вв. Ташкент, 1983.

Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Гумбиз Манаса. М., 1950.

Мендикулов М. Некоторые данные об истории архитектуры Казахстана // Известия АН Каз. ССРСР. Алма-Ата, 1950. Вып. 2. № 80.

Минаева Т.М. Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1953. Вып. 5.

Мухамадиев А.Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Нарожный Е.И. К изучению динамики Золотоордынского присутствия на Центральном Кавказе. Грозный, 1987.

Нарожный Е.И. К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья (по материалам мусульманских захоронений эпохи Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

Нарожный Е.И. В.Н. Татищев и золотоордынские памятники Северного Кавказа // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. (XXIII Крупновские чтения, 2004 г.). М., 2008.

Нарожный Е.И. Из истории изучения золотоордынских владений на Северном Кавказе // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 2011а. Вып. 2.

Нарожный Е.И. Из истории литографий с видом маджарских мавзолеев // Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов. Сборник материалов межрегиональной научной конференции. Пятигорск, 2011б.

Нарожная Ф.Б. О находках золотых делийских динаров на Маджарах (Ставропольский край) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып. I.

- Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шах-и Зинда. Ташкент, 1979.
- Нечаева Л.Г. О мавзолеях Северного Кавказа // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978.
- Обухов Ю.Д. Китайская монета с городища Маджары // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, антропология, палеоклиматология. М., 2001. Вып. II.
- Пальмов Н.Н. К Астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева // Известия Российской Академии наук. №№ 6–8, 1925.
- Пальмов Н.Н. К Астраханскому периоду жизни В.Н. Татищева // Известия Российской Академии наук. №№ 1–10, 1928.
- Пачкалов А.В. Новые клады монет Золотой Орды // Древности Поволжья и других регионов. Нумизматический сборник. Нижний Новгород, 2002. Вып. IV. Т. 3.
- Пачкалов А.В. Иноземные монеты на Маджарском городище // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа»). Тез. докл. Владикавказ, 2008.
- Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX–XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
- Полное собрание русских летописей. Софийская летопись. СПб, 1851. Т. V.
- Полное собрание русских летописей. Воскресенский список. СПб, 1856. Т. VII.
- Полное собрание русских летописей. Никоновская летопись. СПб, 1885. Т. X.
- Полное собрание учёных путешествий по России проф. Крашенинникова, Лепёхина и Фалька. Записки путешествия Академика Фалька. СПб., 1824. Т. 6.
- Попов Н. Татищев и его время. М., 1881.
- Прозрителев Г.Н. Маджары. Один из древнейших городов Северного Кавказа. Ставрополь, 1906.
- Прокопенко Ю.А. К вопросу о находках золотоордынских монет в Центральном Предкавказье // Из истории земли Ставропольской. Ставрополь, 1996.
- Пуначенкова Г.А. К проблеме возникновения шатровых мавзолеев Хорасана // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Вып. 1.
- Пуначенкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. М., 1958. Т. VI.
- Рубрук Г. Путешествия в восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монголов; Гийем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. М., 1997.
- Ртвеладзе Э.В. Крест энколпион из Маджар // СА. 1965. № 2.
- Ртвеладзе Э.В. Надпись Джанибек-хана на плите из Маджар // СА. 1970. № 3.
- Ртвеладзе Э.В. Новые данные о монетном чекане города Маджар // Нумизматический сборник ГИМ. М., 1971. Вып. III. Ч. IV.
- Ртвеладзе Э.В. Два динара Делийских султанов с городища Маджар // СА. 1972а. № 1.
- Ртвеладзе Э.В. К истории города Маджар // СА. 1972б. № 3.
- Ртвеладзе Э.В. Мавзолеи Маджара // СА. 1973. № 1.
- Ртвеладзе Э.В. Сфероконические сосуды из Маджар // СА. 1974. № 4.
- Ртвеладзе Э.В. Культура городов Центрального Предкавказья в золотоордынское время // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971–2006. (VII Крупновские чтения. Черкесск, 1977 год). М., 2008. Вып. VIII.
- Самашев З., Онгар А., Оралбай Е., Киясбек Г. Храм-святилище Кызылуийк. Астана, 2011.
- Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Арабские источники. СПб., 1884. Т. I.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Персидские источники. М.;Л., 1941. Т. II.

Усейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А.В. История архитектуры Азербайджана. М., 1963.

Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. 1963. Т. V.

Федоров-Давыдов Г.А. Две заметки по золотордынской нумизматике // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

Фиркович А.С. Археологические разведки на Кавказе // ТВОАО. СПб., 1858. Ч. III.

Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Берлин-Рига, 1996. Ч. I.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.;Л., 1966.

Шестаков П.Д., Напоминание о древнем городе Маджаре // Труды IV археологического съезда. Казань, 1884. Т. 1.

Яблонский Л.Т. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии (монголы в средневековых городах Поволжья // Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы (Герсимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т.). М., 1987.

Baer K.E. Eine alte Abbildung der Ruinen von Madshar // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens. SPb., 1839. B. III.

Besse J.Ch. De. Voyage en Crimée, au Caucase, en Georgie, etc., en 1829 et 1830. P., 1838.

Gmelin G.S. Reise durch Russland zur Untersuchung der drei Natur-Reiche / SPb., 1774. T. 4.

Güldenstädt I. Reisen durch Russland und im caucasischen Gebirge. S.-Pb., 1791. B. II.

Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York, 1994.

Lerche J.J. Lebens- und Reise- Geschichte von ihm selbst geschrieben, und mit den Anmerkungen und Zufäßen herausgegeben von D. Anton Friedrich Büsching. Halle, 1791.

Magazin für die neue Historie und Geographie angelegt von Dr. Anton Friedrich Büsching. Hamburg, 1771.

Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaaten des Russischen Reiches in den Jahren 1793–1794. Leipzig, 1799. B. I.

Potocki J. Voyage dans les steps d'Astrakhan et die Caucase. P., 1829. V. 2.

Stierlin H. Turkey from the Selcuks to the Ottomans. Köln, 1998.

Stierlin H. Persian Art & Architecture. New York, 2012.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Белинский А.Б., Зиливинская Э.Д., Бабенко В.А. Отчет об археологических работах на городище Маджары Ставропольского края в 1989–1990 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15207.

Зиливинская Э.Д., Смирнова Л.И. Отчет об археологических работах на городище Маджары Ставропольского края в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17234, 17235.

Зиливинская Э.Д., Отчет о раскопках на городище Маджары в Ставропольском крае в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18519, 18520.

Зиливинская Э.Д., Отчет о раскопках на городище Маджары в Ставропольском крае в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19139, 19140.

Зиливинская Э.Д., Отчет о раскопках на городище Маджары в Ставропольском крае в 1996 г. // Архив ИА РАН. М., 1996. Р-1. № 21636, 21637.

Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках на городище Маджары в Ставропольском крае в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22244, 22245.

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Иванов М.М. Дорога от Егорьевской крепости к Мажарам. Отдел рисунка ГРМ. Р-30009.

Иванов М.М. Мажарские древности. Отдел рисунка ГРМ. Р-30010.

Иванов М.М. Древние развалины. Отдел рисунка ГРМ. Р-30011.

Иванов М.М. Река Байвал. Отдел рисунка ГРМ. Р-30012.

Рисунок развалин старого города Маджара, находящегося при впадении р. Буйволы в Куму. Автор Мих. Некрасов, 1742 г. (ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 760).

План остатков г. Маджара с ситуацией. Автор А. Голохвостов, 1742 г. (ОР БАН. Собр. карт. Оп. осн. № 868).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН – Библиотека Академии наук. Санкт-Петербург.

ГРМ – Государственный Русский музей. Санкт-Петербург.

ГТР – Государственная Третьяковская галерея. Москва.

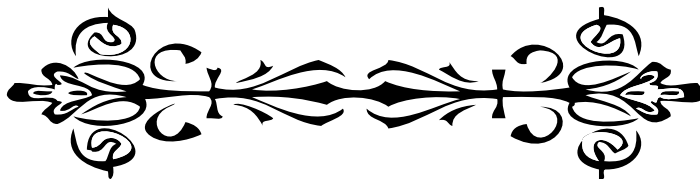
ОУАК – Оренбургская ученая архивная комиссия. Оренбург.

ПСУП – Полное собрание ученых путешествий по России

СА – Советская археология. Москва.

ТВОАО – Труды Восточного отделения Императорского археологического общества.

ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад.

НИЖНИЙ ДЖУЛАТ

Географическое положение памятника и история его изучения

Городище Нижний Джулат расположено на стыке плоскостной и предгорной зон в северной части Кабардино-Балкарии, в 2 км восточнее г. Майский, на высоком правом берегу р. Терек. Остатки наиболее значительных строений древнего города сохранялись до начала XIX в. В 1807 г. руины посетил академик Юлиус фон Клапрот и оставил их описание (Klaproth J., 1812–1814. В. I. S. 430, 539, В. II. S. 359–362). Эти записки, хотя и довольно краткие, представляют собой единственное свидетельство очевидца, заставшего город еще не окончательно разрушенным. Ко времени посещения Ю. Клапротом Джулата, здесь сохранились руины мечети и минарета. Стены мечети прослеживались на уровне фундамента, длина их составляла 30 шагов, а ширина 25 шагов. У северной стены находились сводчатые ворота высотой 14 футов, шириной и длиной 10 футов. То есть, судя по описанию, мечеть имела большой портал с глубокой арочной нишей. К этой же северной стене был пристроен минарет, высота которого составляла 40 шагов. Круглая башня минарета стояла на пьедестале шириной 10 шагов и высотой 14 шагов. Цилиндрический ствол минарета также имел 10 шагов в диаметре. Внутри башни имелась винтовая лестница с 55 ступенями, которые вели на вершину. Внутреннее помещение минарета соединялось с залом мечети с помощью двери, проделанной в южной стене. Минарет был сложен из обожженного кирпича, скрепленного известковым раствором.

Все эти развалины находились в юго-восточном углу квадратной возвышенности, каждая сторона которой составляла 200 шагов. Восточная сторона возвышенности ограничена руслом Терека, и южная ее сторона представляют собой крутые обрывистые склоны. Остальные две стороны более пологие, они плавно переходят в равнину. Вся поверхность возвышенности покрыта многочисленными могилами, которые, впрочем, гораздо моложе, чем мечеть. Точная дата возникновения этого некрополя не известна, однако его можно связать с ногайцами. Одна из ногайских орд находилась в вассальной зависимости от князей Малой Кабарды и население ее проживало на данной территории. Ю. Клапрот нашел два надгробия с сохранившимися арабскими надписями, которые он прочитал и перевел. Погребения датируются 1130 и 1133 гг. Хиджры, что соответствует 1717 и 1721 гг. (Klaproth J., 1812–1814. В. II. S. 362). Также исследователь отмечает, что при сооружении надгробий были использованы обожженные кирпичи, взятые из стен разрушенной мечети.

Джулат упоминается в «Дербент-наме» как одно из поселений, находящихся под властью хазарского кагана (Дербент-наме..., 2012. С. 301). На основании этого Ю. Клапрот считал, что город существовал уже во втором веке

Хиджры и имел своего градоначальника (Klaproth J., 1812–1814. В. II. S. 359). Ю. Клапрот также приводит данные персидских авторов о военных действиях между армиями Тимура и Тохтамыш-хана в 1397 г. Местность Джулад упоминается в «Книге побед» Низам-ад-Дина Шами и Шереф-ад-Дина Йезди (Тизенгаузен, 1941. С. 119, 175–176).

Шереф-ад-Дин Йезди так описывает этот эпизод: «Когда Тимур со всем своим войском прибыл в местность Тарки и расположился там лагерем, до сведения его довели, что авангард Тохтамыш-хана (под начальством) Казанчия остановился на реке Хой. Тимур лично с отборным войском ночью отправился в поход и утром, как ветер переправившись через реку, напал на них, ударами сверкающего меча истреблял презренных врагов, обагрил поверхность степи и равнины кровью неприятелей и зеленью меча заставил на побеге счастья распускаться бутон победы. Оттуда мирозавоеватель с победоносным своим двинулся дальше и, придя на берег реки Сундж, остановился, а Тохтамыш-хан, собрав свое войско на берегу реки Терека и выставив вперед туры, арбы... укрепил свою позицию и приготовился к бою. Тимур, выстроив войско в боевой порядок, подошел и, благодаря (своему) непоколебимому счастью и мощи (своего) войска, напустил поток страха и ужаса в жилище стойкости и самообладания Тохтамыш-хана; он (последний) не мог устоять, так что войско его, бросив (заградительные) окопные щиты (чапар) обратясь в бегство, отступило. Тимур с войском, найдя брод, перешел через реку Терек, а Тохтамыш-хан, дойдя до реки Курай остановился и занялся собиранием остатка своего войска. Так как у Тимурова войска оставалось мало продовольствия, то Тимур пошел вдоль берега реки в область Джулат, чтобы воины запаслись провизией из тамошних зерновых продуктов и в спокойном состоянии мужественно занялись уничтожением неприятелей» (Тизенгаузен, 1941. С. 175–176). Ю. Клапрот первым связал область Джулат письменных источников с городищем Нижний Джулат.

Остальные исследователи опирались, в основном, на данные, почерпнутые из сочинений Ю. Клапрота. Г. Кокиев провел интересный сравнительный анализ Нижнего Джулата и Татартупа (Верхнего Джулата), основываясь на трудах Ю. Клапрота, и И.А. Гюльденштедта, разнообразных письменных источниках, этнографических материалах и фольклорных источниках (Кокиев Г., 1929). Сравнив описания мечетей и минаретов Нижнего Джулата из записок Ю. Клапрота и Верхнего Джулата из сочинений И.А. Гюльденштедта, исследователь пришел к совершенно правильному выводу об одновременности этих построек и принадлежности их к одной культуре. В золотоордынское время оба этих города играли важную роль в политической и экономической жизни Кавказского региона. Причем, по мнению Г. Кокиева Джулатом назывался город в предгорьях Эльбруса. Однако, после распада Золотой Орды большую известность у народов Кавказа получил Татартуп, о котором сохранились многочисленные сказания, легенды и даже песни. Именно в это время он также стал называться Джулатом. Г. Кокиев объясняет это тем, что Татартуп расположен в узком проходе, который соединяет Восточный Кавказ с Западным. Именно здесь во все времена проходили основные торговые пути. В XVIII в. осетины и другие горские народы через этот проход осуществляли торговлю с русским населением Кизляра и Моздока, что нашло отражение на картах этого времени. Автор пишет: «Что же касается Джулата, отмеченного на карте Вонявина недалеко от впадения реки Малки в Терек, то он оставался в стороне влево, на значительном расстоянии от главной татартупской магистрали, по которой проходили торговые и другие сношения

горцев с тогдашними русскими городами. Вот почему, на мой взгляд, Татартуп и пользуется такой известностью среди горцев Северного Кавказа и памятен до сих пор народу, веками слагавшему о нем легенды, действительно, «одна другой красочней и фантастичней», а настоящий древний Джулата, в свое время сыгравший, быть может, не менее важную роль в истории Кавказа, основательно стерт с народной памяти, и только одно его название, перешедшее с течением времени к татартупскому минарету, еще напоминает о нем (Кокиев Г., 1929. С. 211–212).

А.А. Иессен считал Нижний Джулат крупнейшим средневековым памятником Кабардино-Балкарии: «Это городище расположено на правом берегу Терека против станции Котляревской и представляет собой остатки древнего города Джулата, известного по победе Тимура над Тохтамышем в 1397 г. Городище это, только бегло описанное Клапротом, дало ряд находок эпохи монгольского господства на Северном Кавказе, хранящихся теперь в Нальчикском музее. Расположенный на торговом пути в Грузию, Джулат, вероятно, играл значительную роль в жизни центральной части Северного Кавказа наряду с другими городами того времени, как Татартуп (в Осетии, на границе Кабардино-Балкарии, у сел. Эльхотово) и как крупнейший центр Маджары на Куме», – писал исследователь (Иессен А.А., 1941. С. 30).

Небольшие раскопки провел на городище в 1947 г. Е.И. Крупнов (Крупнов Е.И., 1947). Он заложил стратиграфический раскоп на цитадели, который показал, что жизнь на памятнике развивалась непрерывно. Также было обследовано основание минарета, который Е.И. Крупнов принял за сторожевую башню. При этом исследователь отметил сходство этой постройки с Татартупским минаретом.

Стационарные масштабные раскопки памятника были начаты только в 60-е годы экспедицией Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Раскопки 1962–1963 гг. под руководством Г.И. Йоне проводились на цитадели городища и затронули преимущественно самые поздние слои существования города (Йоне, 1962; 1963). В эти годы была раскопана большая соборная мечеть, подземный склеп-мавзолей и грунтовый могильник, возникший на месте мечети после ее разрушения. Раскопки были продолжены в 1966–1967 гг. экспедицией под руководством И.М. Чеченова (Чеченов, 1966; 1967; 1968; 1969). Раскопки, заложенные в цитадели, средней, укрепленной части городища, в районе рва и вала дали необычайно обильный и разнообразный материал, свидетельствующий об интенсивной и разносторонней деятельности на городище в течение полутора тысяч лет (от I в. до н.э. до XIV в.). Тогда же началось исследование могильника, которое продолжалось в течение четырех сезонов. В результате этих работ была окончательно прояснена хронология памятника, выявлены периоды его существования и структура.

Одним из основных факторов, способствовавших интенсивному развитию и росту Нижнего Джулата, явилось его чрезвычайно выгодное географическое положение близ места скрещения важнейших военно-торговых путей с запада на восток (от Азовского и Черного морей к Дербентскому проходу) и с севера на юг (из Юго-Восточной Европы через Дарьял в Закавказье). Наряду с этими магистральными путями Нижний Джулат был удобно расположен и относительно дорог местного значения. Городище находится недалеко от известного урочища Беш-Тамак («Пять устьев»), где сходятся веером несколько притоков Терека, на берегах которых цепью расположены многочисленные средневековые городища. По долинам этих речных притоков Нижний Джулат мог легко связываться почти со всеми синхронными поселениями

Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. И, наконец, вокруг Нижнего Джулата простираются обширные плодородные поля и заливные (пойменные) пастбища, благоприятствующие развитию земледелия и скотоводства.

По планировке и топографии Нижний Джулат явно сближается с другими типичными для раннего средневековья «земляными» городищами бассейна р. Терек, которые состоят из нескольких частей: цитадели (арк), укрепленной части (шахристан) и открытого торгово-ремесленного пригорода (рабата). Такая сложная планировка городища, соответствовавшая, в известной мере, социальной структуре общества, складывалась на протяжении весьма длительного времени в определенной хронологической последовательности. Первоначально, а именно, в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э., была заселена территория цитадели, что связывается с процессом перехода части позднесарматских племен к прочной оседлой жизни еще в догуннский период. Этот важнейший процесс, который может быть прослежен также и по материалам ряда других многослойных городищ правобережья Терека (Терекское, Хамидиевское, Киевское, Октябрьское, Алхан-Калинское и пр.), по всей вероятности, был ускорен у сарматских племен под воздействием древних оседло-земледельческих традиций автохтонного населения края. В начальных этапах развития, на протяжении многих веков, площадь Нижнего Джулата соответствовала территории цитадели.

В домонгольский период (X–XII вв.) по мере увеличения численности населения, вызванного как естественными, так и миграционными процессами, стали заселяться площади, прилегающие к цитадели, и городище получило трехчастную структуру. Обороноспособность цитадели, расположенной на плато возвышенности, находящейся на 30–35 м над уровнем Терека, была усилена мощным искусственным рвом и земляным валом. Плотная заселенная территория к востоку и югу от цитадели была защищена лишь относительно неглубоким рвом, а прилегающее к ней поселение вообще не имело каких-либо фортификационных сооружений. Такие особенности планировки города могут свидетельствовать не только о росте его населения, но и об усложнении внутренней структуры общества.

Особенно бурно разрастался и развивался Нижний Джулат в золотоордынское время. По своей структуре он существенно отличается от типичных золотоордынских городов, которые вырастали на участках, где не было оседлого населения в течение короткого срока в результате градостроительной деятельности татаро-монгольских ханов. Таковы все степные городища Поволжья и других районов Дешт-и-Кипчак. На Северном Кавказе примером такого города, возникшего на пустом месте, раскинувшегося на огромной площади и лишенного каких-либо укреплений, является Маджар. По своей планировке и топографии Нижний Джулат заметно отличается от Верхнего Джулата (Татартупа), также необычайно разросшегося в золотоордынский период, но уже не на основе крупного аланского городища со сложной планировкой, а на месте относительно небольшого поселения. В процессе раскопок Нижнего Джулата наглядно прослеживалось, что в конце XIII–XIV вв. религиозным, а возможно, и административным центром стала территория цитадели, дополнительно укрепленная мощной стеной из сырцового кирпича, а ремесленное производство сосредоточилось на прилегающей укрепленной части.

В конце XIII–XIV вв. Нижний Джулат являлся крупным городским центром богатого района, где располагались и другие населенные пункты, такие как Татартуп, городища Хамидиевское, Терекское и др. Именно этот район

следует отождествлять с «областью Джулат» персидских источников, где в 1395 г. 200-тысячная армия Тамерлана «запаслась провизией из тамошних зерновых продуктов» (Тизенгаузен В.Г., 1941. С. 119, 175).

Структура городища

Плато правого берега Терека, на котором расположен памятник, имеет форму неправильного овала, вытянутого по направлению юго-юго-восток – северо-северо-запад (рис. 1). С севера и запада плато ограничено обрывистыми склонами. У основания этих сторон в результате разрушения и осыпи образовались скопления культурного слоя, которые окаймляют наиболее высокую часть. Поверхность их покрыта густыми зарослями кустарника, переплетенного вьющимися растениями. Верхняя обрывистая часть склона обнажена до материка, представляющего собой аллювиальный массив, сложенный из охристых и желтых речных глин с прослойками и вкраплениями желтого речного песка. Плато с этих сторон возвышается над уровнем Терека на 30–35 м. Восточный склон менее крутой, чем северный и западный склоны. Верхняя его часть высотой от уровня плато до его условного основания около 10 м. имеет уклон 60–65°. Ниже пологий склон постепенно понижается и, на расстоянии 100 м от плато сливается с равниной. На этой части склона, примерно в 20–30 м от основания верхней крутой части, возвышаются два искусственных земляных вала высотой 2–2,5 м. Они начинаются на линии северного склона и тянутся вдоль, по восточному склону. Длина их сохранившейся частей около 50–70 м. Южная часть плато почти ровная. Она тянется на несколько километров и сливается с предгорной равниной, завершающейся грядой невысоких гор Кабардинского хребта, опоясывающих эту равнину с юга и востока.

Поселение разделено на три части двумя искусственными рвами, пересекающими плато поперек по оси 3-В почти на одинаковом расстоянии друг от друга. Рвы в сечении трапециевидные. Они имеют глубину 10–12 м и ширину на уровне плато 25–30 м и на уровне дна – 8–10 м. Наиболее высокая северная часть поселения, отделенная рвом от средней и южной частей, имеет длину 158 м по оси С-Ю и ширину 126 м по оси 3-В. Эта часть представляет собой цитадель городища (рис. 2). Она была огорожена валами, остатки которых сохранились до нашего времени. Высота их до 3-х м. Они отчетливо прослеживаются вдоль восточного среза плато и южного рва. Возможно, валы ограждали цитадель с северной и западной сторон, но здесь склоны неоднократно обваливались, и никаких следов ограждения не сохранилось. Поверхность цитадели пересечена ямами, траншеями, рвами, которые были оставлены кладоискателями и добытчиками кирпича и камня, а также военными.

В годы Великой Отечественной войны цитадель долгое время занимали воинские подразделения, как наиболее выдающуюся и господствующую над местностью высоту. Массив, на котором находятся остатки поселения, является единственной возвышенностью, господствующей над равниной при-терекской низменности. С него хорошо просматривается лежащая вокруг местность. Воинские подразделения, занимавшие высоту, во многих местах оставили следы своего пребывания на ней в виде траншей и брустверов.

В результате многочисленных земляных работ, произведенных в прошлом, культурный слой цитадели был сильно нарушен, что во многом затрудняло исследования.

Средняя часть поселения (шахристан), ограниченная с двух сторон рвами, имела длину 160 м и ширину 128 м. Следов явных укреплений на ней не обнаружено. Поверхность этой части ровная. Здесь располагались жилища рядового населения города (рис. 3).

Третья, южная часть также не имеет укреплений. Она занята обширным могильником площадью в несколько гектаров.

Основные раскопки, давшие наиболее интересные результаты, были проведены на цитадели городища. Стратиграфический раскоп показал, что общая мощность культурного слоя достигает здесь 3,5 м.

Анализ археологического материала, найденного в мощных культурных напластованиях цитадели, свидетельствует о непрерывной и довольно интенсивной жизни на Нижнем Джулате в продолжение очень длительного времени – с I–II вв. до XIV в. н.э. Этот широкий хронологический диапазон городища подкрепляется и материалами раскопок Нижнеджулатского могильника. Он содержит могилы с различным обрядом захоронения (грунтовые могилы, катакомбы и могилы с саманными стенками), в целом датируемые в пределах от последних веков до н.э., по золотоордынское время включительно.

В раскопах были найдены жилища и хозяйственные комплексы, но все они были в значительной степени нарушены большим количеством хозяйственных ям, вырытых на различной глубине, включая и материк. Перемешанность культурных напластований затрудняла выделение строительных горизонтов и соотнесение их с археологическим материалом. Тем не менее, достаточно уверенно можно утверждать, что мощность золотоордынского слоя XIII–XIV вв. составляет около 1 м.

Стратиграфия различных частей городища

Раскопы заложенные в различных частях городища, позволили выявить его стратиграфию. Наибольшей мощности культурные напластования достигали на территории цитадели. Глубина их составляла 3,5–3,7 м (рис. 4). Самые ранние слои цитадели датируются II–I до н.э. Далее следуют непрерывные горизонты вплоть до предмонгольского времени.

Что касается золотоордынского периода, то он хорошо выделяется по керамическому комплексу. На цитадели фрагменты золотоордынской керамики (I типа) во все уменьшающемся количестве встречаются до 5 штыка. В 6 штыке присутствует минимальное количество, глубже не найдено ни одного черепка. Этот факт, наряду с другими данными (куски квадратного жженого кирпича конца XIII–XIV вв., из которого были сооружены Нижнеджулатская и Татартупская мечети, куски сырца, также найденные в этих штыках), дает достаточные основания для датировки горизонта 5–6 штыков периодом первого появления керамики I типа на Нижнем Джулате, то есть – второй половиной XIII в. К этому же времени относятся и жилые комплексы 5–6 штыков (остатки глинобитных стен, полов, многочисленные зерновые ямы и др.) с явными следами разрушений и признаками внезапного прекращения жизни (следы воздействия огня на остатках жилищ и отдельных предметах, полуобгорелые куски дерева и многое другое). Если количество находок соответствует интенсивности жизни на поселении, то таким периодом является именно горизонт 5–6 штыков. Здесь было найдено самое большое количество хозяйственных ям, а также фрагментов керамики и костей животных.

Таким образом, имеются достаточные основания предполагать, что во второй половине XIII в., то есть в период наиболее интенсивной жизни на цитадели Нижнего Джулата, она подверглась каким-то сильным разрушениям. К сожалению, абсолютную дату этого события пока установить не удалось. После этого погрома жизнь на цитадели Нижнего Джулата возобновилась (каменные выкладки, довольно обильное содержание керамики и костей животных в 3–4 штыхах и пр.), но не в такой интенсивной форме. К XIV в. цитадель утратила свои производственно-бытовые функции и, по-видимому, превратилась в административно-религиозный центр.

Мощность культурных напластований шахристана составляет от 60 до 140 см (рис. 5). В стратиграфическом распределении керамики, по мере углубления раскопов прослеживается определенная закономерность – это явная тенденция к увеличению абсолютного и относительного количества фрагментов II группы (домонгольской) и уменьшению I группы (золотоордынской). Весь археологический материал, в том числе и керамика II группы, найдены в золотоордынском слое посада. Но многочисленность и особенности стратиграфического распределения фрагментов керамики II группы, а также характер этой керамики свидетельствуют о том, что территория посада начала заселяться еще в предмонгольское время (XI–XII вв.) Следует полагать, что незначительный культурный слой позднеаланского времени был почти полностью снесен и перемешан в ходе интенсивной строительной деятельности в золотоордынское время. На этом основании наиболее вероятные хронологические рамки жизни на шахристане определяются с XI–XII вв. до конца XIV – начала XV в.

Вал цитадели

На цитадели Нижнего Джулата был исследован вал, расположенный вдоль мощного рва-прохода, который с юга отграничивает цитадель от «шахристана». На склоне этого рва-прохода со стороны цитадели имеется лощина, которая представляла древний въезд на цитадель. Насыпь вала огибает проем лощины-въезда, это свидетельствует о том, что после сооружения вала ранее существовавший здесь въезд на цитадель был закрыт. С северной (внутренней) стороны, то есть со стороны цитадели уровень основания вала ниже уровня современной поверхности цитадели, что указывает на наличие вдоль вала небольшого рва и с этой стороны. Современная высота вала 1,2–1,5 м, ширина у основания – около 7 м. Вал был зачищен на протяжении 15 м.

Вал до уровня современного горизонта цитадели был перерезан двумя поперечными траншеями, проложенными на расстоянии 15 м друг от друга, под прямым углом к продольной оси вала. В результате был получен профиль вала, который имел сложное строение (рис. 6). Северный склон вала до уровня современной поверхности цитадели состоял в основном из мягкой насыпной земли серого цвета. Под ней прослежена плотно утрамбованная площадка. Здесь отмечены значительные скопления красноглиняной золотоордынской керамики и сероглиняной керамики более раннего периода, а также булыжников и обломков квадратного кирпича.

Южная (внешняя) сторона вала имеет довольно сложную конструкцию: в верхней части, сразу под глиняной обмазкой продолжается кладка из сырцового кирпича в 7 слоев, высотой 60 см (во II траншее отмечено 9 слоев сырца, высотой 90 см). С северной стороны стена вертикально отвесная и состоит

из 5–9 слоев сырца. С внешней стороны, после каждого нового слоя сырцовой кладки, толщина стены со 2–3-го снизу ряда до верха стены уменьшается в ширину наполовину кирпича; в результате с этой стороны образовался склон под углом около 45° (т.н. верхняя наклонная плоскость сырцовой стены). Ширина стены у основания – 90 см, а размеры верхней наклонной плоскости – 80–120 см. Неровности скошенной части стены заполнены глиной и сверху обмазаны глиняной штукатуркой.

На наш взгляд, такая конструкция стены, не отражаясь на ее прочности, облегчала, во-первых, обстрел приблизившейся к ней цели, во-вторых, обеспечивая лучший сток дождевой воды, увеличивала ее долговечность. Сырцовые кирпичи в 1-м (верхнем) ряду выложены поперек оси вала, а в остальных рядах длинная сторона кирпича совпадала с направлением стены. При кладке соблюдалась связка, то есть средняя часть сырца верхнего ряда совпадала с местом стыка кирпичей последующего ряда. Связывающий материал – глина. Кирпичи имели прямоугольную форму. Их длина составляла от 33 до 38 см, ширина – 20 см, толщина – 7 см. С нижней стороны сырцов имелись продольные или диагональные желобки для усиления сцепления при кладке (рис. 7).

В траншее под стеной из сырца вглубь следовала насыпная глина земляного вала. Высота его колеблется от 90 до 110 см. Здесь до основания вала довольно четко прослеживаются следующие четыре слоя:

I слой под стеной представлял собой площадку утрамбованной глины, шириной около 2 м и толщиной 10–15 см. К северу от стены на этой площадке отмечено скопление значительного количества булыжника, который прерывистым слоем покрывал всю площадку до основания сырцовой кладки.

В южной части траншеи толщина площадки резко увеличивалась, образуя, таким образом, вдоль основания стены глинобитную бровку высотой до 30 см. Внутри этой бровки зарегистрированы остатки полуобгорелых бревен, которые продолжались вглубь стены траншеи. С этой же стороны площадка была ограничена прерывистой выкладкой из булыжника. В толще утрамбованной площадки найдено несколько фрагментов золотоордынской керамики и небольшой обломок сосуда с зеленой поливой.

II слой находился под отмеченной утрамбованной площадкой. Он представлял собой слой довольно мягкой желтой глины, по всем признакам насыпной. Ширина участка, где прослеживалась такая глина, – 270 см. Толщина в центральной части – до 35 см. Уровень нижнего горизонта II слоя соответствует уровню дневной поверхности цитадели.

III слой был прослежен на участке шириной более 280 см. Он состоял из тонкой (до 10 см) прослойки сильно гуммированного грунта темно серого цвета древней погребенной почвы.

IV слой представлял собой слабо гуммированный в верхнем горизонте суглинистый грунт серого цвета. Он прослеживался на площади шириной около 4 м. Толщина его до 50 см. Уровень нижнего горизонта IV слоя соответствует уровню основания вала.

Особенностью IV слоя является довольно резкое увеличение количества находок (керамики, костей животных). При этом количество фрагментов золотоордынской красноглиняной керамики по сравнению с сероглиняной и черноглиняной керамикой заметно уменьшается, в то время как в предыдущих слоях фрагменты керамики этого типа составляли значительный процент (30–40%). Вероятно, IV слой относится к самому началу золотоордынского периода, то есть ко второй половине XIII в.

V слой представляет собой аналогичный плотный глинистый грунт серого цвета, толщиной до 150 см, аналогичен грунту культурных напластований цитадели. В слое, на глубине 90–100 см от уровня основания вала, выявлены остатки двух глинобитных стен и значительные скопления пережженной земли, турлучной обмазки, золы и углей, а на глубине 130–150 см – остатки глинобитных полов и колоколовидная зерновая яма. В слое содержалось большое количество находок. Следует отметить, что фрагментов золотоордынской керамики здесь не найдено, то есть он является домонгольским.

Таким образом, к золотоордынскому периоду, безусловно, относятся I и II слои, которые лежат на слое погребенного дерна (III).

По-видимому, верхний горизонт IV слоя следует датировать периодом первого появления керамики I типа (второй половиной XIII в.), то есть, хронологически он связывается с горизонтом 5–6 штыков стратиграфического раскопа цитадели. Следовательно, земляной вал начали сооружать не раньше второй половины XIII в., а сырцовую стену над ним еще позже.

В нижнем горизонте этого слоя обнаружена прослойка пережженной земли и золы толщиной 5–7 см, после зачистки которой, появились остатки глинобитного пола и небольшая зерновая яма колоколовидной формы. Вероятно, это остатки жилища домонгольского или раннемонгольского периода.

После тщательного изучения профилей вала, наряду с продолжением раскопок в I траншее, одновременно производилась и расчистка сырцовой стены на участке между траншеями в продольном направлении (рис. 8–9). При этом выяснилось, что верхняя часть северного склона вала состоит из мягкой насыпной земли темно-серого цвета, а нижняя, до уровня основания стены, представляла завал из битых и целых квадратных кирпичей и булыжника (рис. 10). Здесь же найдено значительное количество красноглиняной керамики золотоордынского времени.

Под отмеченным завалом из кирпичей и булыжника следовала земляная засыпь вала. На уровне основания вала, во всем раскопанном к северу от него участке, зачищена плотно утрамбованная площадка, на которой появились круглые контуры от ям от столбов.

Следует полагать, что две ямы, судя по их расположению и размерам, представляют следы от деревянных кольев, предназначенных для увеличения прочности всего вала. Что касается остальных ям, то их размеры указывают, что в них были врыты толстые и, по-видимому, высокие столбы. Кроме того, две из них расположены не у основания сырцовой стены. Это вызывает сомнение в том, что столбы в них могли быть установлены с той целью, что и в первых двух ямах. Скорее всего, сооружением, связанным с этими ямами, являлась сторожевая наблюдательная вышка.

Вдоль южной (внешней) стороны вала, на расстоянии 50–70 см от основания сырцовой стены, выявлена глинобитная бровка шириной 20–30 см и высотой до 20–25 см. Между ней и стеной обнаружены многочисленные остатки полубогорелых, по всем признакам, тесаных бревен, выложенных также вдоль всего вала в 1–2 наката. Они, наряду с глинобитной бровкой, очевидно, предохраняли основание вала от оползней и разрушений. Здесь же зарегистрировано большое количество древесного угля от горевших бревен, пережженной земли и золы. По всей вероятности, этот пожар и срытие вала является следствием одного и того же события. Вызывает недоумение лишь то, что при наличии таких очевидных фактов разрушений, на сырцовой стене были отмечены лишь небольшие повреждения – два небольших перерыва в кладке.

Любопытна и другая особенность: в тех участках стены, где кладка состояла из меньшего числа слоев сырца, высота последующей земляной насыпи больше, и наоборот. В результате этого верхняя часть стены почти на всем протяжении имеет одинаковый уровень. Это косвенно свидетельствует о том, что сырцовая стена сооружалась на существующем прежде земляном валу, а не на специально для этого насыпанном. Стена была воздвигнута на старом разрушенном и заброшенном земляном валу домонгольского времени (рис. 11).

К сожалению, точно датировать все периоды возникновения и существования укреплений Нижнего Джулата не представляется возможным. Тем не менее, проведенные исследования позволяют сделать некоторые выводы:

1. В домонгольский период цитадель городища была окружена рвом и земляным валом, укрепленным деревянными конструкциями.

2. Затем земляной вал был частично срыт, а деревянные конструкции сожжены. Эти разрушения, скорее всего, можно связать с монгольским завоеванием. Хорошо известно, что монголы стремились уничтожить укрепления в завоеванных городах, а новые золотоордынские города возводили без каких-либо укреплений (Егоров, 1973; 1985; 2000. С. 267; Федоров-Давыдов, 1981. С. 232, 234; 1994. С. 12–16).

3. Далее следует период запустения вала, когда на нем появляется слой дерна (слой III).

4. Затем, на задернованной поверхности делается новая земляная насыпь (слой II), поверхность ее утрамбовывается (слой I), и на ней возводится сырцовая стена. Когда это произошло, точно определить невозможно. Судя по тому, что в основании сырцовой стены найдено большое количество золотоордынской керамики и обломки обожженных кирпичей, можно предположить, что возведение сырцовой стены относится к периоду развитого золотоордынского города, то есть к середине XIV в. Ранее было высказано предположение, что сооружение сырцовой стены по времени должно совпадать с возведением нижнеджулатской мечети в первой четверти XIV в., то есть в период правления хана Узбека, когда строительная деятельность Золотой Орды находилась в расцвете (Чеченов, 1966. С. 223, 225). Однако, это время является периодом наивысшего расцвета Золотой Орды, когда ее городам не угрожала никакая опасность. В городах Нижнего Поволжья валы и рвы появляются во время «великой замятни», то есть в 60–70-е гг. XIV в. (Федоров-Давыдов, 1981. С. 234; Егоров, 1985. С. 110, 113). Вероятнее всего, укрепления золотоордынского Нижнего Джулата также относятся к этому времени.

5. На последнем этапе вал был частично разрушен. Скорее всего, это произошло в самый поздний период жизни на Нижнем Джулате.

Мечеть

Также на цитадели было раскопано здание большой пятничной мечети (Чеченов, Зиливинская, 1999). Раскоп, на котором были обнаружены остатки мечети, был заложен в юго-восточном углу цитадели. Здесь прослеживались руины прямоугольного в плане сооружения из обожженного кирпича, возвышавшегося на 1,5–2,0 м над уровнем дневной поверхности. Первоначально предполагалось, что это сооружение является нижней частью сторожевой башни, тем более что оно было расположено вблизи углового стыка валов цитадели. Раскопки показали, что здесь находился минарет большой мечети, пристроенный вплотную к ее стене.

Сама мечеть была сильно разрушена. Вся площадь раскопа была покрыта заплывшими ямами, оставленными добытчиками кирпича, и траншеями военного времени. Поверхность раскопа была покрыта перемешанными слоями земли, насыщенными обломками кирпичей, известкового раствора, штукатурки. Под этим слоем перекопа, на глубине 1,5 м, находились остатки мечети.

Здание представляло собой прямоугольник, ориентированный длинной осью по направлению С-Ю с небольшим (10 градусов) отклонением к востоку (рис. 12). Стены его были сложены из обожженных кирпичей размерами 25 x 25 x 5 см и 27 x 25 x 5 см. Кладка стен покоилась на массивном фундаменте из каменных плит и булыжника. Вход в мечеть находился в северной ее стене. Он вел в обширный зал, разделенный на пять нефов четырьмя рядами колонн. От колонн сохранились каменные базы усеченно конической и цилиндрической формы. Пол зала был вымощен обожженным кирпичом, положенным на известковом растворе. Южная стена, в которой, очевидно, была сделана михрабная ниша, отсутствовала. Поэтому внутренние размеры зала мечети можно вычислить лишь приблизительно: они составляли 17,65 x 25,7 м. Эти цифры примерно соответствуют данным Ю. Клапрота, по измерениям которого длина здания составляла 30 шагов, а ширина – 25 шагов (Klaproth J., 1812–1814. В. II. S. 361).

К восточному отрезку северной стены снаружи был пристроен минарет, который через проход в стене соединялся с молельным залом (рис. 13). Восточная стена мечети имела длину 27,6 м. Она была сложена из обожженных кирпичей и имела ширину 90 см. Лучше всего кирпичная кладка сохранилась в юго-восточной части стены. Участок ее длиной 3,75 м состоял из 6–8 слоев и имел высоту 50–60 см. Кладка на известковом растворе в перевязку, с толстыми (1,5–3,0 см) швами. Кирпичная стена была поставлена на фундамент, который имел двухслойное строение. Верхний слой кладки фундамента состоял из отесанных прямоугольных каменных плит, установленных вертикально на торец и подогнанных вплотную друг к другу без связующего раствора. Размеры плит от 30 x 25 x 40 см до 40 x 55 x 65 см. Блоки были вытесаны из естественной породы речного отложения, выходы которой были обнаружены в 4–5 км южнее городища. Каменная кладка лежала на слое забутовки, состоявшем из беспорядочно положенных всухую необработанных камней такого же состава. Западная стена мечети также была длиной 27,6 м. На всю длину прослеживался только ее фундамент, который был заглублен в землю на 85 см. Нижний слой его состоял из нетесаных каменных плит породы речного отложения. Выше следовало семь слоев кладки из булыжников разных размеров, уложенных кладкой «в елочку» на известковом растворе. На фундамент была положена кирпичная кладка стены шириной 90 см. Лучше всего, на высоту 4-х слоев кладки (25–27 см), она сохранилась в средней части стены. Здесь на внутренней стороне кирпичной кладки была найдена известковая обмазка толщиной около 2 см, покрытая несколькими тонкими слоями побелки.

Северная стена была сложена в перевязку с западной и восточной. Фундамент ее состоял из нетесаных каменных глыб упомянутой речной породы, уложенных всухую вплотную друг к другу (рис. 14). Кладка фундамента была заглублена на 85 см и имела 1,1–1,2 м в ширину. Сама стена так же, как остальные, была сложена из обожженного кирпича на известковом растворе. Она имела ширину 90 см и максимально сохранилась на высоту 3–4 слоев кладки (20–25 см). Внешний угол стыка восточной и северной стен был оформлен тесаной каменной плитой которая имела размеры 45 x 27 x 20 см. На внутрен-

ней поверхности стены сохранился слой штукатурки (2 см) со следами побелки. Длина северной стены 19,45 м. В северной стене имелись два проема. Первый проем начинался в 1,6 м от северо-восточного угла здания и имел ширину 80 см. Он служил для соединения помещений мечети и минарета. Второй проем начинался в 6,5 м от того же угла. Ширина его составляла около 1 м. Проход вел из зала мечети на улицу. В основании прохода была положена плоская тесаная плита порога размерами 85 x 42 x 27 см.

Вход в мечеть был обрамлен порталом. На плане мечети изображена стенка из крупных отесанных камней прямоугольной формы, которая пристроена снаружи к северной стене примерно в 11,5 м от северо-восточного угла. Длина ее около 2,8 м. На одной из фотографий видно, что вдоль западной стены минарета положена стенка такой же конструкции (рис. 13). На плане она не обозначена, так как, вероятно, включена в массив фундамента минарета. По нашему мнению, эти стенки являются остатками пилонов портала, который был сложен не в перевязку со стенами мечети, а пристроен к ним. Это предположение кажется вполне вероятным, так как почти все мечети Золотой Орды имеют выступающий за пределы здания портал (Зиливинская Э.Д., 1998; 2009; 2011. С. 9–36). В случае наличия портала в мечети Нижнего Джулата, ширина его составляла около 5 м, а длина – около 3 м. Вероятно, именно остатки портала имел ввиду Ю. Клапрот, когда писал, что в стене мечети сохранилась «сводчатая входная дверь». Согласно его описанию, портал имел ширину и глубину по 3 м (10 футов), а высота его ниши составляла 4,3 м (14 футов) (Klaproth J., 1812–1814. В. II. S. 361).

Южная стена мечети, в которой должна была находиться михрабная ниша, была полностью разрушена. От нее осталось только несколько нетесанных глыб фундамента. На плане они не указаны, можно лишь предполагать, что они находились где-то у южного края раскопа.

Пол мечети был вымощен обожженными кирпичами, положенными рядами без смещения швов на известковом растворе. Вымостка пола лежала на подсыпке из тонкого речного песка.

В мечети было 48 колонн, от которых сохранились заглубленные в землю фундаменты и частично – базы (рис. 15). Они были поставлены в 4 ряда по 12 колонн. Западный и восточный ряды отстояли от стен на 4,0 м, промежутки между рядами (по центрам колонн) составляли 3,2–3,25 м. В ряду центры колонн отстояли друг от друга на 2,0 м. От 28 из них были найдены базы из твердого белого камня (известняка). Базы имели форму усеченного конуса и цилиндра. Высота их 30 см, нижний диаметр 30 см, верхний – 25 и 30 см. Базы были поставлены на фундаменты, заглубленные ниже поверхности пола на 50–52 см. Фундаменты сложены из обожженных кирпичей, положенных плоско в 8–9 слоев на известковом растворе. В каждом слое было 16 целых или битых кирпичей, образующих кладку, равную 4 кирпичам в длину и 4 – в ширину (1,15–1,20 x 1,15–1,20 м). На верхней плоскости каждого основания был положен еще один квадрат из 9 кирпичей, уложенных по 3 кирпича в длину и ширину. На этот верхний слой кладки на известковом растворе крепились каменные базы. Такие мощные фундаменты колонн, также как и сильно заглубленный фундамент стен, были необходимы, так как мечеть была поставлена на довольно рыхлый неоднородный культурный слой, толщина которого под полом достигала 2,0 м. Интересно, что такие же основания под колонны были сделаны в мечети Селитренного городища (Зиливинская, 1998. С. 23; 2009. С. 356; 2011. С. 17,18), хотя там здание было поставлено на плотный материк и стены его не имели фундамента.

В мечети Селитренного городища на кирпичные фундаменты были поставлены квадратные в сечении кирпичные столбы; каменные базы, вероятно, были только у двух колонн перед михрабом. В Нижнем Джулате колонны также, скорее всего, были из дерева, но, судя по каменным базам, на которые они были поставлены, имели круглую форму. Если предположить, что стволы колонн также были из камня, то непременно должны были быть найдены хоть какие-то их остатки.

Мечеть, несомненно, имела плоское перекрытие, опиравшееся на колонны, но о ее крыше никаких, даже косвенных данных не имеется.

К восточному отрезку северной стены мечети был пристроен минарет. Восточная стена его цоколя смещена относительно края восточной стены мечети примерно на 50 см. Кладки северной стены основного здания и цоколя минарета сделаны не в перевязку: между ними прослеживалась щель 2–2,5 см шириной. В плане цоколь минарета имел форму прямоугольника, в северо-западном углу которого была сделана прямоугольная выемка. В результате противоположные стороны его имели разные размеры. Восточная сторона была 5,8 м длиной, западная – 4,25 м, южная – 4,75 м и северная – 4,55 м. Цоколь минарета покоился на мощном фундаменте, который был заглублен почти на 2 м. Фундамент был сложен из крупных необработанных камней на известковом растворе; камни положены в 4 слоя. Сверху на них лежит кладка из обожженного кирпича. Примерно 6 слоев этой кладки лежали ниже уровня дневной поверхности. Основной массив кладки цоколя был сложен из обожженных кирпичей, как целых, так и битых на известковом растворе. Всего сохранилось 24–28 слоев кладки (над дневной поверхностью) высотой до 2,4–2,5 м.

Снаружи цоколь минарета имел декоративную облицовку, которая сохранилась только в нижней его части (рис. 16). На высоте двух слоев кирпичной кладки над дневной поверхностью шел ряд прямоугольных каменных блоков, поставленных на некотором расстоянии друг от друга. Размеры блоков 55–60 х 40–50 х 35–40 см. Пространство между ними было заполнено фигурной кирпичной кладкой: 5 кирпичей были сложены вместе и поставлены на ребро, на них были положены плоско 3 слоя кирпичей. В следующем промежутке 3 слоя плоско лежащих кирпичей находились внизу, а на них была поставлена стопка из 5 кирпичей, стоящих на ребре. Такая система представляет собой усложненный вариант «ганджийской» кладки, при которой камни (чаще всего булыжники с плоской лицевой поверхностью или грубо отесанные квадраты) отделяются друг от друга вертикально поставленными кирпичами. Ряды кладки подобного рода чередуются с ленточной кладкой из обожженного кирпича (Щеблыкин, Горчакова, 1947. С. 58). Именно такое строение имел цоколь Татартупского минарета в Верхнем Джулате (Милорадович, 1963. С. 70–72).

«Ганджийская» кладка получила широкое распространение на Кавказе и в Закавказье. Она была применена при строительстве Нарикалы, крепости Тбилиси, а также большинства грузинских крепостей (Закарая, 1969), многих церковных и монастырских построек (Шмерлинг, Долидзе, Бариавели, 1960). Правда, в Грузии широкое распространение «ганджийской» кладки относится к более позднему времени – XVI–XVIII вв. (Джаберидзе, Цицишвили, 1976). По сравнению со всеми этими постройками, отделка Нижнеджулатского минарета кажется более тщательной: каменные блоки имеют правильную форму, поверхности их гладко отесаны, а сочетание вертикально и горизонтально поставленных стопок кирпичей создает большой декоративный эффект.

Внутри цоколя минарета находилось почти круглое в плане помещение диаметром 1,6–1,7 м. В высоту стены комнаты сохранились на 1,8 м. В стенах были видны 4 гнезда (17 x 20 см и 15 x 18 см), в которые вставлялись деревянные балки ступенек. Не совсем понятно, как была устроена лестница внутри минарета. В синхронном ему Татартупском минарете винтовая лестница вилась вокруг кирпичного пятиугольного столба, который проходил снизу доверху внутри постройки. Из-за этого столба, ни на одном уровне помещение минарета не имеет в плане форму круга (Милорадович, 1963. С. 71). В Нижнем Джулате мы имеем совершенно пустое круглое помещение. Остается лишь предположить, что все части винтовой лестницы, включая столб, были сделаны из дерева. Конечно, по остаткам цоколя ничего нельзя сказать о внешнем виде минарета. Немного говорится о нем и у Ю. Клапрота. Ко времени посещения им Джулата, высота минарета составляла 40 футов (12,2 м). На четырехугольном пьедестале высотой 14 футов (4,3 м) стоял цилиндрический ствол, диаметр которого у основания составлял 10 футов (3,0 м) (Klaproth J., 1812–1814. В. II. S. 361).

Минарет внутри был снабжен винтовой лестницей с 55 ступенями и имел выход, обращенный на юг (Klaproth J., 1812–1814. В. II. S. 361). Вероятно, по своей конструкции он был близок к Татартупскому. Мощный фундамент и несколько большие размеры цоколя позволяют предположить, что минарет в Нижнем Джулате был выше, и в начале XIX в. уже частично обвалился.

Минареты Верхнего и Нижнего Джулата схематически изображены на карте подполковника Штедера 1782 г. (рис. 17), хранящейся в Российском государственном военно-историческом архиве (Ф. 846. Оп. 16. Дело 25675. Л. 1). Но там цоколь нижнеджулатского минарета показан круглым в плане, что не соответствует действительности.

Если сравнить мечеть Нижнего Джулата с двумя другими северо-кавказскими мечетями XIV в. (в Верхнем Джулате) (Милорадович, 1963), то становится очевидным, что они построены в одной строительной технике. Фундаменты стен во всех трех зданиях сложены из речных булыжников и необработанных камней, а стены из обожженного кирпича или сочетания кирпича и камня. Для связки употребляется прочный раствор на основе извести. Аналогична и система кладки. Сходно внутреннее оформление построек: полы выстланы жженым кирпичом, уложенным рядами без смещения швов, а стены оштукатурены и побелены.

Что же касается планировки, то здесь наблюдается совершенно иная картина. Малая мечеть Нижнего Джулата имеет столпно-купольную планировку, не характерную для Джума-мечетей в Золотой Орде. Вероятно, как предполагал и В.А. Кузнецов, она являлась квартальной (магальной) (Милорадович, 1963. С. 69; Кузнецов, 2003. С. 124). Большая мечеть Верхнего Джулата представляет собой прямоугольное в плане здание, с плоским перекрытием, опирающимся на колонны. Правда, никаких следов этих колонн не было найдено, так как, вероятнее всего, они были из дерева, но какой-то другой вид перекрытия при таком плане здания технически не возможен. Отличительной чертой Большой мечети Верхнего Джулата является то, что прямоугольное здание ее вытянуто в широтном направлении. Все остальные мечети Золотой Орды ориентированы длинной осью по линии С-Ю. Возможно, образцом для Большой мечети послужила Джума-мечеть Дербента (VIII–XIV вв.), перестроенная из христианской базилики (Бретаницкий, 1966. С. 159–162). Такие пропорции культовых построек на Кавказе продолжали существовать и в последующее время, примером чего являются многочисленные сельские

мечети Дагестана (Хан-Магомедов, 1958. С. 18–19; 1969. С. 135–136; Любимова, 1961. С. 11, 22, 24, 26).

Планировка мечети Нижнего Джулата является совершенно обычной для Золотой Орды. Она представляет собой прямоугольное в плане здание, вытянутое в меридиональном направлении. Внутреннее пространство ее разделено на нефы рядами колонн. Вход, расположенный в северной стене, не по центру, а с некоторым смещением к востоку, вероятно, был обрамлен выступающим порталом.

По планировке в целом, по пропорциям здания, даже по несимметричному расположению входа, нижнеджулатская мечеть более всего напоминает мечеть Водянского городища в Нижнем Поволжье (Егоров, Федоров-Давыдов, 1976. С. 108–167). Разница между ними лишь в том, что на Водянском городище было 5 рядов колонн. Почти точно совпадает с ней по размерам (26,0 x 17,85 м) мечеть Кучугурского городища на Нижнем Днестре (Довженко, 1961. С. 177–181), но там имеются два дополнительных боковых входа, а портал разросся до размеров отдельного помещения.

Мечеть Нижнего Джулата являет собой наиболее простой и типичный образец здания базиличной планировки, характерной для культовых построек Золотой Орды (рис. 18). Этот тип планировки, вероятнее всего, был принесен в Золотую Орду через Закавказье и Крым из Малой Азии, так как во всех остальных мусульманских странах мечети строятся по совершенно иному плану (Зиливинская, 1998. С. 31–35; 2008. С. 375–382; 2011. С. 31–36).

Минарет мечети Нижнего Джулата, вероятнее всего, по конструкции и технике кладки был сходен с Татартупским минаретом. По крайней мере, достоверно известно, что он состоял из призматического цоколя, который тем или иным образом, переходил в цилиндрический ствол. Остальные известные минареты в Золотой Орде имеют такую же структуру (Зиливинская, 2010; 2011. С. 36–46).

Подобные архитектурные формы характерны только для Малой Азии и связанных с ней стран. Они возникают там в сельджукское время и, несколько видоизменяясь, существуют в дальнейшем (рис. 19). Таковы, например, минарет Алаеддин Джами в Нигде постройки 1223 г., Ивли Минар в Анталии 1220 г., минареты Большой мечети и Гёк-медресе в Сивасе 1271 г., Зеленой мечети Изника 1378 г. (Stierlin, 1998. Р. 26, 43, 45, 84).

В странах находящихся в сфере культурного влияния Малой Азии, таких как Азербайджан, Крым, частично Северный Иран, также строятся минареты подобного облика. Наличие их на Кавказе представляется также вполне логичным, так как он тесно связан со всеми этими регионами.

Мавзолей

На плане раскопа 1962 г. в северо-западном углу мечети находится сооружение, пристроенное изнутри к ее стенам (рис. 13, 34). Постройка имела прямоугольную форму, вытянутую по оси север-юг. Размеры ее – 4,95 x 3,7 м. Стены были сложены из обломков обожженного кирпича на глиняном растворе и поставлены прямо на пол мечети. Северная стена здания вплотную пристроена к внутренней плоскости северной стены мечети. От нее сохранилась небольшая часть длиной 1,4 м и высотой 20 см. Толщина стены 35 см. Западная стена также была пристроена к стене мечети без всякого промежутка. Она также была узкой, шириной всего 35 см и сохранилась на 3,3 м в длину и

37 см в высоту. Северная стена была значительно более массивной. Ее толщина – 1 м. Длина составляла 2,8 м, а высота 0,75 м. Восточная стена также была довольно узкой, всего 45 см в толщину. Длина ее – 3,37 м, высота – 0,85 м. Она выступает на 0,7 м к югу от фаса южной стены. Между ней и торцом южной стены имеется проем шириной 0,95–1,0 м.

Внутреннее помещение имело размеры 3,6 x 2,9 м. Оно было перегородено поперечной стеной, не имеющей связи с внешними стенами, надвое. Перегородка имела толщину 40 см и была ориентирована длинной осью по линии запад-восток. Размеры северной комнаты составляли 2,9 x 2,1 м, южной – 2,9 x 1,1 м. Внутри сооружения были найдены человеческие кости вперемешку с битым кирпичом, кусками штукатурки и керамикой. Автор раскопок Г.И. Йоне предположил, что это здание является поздним мавзолеем, пристроенным к стенам разрушенной мечети (Йоне, 1963. С. 23). Данное сооружение по планировке действительно является типичным двухкамерным мавзолеем. Такие мавзолеи известны в Золотой Орде. Это мавзолеи № 4 и 5 в Мохше (Алихова, 1973. С. 233–234), мавзолеи № 2 и 3 у поселка Тептяри в Оренбургской области (Попов, 1969; Попов, 1970), мавзолеев № 3 у Ессентуков (Палимпсестова, Рунич, 1974. С. 229–238), мавзолеев у пос. Комсомольский (Плахов, 1990) и в могильнике 301 км (Шнадштейн, 1990. С. 14–17, 50) в Астраханской области.

Большая часть двухкамерных продольноосевых мавзолеев Золотой Орды состоит из двух помещений – прямоугольного в плане тамбурного, следующего за входом, и квадратной в плане усыпальницы. Квадратное помещение перекрывается куполом, а узкое прямоугольное имеет сводчатое перекрытие. По-видимому, прямоугольное помещение возникает в результате возведения сплошной стены между пилонами портала и «закрывания» входного айвана. Стены этого помещения обычно не отличаются большой толщиной, поэтому такие здания, скорее всего, не имеют высокого портала и являются фасадными. Традиционно считается, что меньшие помещения в двухкамерных мавзолеех служили для проведения поминальных обрядов (зиорат), то есть являлись зиорат-ханой. Мавзолеи, состоящие из гур-ханы и зиорат-ханы, довольно часто встречаются в Средней Азии. К ним относятся, например, мавзолеи Сеида Алауддина и Юнус-хане в Хиве, Джан-Хорас-ших-бобо в Ургенчском районе (Маньковская, Булатова, 1978. С. 75). Тем не менее, между среднеазиатскими и золотоордынскими мавзолееями есть существенное различие. В Средней Азии зиорат-хана больше гур-ханы или равна ей по площади, а в Золотой Орде она представляет собой что-то вроде небольшого тамбура. Часто в этом помещении вдоль стен делаются суфы, что еще больше сближает зиорат-хану с тамбурными помещениями жилых домов. Как верно отмечал В.Л. Егоров, такой тип планировки неизвестен в Средней Азии и Иране (Егоров, 1980. С. 88). Скорее всего, он является местной, золотоордынской модификацией двухкамерных мавзолеев.

Несмотря на внешнее сходство с двухкамерными продольноосевыми мавзолееями других регионов Золотой Орды, постройка в Нижнем Джулате не может быть атрибутирована однозначно. Прежде всего, отличительной чертой любого мавзолея является купольное перекрытие. Известно, что на Востоке мемориальные постройки называли по-арабски кубба, а по-персидски гунбад, что означает купол. В рассматриваемом строении купольное перекрытие невозможно, так как стены его очень тонкие и не выдержат распора купола. Скорее здесь можно предполагать плоское перекрытие. Кроме того, в мавзолееях обычно погребения находятся либо в полу, либо в специально

сложенных кирпичных саркофагах. Здесь же не было ни того, ни другого. Кости, найденные внутри помещения, могли попасть в него случайно, при перекопе, наряду с керамикой и обломками кирпичей. Таким образом, назначение данной постройки точно определить невозможно. Весьма вероятно, это действительно было погребальное сооружение, но выполненное достаточно примитивно. Скорее всего, оно относится к обширному некрополю, возникшему после разрушения мечети внутри здания и у его стен.

Склепы

Внутри здания мечети также был обнаружен подземный склеп-мавзолей. Погребальное сооружение было исследовано Г.И. Йоне в 1963 г. (Йоне, 1963). К сожалению, описание раскопа в отчете не достаточно подробно, содержит неточности и часто не совпадает с чертежами. Большим недостатком их является почти полное отсутствие фотографий. Тем не менее, склеп-мавзолей Нижнего Джулата был опубликован (Чеченов, Зиливинская, 2004). Основным источником являлись описания Г.И. Йоне (Йоне, 1963) и довольно профессионально выполненные чертежи архитектора О.Т. Кретьова. Следует отметить, что оба этих источника часто не совпадают между собой, что затрудняет описание и анализ архитектуры сооружения.

В северо-западной части мечети, под погребением 31, была выявлена грунтовая яма подпрямоугольной формы (рис. 20). Яма находилась на глубине около 1,5 м или 2 м от уровня пола мечети. Она была вытянута по оси запад-восток и имела длину более 2 м и ширину около 2 м. От восточного борта ямы вниз шли земляные ступени (рис. 21). Всего было пять ступеней (на рисунке О.В. Кретьова – семь). Ступени имели высоту 25–40 см и ширину 30–40 см. На глубине около 1,5 м ступени упирались в проем высотой 108 см и шириной 71 см, который был прикрыт массивной приставной деревянной дверью. Дверь была сделана из двух тесаных дубовых плах и имела прямоугольную форму. Высота ее 1,15 м, ширина – 95 см, толщина – около 20 см. Дверь вела в подземный склеп.

Помещение склепа было квадратным в плане размерами примерно 2 х 2 м (длина стен от 2,06 до 2,25 м). Высота помещения – 1,95–1,98 м (рис. 22–25). Стены помещения на высоте 35 см от пола начинают сужаться кверху и образуют арки приземисто-стрельчатого очертания. Две последовательно сокращающиеся арки открываются в ниши, расположенные по всем четырем сторонам помещения. Северная, западная и восточная ниши прямоугольные в плане и имеют глубину 28–35,5 см. Пол их находится на 35 см выше уровня пола основного помещения. Высота от уровня пола до вершины стрельчатого свода – 1,12–1,35 м.

Южная ниша имела в плане форму параллелограмма. Ее восточная и западная стены имеют отклонение 20 градусов к востоку от оси С-Ю. Длина западной стены 1,15 м; южной – 1,75 м; восточной – 1,17 м. Пол южной ниши находится на уровне пола основного помещения, но отделен от него порогом высотой 35 см и шириной 60 см. Большие размеры южной ниши и наличие в ней погребений позволили Г.И. Йоне, а вслед за ним и другим исследователям рассматривать ее как отдельное помещение и считать склеп двухкамерным (Йоне, 1963. С. 30; Чеченов, 1969. С. 46).

В восточной стене восточной ниши находился входной проем. В соответствующих стенах западной, северной и южной ниш были сделаны небольшие

нишки или как бы ложные оконца, которые были заглублены в плоскость стены на 22–25 см. Они были образованы тремя перспективно сокращающимися арочками. Первые, внешние ниши имели прямоугольную форму, а внутренние, вторые и третьи были образованы арками стрельчатого и сглажено фестончатого очертания. Прямоугольная ниша северной стены находилась на 15 см выше уровня пола и имела размеры 91 x 67 см. В нее была вписана ниша стрельчатого очертания размерами 85 x 49 см. Третья ниша размерами 73 x 41 см имела стрельчатое завершение с двумя боковыми выступами по сторонам. Ниши южной стены имели такую же форму и размеры 99 x 70 см, 90 x 55 см и 78 x 39 см. В прямоугольную (87 x 70 см) нишу западной стены была вписана ниша (77 x 56 см), верхний абрис которой имел пять выступов. Внутри находилась трехлопастная ниша размерами 62 x 41 см.

На высоте 1,2 м от пола были расположены щитовые паруса, поддерживающие восьмигранный, так называемый вальмовый свод. Длина сторон его восточного сектора 62 см и 56 см; северного – 58 см и 63 см; западного – 53 см и 58 см; южного 61 см и 53 см. Вершина свода не совпадает с центром пересечения осей, а сдвинута к северной стене на 20–25 см. Длина основных осей восьмиугольника свода по линии С-Ю – 1,4 м; по линии З-В – 1,52 м.

Стены и свод склепа были внутри оштукатурены и покрыты слоем известковой обмазки. Во многих местах, особенно в нижней части стен штукатурка отстала и осыпалась.

Пол склепа был земляным, ровным. Внутри склепа на полу лежало в ряд шесть скелетов (на рисунке изображено пять). Погребенные лежали вытянуто на спине, головами на запад, черепа обращены лицом на юг, руки вытянуты по бокам. Судя по рисунку, один погребенный находился в южной нише на полу, другой был положен на порог ниши, остальные находились в центральной части склепа.

Погребение 6, расположенное у северной стены отличалось от остальных наличием деревянной колоды, которая опиралась на железные подставки. Колода длиной 1,97 м, шириной 60 см покрывала собой скелет. Ее концевые части в период раскопок лежали на подставках. Между колодой и подставкой были обнаружены глиняные кружки диаметром 2,5–3 см, сделанные из черепков сосудов. Вероятно, они служили прокладками и отделяли колоду от соприкосновения с подставкой. Подставки были сделаны из железных кованых полос шириной 2–2,5 см. Каждая подставка состояла из двух дуг высотой около 20 см с закрученными концами и двух железных полос длиной около 70 см, скрепляющих эти дуги попарно. Одна из этих подставок стояла в головах, а другая в ногах погребенного. На них была положена колода.

Два из шести черепов погребенных в склепе были исследованы В.П. Алексеевым. Череп мужчины он определил как европеоидный (аланский); второй, женский череп относится к южносибирскому типу, то есть к ногайцам или их предкам (Алексеев, 1967. С. 177–182). Такие же костяки южносибирского типа найдены в погребениях внутри мечети.

Описание раскопа в отчете вызывает множество вопросов. Прежде всего, непонятно, из чего был сделан этот склеп. Согласно отчету, склеп вырублен в материке, стенки его оштукатурены и побелены. Эта же информация вошла и в более поздние публикации (Чеченов, 1969. С. 46; Нарожный, 1988. С. 163). Тут многое вызывает сомнение. Прежде всего, нижнеджулатский склеп представляет собой сложное архитектурное сооружение. Представляется маловероятным, что все детали, ниши в стенах, паруса, ребра купола, концентрически убывающие нишки сложного абриса, были вырезаны про-

сто в земле. Такое можно предположить в случае, если материк представлял собой скальную или хотя бы очень плотную породу. Исследования под руководством И.М. Чеченова показали, что на цитадели толщина культурного слоя составляла от 3,5 до 5,0 м. Яма, в которой находились ступени, ведущие в мавзолей, начиналась на глубине 1,5–2,0 м от уровня пола мечети. Над полом культурный слой был небольшим. Глубина входной ямы составляла 1,5 м, а дно склепа находилось на 35 см глубже (на глубине 3,35–3,85 м от уровня пола мечети). Высота склепа около 2 м. То есть, если не весь его объем, то хотя бы верхняя часть должна находиться в пределах культурного слоя. Трудно представить, что сооружение, выкопанное в неоднородном культурном слое, не только не обвалилось, но и полностью сохранило свою форму. Характерные для Кавказа аланские катакомбы и так называемые «хазарские» катакомбы Дагестана достигают и больших размеров, но они всегда выкопаны в материке и не столь сложны по архитектуре. Нам представляется наиболее вероятным, что стены и купол склепа были сложены из обожженного кирпича. Вероятнее всего, стены были покрыты толстым слоем глиняной обмазки, а уже потом оштукатурены. Поэтому кирпичная кладка не была замечена исследователями. Кстати говоря, на рисунке О.Т. Кретьева в тех местах, где штукатурка осыпалась, на стенах видна структура, напоминающая кладку.

Не менее важным представляется и вопрос о датировке склепа. Г.И. Йоне считал, что мечеть существовала со второй половины XIII в. по конец XIV в., а склеп относился к ней (Йоне, 1963. С. 37). Согласно другому мнению, мечеть была построена в начале XIV в. (Чеченов, 1969. С. 46). Эта дата представляется более верной, если вспомнить, что государственной религией ислам стал только при Узбеке. Что касается склепа, то он не может быть одновременен мечети, так как в мечетях обычно не совершали погребений. Существует такое понятие как мавзолей-мечеть. Обычно это небольшие купольные здания, в которых имеются одновременно михраб и захоронение, и сочетающие в себе функции гур-ханы (погребальной камеры) и зиарат-ханы (молитвенного зала), или же мавзолей-конгломераты, в состав помещений которых входит и поминальная мечеть (Маньковская, 1983, С. 35–36, 40–41). С. Хмельницкий вообще считает, что понятие мавзолей-мечеть неправомерно, так как Коран запрещает совершение религиозных церемоний в помещении, где находится могила человека. По мнению исследователя, мавзолей не может служить мечетью (если только в нем нет отдельного помещения для поминания), а заброшенная, переставшая функционировать мечеть может использоваться как место погребения (Хмельницкий, 1992. С. 120). В любом случае, в Нижнем Джулате мы имеем не «мавзолей-мечеть», а большую пятничную мечеть базиличной планировки. В такой мечети не могли совершаться погребения ни при каких условиях.

Склеп, найденный в мечети, может быть или более ранним, или более поздним. Наиболее вероятным представляется второе предположение. До прихода монголов мусульманство на Северном Кавказе было распространено только в Дагестане. Аланы же исповедовали христианство, или оставались язычниками, поэтому в домонгольский период погребения по мусульманскому обряду на этой территории не совершались. Если предположить, что склеп был построен во второй половине XIII в., то ко времени строительства мечети (начало XIV в.) он должен был быть не только заброшен, но и место погребения должно было стереться из памяти населения, а это мало вероятно. Мусульманские святыни обычно сохраняются и оберегаются веками. Такая же ситуация наблюдалась и на самом Нижнем Джулате. Академик Ю. Клапрот,

посетивший Нижний Джулат в начале XIX в. видел остатки мечети с минаретом и многочисленные погребения более позднего времени вокруг них (Klaproth J., 1812–1814. В. II. S. 359–362).

В пользу ранней датировки склепа может свидетельствовать тот факт, что вход в склеп находился под погребением № 31. Но, Нижний Джулат прекратил свое существование в результате разгрома Золотой Орды Тимуром в 1395 г. Первые захоронения на месте разрушенной мечети могли возникнуть уже в начале XV в., а самые поздние погребения, которые видел Клапрот, относятся к 1717 и 1721 гг. (Klaproth J., 1812–1814, В. II. S. 362). То есть кладбище на этом месте могло существовать около 300 лет, и могилы вполне могли перекрывать друг друга. По сведениям Клапрота, могилы, виденные им, принадлежали ногайцам, что вполне подтверждается данными антропологии (Алексеев, 1967. С. 177–182).

Особо следует рассмотреть архитектуру склепа в Нижнем Джулате. В отчете Г.И. Йоне этот склеп определен, как уникальный, единственный в своем роде, не имеющий аналогий, по крайней мере, на Северном Кавказе (Йоне, 1963. С. 37). Уникальность склепа, в частности, определялась наличием в нем двух погребальных камер. Однако, если внимательно посмотреть на план сооружения, то видно, что он представляет собой квадратное в плане помещение, в каждой стене которого сделана большая ниша. Это так называемая крестовидная планировка, широко распространенная в средневековье, как в мавзолеях, так и в склепах. Отличительной чертой склепа в Нижнем Джулате является разрастание южной ниши и неправильная ее форма.

В Золотой Орде известны подземные склепы-мавзолеи, но большинство из них имеет более простую планировку. Один из склепов находился на христианском кладбище Верхнего Джулата, недалеко от церкви № 4. Он состоял из погребальной камеры и дромоса. Камера квадратная в плане размерами 2,0 x 2,0 м и высотой 1,4 м. Стены ее сложены из кирпича и оштукатурены. При помощи арочных тромпов квадрат переходил в круг, и перекрывался полусферическим куполом. Входной проем высотой 0,93 м имел оформление в виде стрельчатой арки (Кузнецов, 2003. С. 145–146).

Кирпичные полуподземные склепы известны в Нижнем Поволжье, в Сараях (Селитренное городище) и его окрестностях. Один из таких склепов, описанный еще Ф. Баллодом, полностью сохранился в настоящее время (рис. 26) и используется жителями села Селитренного, как погреб (Баллод, 1998. С. 130; Рудаков, Мазур, 2011). На территории городища разведками был найден некрополь площадью около 4 га, на котором склепы расположены через каждые 30–40 м. Всего было выявлено более 10 склепов, выходящих на дневную поверхность (Скисов, 2011. С. 266). Четыре склепа были раскопаны в разные годы (Федоров-Давыдов, 1968; 1985; Пигарев, 2008). Также подобные постройки исследовались в Астраханской области на Каменном Бутре и на Ахтубинском городище у пос. Комсомольский (Филипченко, 1952; Плахов, 1991).

В большом количестве купольные склепы-мавзолеи исследованы при раскопках городища Сарайчик в Западном Казахстане (Бисембаев, 2010. С. 202–215). По некоторым данным на небольшой площади находилось около 130 подобных сооружений (Скисов, 2011. С. 269).

Все эти сооружения достаточно однотипны и представляют собой сложенные из обожженного кирпича постройки. Нижняя их часть, обычно квадратная или прямоугольная в плане, находилась в специально вырытом котловане. Стены при помощи парусов или арочных тромпов переходили в полусферический купол, который полностью или частично возвышался над

землей. Вход, оформленный полуциркульной или стрельчатой аркой, находился в одной из стенок. Он него на поверхность вел сводчатый коридор (Зиливинская, Васильев, Рудаков, 2012). Внутри таких склепов находятся остатки нескольких скелетов, положенных непосредственно на пол. Часто погребенные лежат в деревянных гробах. В ряде случаев рядом с костяками людей найдены захоронения собак (Пигарев, 2008; Скисов, 2011).

Склепы крестового плана известны, в основном под мавзолеями. Такой склеп (рис. 27) был исследован А.Е. Алиховой при раскопках большого многокомнатного мавзолея в Мохше (Алихова, 1960. С. 3–7; Алихова, 1973. С. 230–233). Вход в помещение склепа, как и в Нижнем Джулате, находился с восточной стороны здания. Он был оформлен снаружи двумя полуколоннами. Вслед за входом находилось небольшое (2,1 x 1,8 м) помещение тамбура, из которого проход шириной 80 см вел склеп. Помещение склепа имело крестовидную планировку, благодаря четырем широким (шириной по 2,86 и глубиной 1,4 м) нишам в стенах. Общие размеры помещения 5,4 x 5,8 м. Стены его были сложены из целого и битого квадратного кирпича и оштукатурены. Ниши имели сводчатые перекрытия, а на высоте 80 см от пола в них были сделаны маленькие наклонные окошки. Пол склепа вымощен жженым кирпичом, в нем были сделаны три погребальных места. Над склепом находилось квадратное в плане помещение несколько больших размеров (7 x 6,8 м). Стены его были отделаны хорошо обработанным белым камнем с фигурными карнизами. По предположению исследователей, это помещение было перекрыто куполом на барабане (Алихова, 1973. С. 230–233).

Большой и хорошо сохранившийся мавзолей XIV в. был исследован В.В. Плаховым у поселка Комсомольский в Красноярском районе Астраханской области (Плахов, 1987). К сожалению, этот великолепный памятник, в котором сохранилось множество деталей строительной техники и архитектурного декора пока не опубликован. Постройка была прослежена в двух уровнях: в верхнем находилась гур-хана, а в нижнем – погребальная камера. Здание было прямоугольным в плане, вытянутым по оси С-Ю, и имело размеры 14,0 x 10,0 м. Стены сложены из обожженного кирпича на известковом растворе. В южной части здания находился вход с массивными пилонами портала. Основное помещение мавзолея имело крестовидную форму, образованную четырьмя нишами в стенах помещения. Внутренние размеры четверика крипты составляли 4,0 x 4,0 м. Помещение также было крестообразным в плане, так как во всех стенах находились глубокие ниши со стрельчатыми арками. В восточной нише имелся проход наружу. Стены крипты были оштукатурены, в углах сохранились тропы в виде трех рядов кубических сталактитов.

Известны склепы крестообразной планировки и в других мусульманских странах. Так, например, они встречаются в средневековых могильниках Туркмении, причем склепы крестового плана чаще всего находятся под мазаарами и курганами (Поляков, 1973. С. 63). Склепы сложены из обожженного кирпича (25 x 25 x 4–5 см) или мягкого камня и перекрыты куполами (рис. 28). Правда, эти склепы несколько отличаются по планировке и пропорциям. Они имеют сильно разросшиеся лучи креста, в каждом из которых расположено несколько погребений. С.П. Поляков датирует крестообразные склепы широко – XII–XIV вв. (Поляков, 1973. С. 105).

В башенных мавзолеях Азербайджана всегда присутствуют подземные склепы различной планировки. В XIV в. подавляющее большинство склепов принимает крестообразную форму. Склепы крестового плана известны в мавзолеях в с. Карабаглар, в с. Барда (1322 г.) (рис. 30.5), в Хиове, в селении

Ашеги-Вейсели (Мир Али), в Мараге (1319–1335), в селении Хачин-Дорбатлы (Уссейнов и др., 1963. С. 127–162; Бретаницкий, 1966. С. 167–199). Склепы сложены из камня или обожженного кирпича и перекрыты крестовыми сводами, крепящимися на парусах. Более детального описания их в литературе, к сожалению не приведено.

Наиболее близки, как нам кажется, к склепу в Нижнем Джулате крестовидные склепы знаменитого некрополя Шах-и Зинда в Самарканде. Всего там найдено четыре таких склепа (рис. 29). В мавзолее Ширинбек-ака (1385–1386 гг.) склеп крестовидного плана перекрыт вальмовым куполом и зеркальными сводами в нишах (Немцева, Шваб, 1979. С. 73–74). Размеры его 5,3 x 6,1 м, вход расположен с северной стороны (рис. 29.2). Н.Б. Немцева и Ю.З. Шваб отмечают, что это наиболее ранняя в Средней Азии постройка с таким перекрытием (Немцева, Шваб, 1979. С. 74). Крестовидный склеп мавзолея Эмира Бурундука (90-е гг. XIV в.) отличается большими размерами (8,9 x 7,8 м) и несколько иными пропорциями (рис. 29.3). Ниши в нем увеличены настолько, что площадь их примерно равно площади центрального квадрата помещения (Немцева, Шваб, 1979. С. 123). Еще один склеп, практически повторяющий планировку склепа в мавзолее Ширинбек-ака – склеп в двухкупольном мавзолее (рис. 29.1). Общие размеры его 4,6 x 4,7 м, ширина ниш – 2,48–2,35 м, глубина – 94–107 см, высота – 2,8 м. Входной лаз расположен с западной стороны. Ниши по осям склепа перекрыты стрельчатыми арками, центральная часть – вальмовым куполом. По углам центрального квадрата расположены переходные к куполу щитовидные паруса, верхний угол которых подчеркнут ганчевыми тягами (Немцева, Шваб, 1979. С. 83). Самым большим в этой группе является склеп, мавзолея «Безымянный 2» (рис. 31.1). Камера его представлена крупным крестовидным в плане помещением с общими размерами 8,1 x 7,6 м. Северная ниша полуосьмигранна в плане и крупнее трех других, прямоугольных (Немцева, Шваб, 1979. С. 79).

Известны склепы крестового плана и в других мавзолеях Средней Азии (рис. 30.2, 3,4), таких как Биби-ханым и Гур-Эмир в Самарканде, мавзолеях Шахрисябса (Пугаченкова, 1976. С. 81). В конце XIV–XV вв. они получают распространение и на территории Ирана и Афганистана в таких памятниках как мавзолей Гаухаршад в Кухсоне, мечеть Абу-Наср-Парса в Балхе и др. (Немцева, Шваб, 1979. С. 79).

Таким образом, склеп Нижнего Джулата может занять свое место в ряду склепов крестовидной планировки. На наш взгляд, он наиболее близок по архитектурным формам склепу двухкупольного мавзолея в Самарканде. В обеих постройках центральная часть перекрыта восьмигранным вальмовым куполом, опирающимся на щитовидные паруса. Кстати говоря, размеры центральных квадратов помещений почти идентичны (в Самарканде на 25–45 см больше). Некоторое различие наблюдается в пропорциях: в самаркандском мавзолее стрельчатые арки имеют более вытянутое очертание, потолок на 80 см выше, и все четыре ниши имеют близкую по размерам глубину (94–117 см). Склеп Нижнего Джулата более приземист, южная ниша его имеет такую же глубину (117 см), остальные же лишь слегка (28–35,5 см) выдаются за пределы основного четверика. Что касается оформления интерьера, то в Нижнем Джулате он даже более затейлив: проходы в большие ниши оформлены не одной, а двумя последовательно убывающими нишами, а плоскости стен – перспективно сокращающимися ложными оконцами сложного абриса. Наличие одной ниши большего объема присутствует в склепе другого мавзолея некрополя Шах-и Зинда – «Безымянный 2». Но там ниша больших

размеров находится с северной стороны, напротив входа, и имеет полуосьмигранное очертание в плане.

Вход в склеп Нижнего Джулата находится с восточной стороны. Таково же расположение входных коридоров в золотоордынских склепах в Мохше, и у пос. Комсомольский, а также в склепе двухкупольного мавзолея. Однако, в других склепах входные проемы располагались с северной, западной и южной сторон. Следовательно, место расположения входа значения не имеет и зависит часто от взаиморасположения мавзолея или склепа с другими постройками.

Анализ архитектурных особенностей склепа в Нижнем Джулате и сравнение его с другими склепами подобной планировки не позволяет говорить о его уникальности. Тем не менее, можно отметить некоторое своеобразие планировки. Оно заключается в наличии поднятых над уровнем пола ступеней в нишах (порога в южной нише), трапециевидной форме южной ниши и наличию сложных ниш в стенах. Отсюда же можно сделать выводы о его датировке. Большинство исследователей относят распространение склепов крестового плана к XIV–XV вв. Использование в строительстве щитовидных парусов и вальмовых сводов Г.А.Пугаченкова уверенно относит к концу XIV–XV вв (Пугаченкова, 1976. С. 19). Учитывая, что мечеть Нижнего Джулата, вероятнее всего, была разрушена в 1395 г., склеп на месте ее развалин мог быть сооружен не ранее рубежа XIV и XV вв. или же в XV в.

Склеп Нижнего Джулата отличало также то обстоятельство, что он не был связан ни с каким наземным сооружением. В то же время большинство склепов крестового плана находились всегда под мавзолеями, мазарами или курганами. Точное расположение склепа внутри мечети неизвестно. Из отчета следует, что входная яма находилась под погребением 31, а камера склепа – к востоку от нее, то есть почти в северо-западном углу мечети. Поэтому нами ранее была высказана гипотеза, что склеп относился к наземному мавзолею (Чеченов, Зиливинская, 2004. С. 148). Тот факт, что склеп не находился точно под помещением мавзолея, не играет особой роли. Такие случаи известны, например склеп мавзолея «Безыманный 2» в некрополе Шах-и Зинда почти полностью находится за пределами мавзолея (Немцева, Шваб, 1979. С. 80–81).

Однако этому предположению противоречит тот факт, что подземный склеп представляет собой сложное архитектурное сооружение и, несомненно, построен искусными мастерами, в то время как наземная постройка выполнена весьма небрежно и примитивно. Поэтому, вполне возможно, что склеп-мавзолей представлял собой самостоятельную погребальную постройку. Подобный склеп-мавзолей XI–XII вв. известен в Таджикистане в местности Сари Тал. Он имел почти такие же размеры и сходную планировку (Хмельницкий, 1996. С. 240–241). Склеп-мавзолей, ориентированный по сторонам света представляет собой квадрат (стороны 2,1–2,2 м) с четырьмя осевыми нишами (рис. 31). Ширина их, как и в Нижнем Джулате, лишь немного меньше сторон квадрата. Лицевые стороны ниш перекрыты стрельчатыми арками. Южная ниша открыта в длинный (3,5 м) сводчатый коридор, ведущий в тамбурное помещение без крыши. Внутренние части остальных ниш перекрыты своеобразными конхами. Центральную часть венчает свод «балхи», опирающийся на конструктивные стрельчатые арки. По мнению С.Г. Хмельницкого, склеп-мавзолей в Сари Тале является не единственным, а единственно исследованным памятником подобного рода, так как многочисленные подземные и полуподземные усыпальницы Южного Таджикистана еще не изучены (Хмельницкий, 1996. С. 242–243). Следовательно, склеп Нижнего Джулата

также может быть не связан с наземной постройкой. В любом случае форма его свидетельствует о влиянии архитектуры Средней Азии на монументальное зодчество Северного Кавказа золотоордынского периода.

Несмотря на более сложную архитектурную форму, склеп-мавзолей Нижнего Джулата связывает с памятниками Нижнего Поволжья сходство погребального обряда. В нем, как и в других подобных сооружениях погребения находились непосредственно на полу, без могильных ям. Один костяк лежал в деревянной колоде, которая опиралась на железные подставки. Захоронения в склепах основном соответствует мусульманскому погребальному обряду, но с отклонениями от канона, в частности, нарушением киблы. В полуподземных склепах наблюдаются реминисценции языческих обрядов: там часто встречаются вещи, заупокойная пища, древесные угли, кости собаки, следы разрушения костяка человека. Это обстоятельство позволяет говорить о значительных пережитках доисламских погребальных традиций и о том, что данные усыпальницы, скорее всего, принадлежат слабо мусульманизированным кочевникам (Васильев, 2009. С. 72).

Еще один склеп был обнаружен у южной границы городища Нижний Джулат при строительных работах (Батчаев, 1985). Склеп квадратный в плане, размерами 2,1 x 2,1 м. Высота его 1,55 м (рис. 32). Стены его сложены из кирпича на глиняном растворе и обмазан внутри слоем глины. Северная и южная стены его соединяются в верхней части и образуют цилиндрический свод. К восточному торцу примыкает сводчатый коридор высотой 70 см, шириной 75 см и длиной 2 м. Снаружи он заложен кирпичом. Дальше на 3,4 м продолжается земляной дромос. В склепе находился один скелет, кости которого были извлечены строителями. По их словам погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, лицом на юг.

Сверху склеп был перекрыт вымосткой из квадратного кирпича в три слоя (рис. 33). По периметру вымостки прослеживались остатки стен. Следовательно, здесь находился большой мавзолей с подземной погребальной камерой и данный склеп не является самостоятельным погребальным сооружением.

Грунтовый могильник

Как уже упоминалось, вся площадь мечети и пространство, прилегающее к ней с севера, было занято грунтовым могильником (рис. 34). Вне всякого сомнения, погребения эти более поздние, нежели мечеть с минаретом и совершены в тот период, когда мечеть была полностью или частично разрушена. Обычай хоронить покойников внутри мечети в мусульманской культуре не зафиксировано. В то же время вполне обычной практикой является захоронение умерших возле мечетей или крупных мавзолеев, а в случае их разрушения, и внутри зданий. Таким образом возникают многие мусульманские некрополи. В Золотой Орде погребения внутри разрушенного здания мечети и у ее стен известны на Водянском городище (Федоров-Давыдов, Егоров, 1976. С. 108–118). Несколько могил найдено и внутри помещения Джума мечети Селитренного городища (Федоров-Давыдов и др. 1983; 1985; 1986).

Г.И. Йоне исследовал 32 погребения (Йоне, 1962. С. 26–32). Все они были совершены в грунтовых ямах прямоугольного очертания. В некоторых ямах стенки были обложены кирпичом. Два погребения были перекрыты сводами стрельчатого очертания, сложенными из обожженных кирпичей, взятых из

разрушенных стен мечети. Кое-где сохранились остатки деревянных гробов или перекрытий.

Все погребенные лежали вытянуто на спине, головой на запад с большим или меньшим поворотом лица на юг. По определению Г.И. Йоне, большая часть костяков принадлежала мужчинам разного возраста, одно погребение было женским, в шести были похоронены дети. Автор раскопок совершенно верно считал, что почти все умершие похоронены по мусульманскому обряду. Три погребения (№№ 1, 10, 13) он считал христианскими на том основании, что у умерших скрещены руки. Однако, у двоих из них (№ 1 и 10) руки были скрещены на лобке, что свидетельствует не о христианском обряде, а о заворачивании в саван. Кроме того, как раз эти две могилы были перекрыты кирпичными склепами, характерными для мусульманских золотоордынских погребений (Яблонский, 1975. С. 76; Васильев, 2007. С. 76–79). И только у одного погребенного (№ 13) руки были скрещены на груди, однако, как нам кажется, по одному этому признаку нельзя погребением христианским. Довольно сложно представить, что на мусульманском могильнике, да еще внутри мечети, был похоронен христианин.

Могильник на месте мечети формировался длительное время. Предположительно самые ранние погребения относятся к рубежу XIV–XV вв., а самые поздние Ю. Клапрот датирует началом XVIII в. (Klaproth J., 1812–1814. В. II, S. 362).

Еще один могильник золотоордынского периода был раскопан на территории укрепленного шахристана в 1966 г. Всего было вскрыто более 20 погребений (рис. 35–36). Среди погребенных большой процент (8 человек) составляли дети. Погребения также были сделаны в прямоугольных грунтовых ямах. Некоторые могилы имели подбой, перекрытые ступенчатым наклонным закладом из сырцовых кирпичей (Чеченов, 1966). Этот могильник, скорее всего, возник во время существования города.

Черепя из раскопок Г.И. Йоне были подвергнуты антропологическому обследованию. В.П. Алексеев, проводивший исследования отмечал важность данной серии как первого палеоантропологического материала, с помощью которого можно охарактеризовать физический тип древнего населения Кабардино-Балкарской АССР (Алексеев, 1967. С. 178). Серия состояла из восьми мужских и трех женских черепов, к которым были присоединены два черепа из склепа в мечети. Исследователь пришел к выводу, что морфологический тип всех исследованных черепов из погребений в мечети очень однороден. Это очень большие, довольно массивные черепа с очень широкой, умеренно длинной и низкой черепной коробкой. Она отличается круглой формой при взгляде сверху.

На этом основании серию черепов из погребений под полом мечети можно отнести к числу брахикранных. Лобная кость довольно узкая и наклонная, относительная ширина лобной кости также невелика. Также отмечается исключительная ширина лицевого скелета. Подобная ширина лицевого скелета редко отмечалась даже на черепках сибирских монголоидов, хотя последние отличаются наиболее широким лицом среди всех других антропологических типов. Наряду с огромной шириной лицевой скелет умеренно высокий и ортогнатный, то есть мало выступает вперед в вертикальной плоскости. Аналогичным образом он умеренно профилирован в горизонтальной плоскости, меньше, чем у типично европеоидных черепов, хотя, заметно больше, чем и в чисто монголоидных сериях. Уплощенность лицевого скелета и носовых костей, промежуточная между обычными европеоидными и монголоидными

величинами, служит, по мнению исследователя, надежным основанием для отнесения всей серии к смешанным по происхождению группам, антропологический состав которых образовался в результате смешения монголоидных и европеоидных элементов. Группы эти, разные по своему физическому облику и по происхождению, объединяются в несколько антропологических типов.

Большая, очень широкая и довольно низкая черепная коробка свойственна монголоидам центральноазиатского происхождения. Характерна для них и узкая лобная кость. Однако лицевой скелет и носовые кости уплощены у них в крайней степени, и этим черепа центральноазиатских монголоидов отличаются от черепов из Нижнего Джулата.

Подавляющее большинство смешанных по происхождению типов отличается от центральноазиатских монголоидов не только меньшей уплощенностью лицевого скелета и носовых костей, но и меньшими размерами лицевого скелета. Но среди них есть один, который, при ослабленной монголоидности, не имеет этого отличия и характеризуется очень большими размерами лица. В антропологической литературе он получил наименование южносибирского. Он был обычен для средневекового кочевнического населения Южной Сибири, Средней Азии и южнорусских степей. Ближайшей конкретной аналогией палеоантропологическому материалу из Нижнего Джулата являются серии из южных областей Украины, датируемые XII–XVII вв. Сходство между ними типологическое, но оно говорит о том, что на севере нынешней территории Кабардино-Балкарии в XV в. проживала этническая группа, по своим антропологическим особенностям сближавшаяся с занимавшим в эпоху средневековья широкий ареал населением южносибирского антропологического типа. По-видимому, это непосредственные потомки кочевников, проникавших в южнорусские степи в начале II тысячелетия (Алексеев, 1967. С. 178–180).

Что касается этнической принадлежности населения Нижнего Джулата, то, соотнося данные палеоантропологии и письменные источники, В.П. Алексеев приходит к выводу, что могильник оставлен, по всей вероятности, предками ногайцев (Алексеев, 1967. С. 180).

Анализ двух черепов из склепа показал, что мужской череп резко выделяется из всей серии. Узколицевость и длинноголовость позволяют сблизить его с аланскими сериями. Но женский череп из погребения в склепе ничем не отличается от остальных черепов из женских погребений. Из этого факта можно сделать вывод, что ногайцы, кочуя в прикавказских степях, сталкивались с потомками средневековых алан и иногда заключали с ними браки (Алексеев, 1967. С. 181).

Таким образом, краниологический материал, полученный при раскопках могильников на городищах Нижний Джулат, показал, что в эпоху позднего средневековья в районах равнинной Кабардино-Балкарии проживали предки ногайцев, которые эпизодически смешивались с потомками алан.

Жилые и хозяйственные комплексы

Остатки жилищ встречались во всех слоях городища. Жилища домонгольского периода были преимущественно турлучными. Дома населения золотоордынского Джулата строились из сырцового кирпича и дерева.

При раскопках укрепленной части городища, примыкающей к цитадели (шахристана) было найдено несколько жилищ. Исследования показали, что

данная часть городища была заселена только в золотоордынское время и все жилые и хозяйственные сооружения датируются XIV в.

Наиболее полно было исследовано жилище № 1. Верхняя плоскость стен его частично выявилась после снятия 1-го штыка; нижняя находилась на уровне 4-го штыка и лежала на материке. Жилище представляло собой четырехугольное в плане сооружение (рис. 37). По длине оно строго ориентировано с севера на юг. Длина восточной стены – 7 м, западной – 6,9 м, южной – 3,45 м и северной – 3,2 м (замеры внутренние). От его стен сохранились 3–4 слоя кладки из сырцового кирпича на глиняном растворе. Толщина сырцовых стен – 70–80 см. При кладке стен соблюдалась связка. Для улучшения сцепления при кладке, почти половина сырцов имели на одной из широких сторон по несколько желобковых линий, проведенных в продольном направлении или по диагонали. Сырцовые кирпичи имели различные размеры: 40 x 27 x 12 см; 35 x 20 x 10 см; 42 x 28 x 8 см; 35 x 18 x 10 см; 37 x 20 x 7 см; 38 x 21,5 x 13 см; 43 x 23 x 10 см.

Стены жилища имели довольно интересное строение. В самом нижнем слое кладки сырцы в них выложены в три линии, между которыми образуются два продольных канала шириной от 12 до 25 см и глубиной 15–18 см (рис. 38–39). В каналах лежали остатки бревен диаметром до 10–12 см, которые местами сохранились довольно хорошо. Внутри жилища, у его четырех углов обнаружено 4 ямы от столбов, диаметр которых составлял около 15 см, а глубина – 20 см. Таким образом, стены жилища, скорее всего, были деревянными щитовыми. Дома с такими стенами достаточно хорошо известны в городах Золотой Орды (Егоров, 1970. С. 182). В нижней части стен были положены бревна, в которых были сделаны пазы. В пазы вертикально вставлялись доски, верхний конец которых был закреплен таким же бревном с пазом. Брусья или бревна верхней рамы поддерживались вертикальными столбами. Сырцовые стенки служили для укрепления нижней части стен, то есть образовывали их цоколь. Выше деревянные стены, скорее всего, были обмазаны глиной и обложены сырцами.

У южной стены, на уровне нижнего слоя кладки выявлено устье прямоугольной в плане очажной ямы, наполовину вырытой в материке; длина ее – 1,1 м, ширина – от 0,65 до 0,75 м, глубина – 0,65 м (рис. 40). Стены очага сооружены из сырцов в 8 слоев, выложенных в продольном направлении. Два верхних слоя северной части очага сложены из жженных квадратных кирпичей размером 23 x 23 x 5 см. Очаг в основном заполнен землей, перемешанной с золой. Внутри него не обнаружено следов прокаленности, и создается впечатление, что очагом пользовались непродолжительное время.

В помещении, вдоль западной и северной стен была сделана Г-образная суфа. Подпорные стенки ее были сложены из сырцов в один ряд и сохранились на высоту 1–2 слоя. Западная часть суфы имела ширину 75 см, а северная – 135 см. Таким образом, площадь пола составляла 5,65 x 2,6 м. Пол был глинобитным. В полу были выявлены 22 ямки от колеб диаметром 5–7 см (рис. 41).

Под восточной стеной жилища и его полом была найдена яма-погреб с монетой 1380–1390 гг. Яма пересеклась восточной стеной жилища и в этой части стена значительно осела (рис. 42). Не оставалось сомнений, что яма сооружена вне связи с жилищем и раньше него (но не позднее 1390 г.). Кроме того на южной стене жилища найдены еще три монеты. Одна из них датируется также 1380–1390 гг., другая – концом XIV в. (третья монета не читалась). Таким образом, большое жилище датируется в пределах от 80–90 гг. до конца XIV в.

В этой же части городища было раскопано жилище № 2 (рис. 43). Судя по незначительным остаткам, оно представляло легкое строение с каркасными стенками, ориентированное по длине с юга на север. Длина его не более 4 м, ширина – около 3 м. От жилища сохранилась стенка из сырцов, уложенных на материк в продольном направлении в один ряд, на 1–2 слоя (рис. 44). Длина ее в северном направлении – 3,2 м, в западном – около 0,7 м. Сырцы по форме и размерам такие же, как и в жилище № 1: на поверхности значительной части из них имеются продольные и диагональные желобковые линии. Эта кладка, скорее всего, являлась подпорной стенкой суфы.

К востоку от стенки суфы находился тандыр, глинянные стенки которого частично были заглублены в пол жилища. Очаг имел значительные размеры: длина его 87 см, ширина – около 100 см, глубина – до 60 см. Тандыр был заполнен золой, перемешанной с землей. Вблизи стенки и тандыра выявлены несколько ям от столбов, которые соединяли каркас стен жилища, а также глинобитные полы со следами обмазки. Ориентировочно жилище датируется началом – серединой XIV в.

Недалеко от жилища № 1 было найдено основание юртообразного жилища (№ 3). Оно представляло собой округлую в плане глинобитную площадку диаметром около 3 м. Вокруг нее по периметру располагались ямки от жердей, образовавших каркас стен жилища. Диаметры их – 5–7 см, глубина – 10–15 см. Отверстия идут вглубь отвесно, и это дает основание предполагать, что стены юрты были вертикальными. Они поддерживали его коническую крышу. В центре пола находилась тарелкообразная очажная яма (диаметр устья – около 0,5 м, глубина – до 20 см) со следами сильной прокаленности. Яма была заполнена золой и углями. Вокруг очага и внутри него выявлено большое количество ямок, очевидно, от кольев-стояков для перекладки, на который подвешивали котел. По ряду признаков это сооружение сближается с I типом раннесредневековых юртообразных жилищ донских степей (Плетнева, 1967. С. 122). Основой для его датировки является яма-погреб, относящаяся по найденным в ней предметам концу XIV в. Юртообразное жилище располагалось на этом погребке и, следовательно, датируется периодом не ранее конца XIV – начала XV в.

Еще одно жилище (№ 4) было исследовано в 1962 г. на неукрепленной части городища. Эта территория была занята могильником аланского времени (Абрамова, 1972), а в золотоордынский период здесь, вероятнее всего, находился рабат. Об этом свидетельствует наличие жилищ рядового населения и производственных комплексов. Здание было прямоугольным в плане размерами 7,5 x 4,6 м. Длинной стороной оно ориентировано по оси север-юг. Стены его были сложены из сырцовых кирпичей. Толщина стен колебалась от 0,5 м до 0,75 м. Вход в здание находился в южной стене. Ширина его 1 м. Внутреннее пространство было разделено на два помещения узкой стенкой, толщина которой составляла всего 20 см. Первое помещение было прямоугольным в плане длиной 4,0 м и шириной 2,8 м. У западной стены находился прямоугольный очаг размерами 0,6 x 0,4 м. Еще два круглых очага (тандыра) были пристроены к западной стене. Они имели диаметр 65 см и 40 см и высоту стенок 40 см. Устья обоих очагов, шириной 15 см, были обращены в комнату. В северо-западном углу в западной стене была сделана ниша шириной 90 см и глубиной 0,6 м.

Проход во второе помещение находился в северо-восточном углу помещения 1. Комната 2 была почти квадратной размерами 2,15 x 2,3 м. В северо-западном, юго-восточном углах и по середине длины северной стены нахо-

дились три круглые ямки от столбов, поддерживавших крышу. Внутри дома были найдены кости животных со следами обработки, а также фрагменты неполивной красноглиняной керамики и два поливных сосуда.

Кроме жилищ на территории шахристана исследованы различные хозяйственные сооружения. В частности, была найдена ручная мельница (рис. 45). В раскопе обнаружен нижний жернов ручной мельницы из крупнозернистого камня (кварцита). Он был разломан на три части. Диаметр жернова – около 40 см. Жернов установлен на слегка углубленную, плотно утрамбованную глинобитную площадку и обложен камнями и квадратными кирпичами. В стороне от него, среди скоплений пережженной земли, углей, золы и полубгорелого дерева (следы пожара?) найден его верхний жернов такого же диаметра. Стратиграфическое расположение и фрагменты керамики (исключительно золотоордынского времени) датируют мельницу последним периодом жизни городища, т.е. концом XIV – началом XV в.

Также были обнаружены и раскопаны 20 хозяйственных ям. Стены и дно их тщательно выровнены и обмазаны глиной. Обмазка отдельных ям не сохранилась и контуры их выявлены с трудом. Почти все ямы частично или полностью вырыты в материке. Засыпь их бесструктурна. Кроме большого количества турлужной обмазки, золы, углей, керамики, костей животных и других находок, характерных для культурного слоя шахристана, в некоторых из них обнаружены остатки перегнившего проса.

По своей форме ямы разделяются на конусовидные (наиболее распространенные) и цилиндрические. В плане они овальные (большинство), округлые и восьмеркообразные. Последние обнаружены только в двух случаях и представляют собой погреб с двумя отделениями, одно из которых глубже другого.

Своими необычайно большими размерами из этих хозяйственных ям выделяются два погреба. Засыпь этих погребов послойная. Один из них значительно разрушен и стенки его выявлены с трудом; диаметр его – около 3 м, глубина – 2 м. Второй погреб в плане овальный, в разрезе конусовидный. Диаметр его устья – 350 x 390 см, дна – 360 x 380 см, глубина – 275 см. В нем, наряду с большим количеством керамики золотоордынского времени и фрагментов сосудов с поливой и подглазурной росписью, найдена монета, датируемая 1380–1390 гг.

Контуры подобных больших погребов прослеживались и в обнажениях культурного слоя у глиняного карьера, расположенного в южной окраине городища. В одном из них найдена другая монета, также датируемая концом XIV в. Кроме того, два таких погреба обнаружены при раскопках цитадели Нижнего Джулата, причем один из погребов полностью забутован крупными камнями и на нем сооружен минарет мечети.

Остальные хозяйственные ямы имели меньшие размеры. Диаметры их варьируют в пределах от 60 до 200 см, а глубина – от 50 до 150 см.

Занятия населения

Нижний Джулат, без сомнения, являлся центром керамического производства. Здесь были исследованы два горна для обжига керамики. Один горн находился на территории шахристана. От него сохранилась часть пода, которая представляла тщательно выровненную глинобитную площадку со следами длительного воздействия высокой температуры (в глубину площадка

прокалена до бурого цвета на 4 см). Точные размеры пода не установлены, так как он в значительной мере разрушен. Сохранившаяся длина его – около 110 см, ширина – 65 см. Над подом и вокруг него зарегистрированы мощные скопления (до 40 см) пережженной до охристого цвета земли, прокаленной турлучной обмазки со следами прутьев, золы (местами он ярко-белого цвета), керамических и железных шлаков, керамического брака, расплавленных кирпичей и т.д.

Здесь же, вблизи остатков горна выявлен слой чистого крупнозернистого привозного песка мощностью до 20–25 см, в котором содержалось большое количество красноглиняных черепков золотоордынского времени. Обилие и характер находок вокруг пода, неоспоримо свидетельствуют об использовании в керамическом производстве усовершенствованных высокопроизводительных горнов. Отмеченный горн стратиграфически и находками вблизи него ориентировок датируется в пределах середины – второй половины XIV в.

Другой горн находился на территории рабата. Печь имела прямоугольную форму (5,8 x 4,0 м) и была ориентирована по меридиональной оси. От нее осталась только нижняя часть котлована топочной камеры. Стенки и дно котлована были сильно прокалены. С южной стороны находился проем шириной 1 м и длиной 1,2 м. К нему примыкала круглая в плане предтопочная яма. Диаметр ее 1,8 м.

Керамика является наиболее массовым материалом раскопок. Весь массив керамики делится на две большие группы. I группу составляют красноглиняные сосуды, относящиеся к золотоордынскому периоду. Во II группу выделены фрагменты сосудов серого, черного и бурого цветов, изготовленных из слабо отмученной глины и имеющих неравномерный обжиг. Весь массив керамики II группы относится к домонгольскому периоду.

Керамику I группы (рис. 46–47) составляют фрагменты тонкостенных гончарных сосудов охристо-красного цвета, изготовленные из хорошо отмученной глины без примесей. Особенно отчетливо такие сосуды выделяются от керамики II группы высококачественным обжигом, что указывает на применение весьма усовершенствованных горнов, которые обеспечивали высокую температуру и равномерный сквозной прокал стенок сосуда. Украшались сосуды I группы чаще всего желобковым и нарезным линейным или волнистым орнаментом, зачастую в сочетании с лощеными полосами. В общей массе керамики I группы фрагменты, украшенные этим приемом, составляют 20 процентов. Чаще всего линейно-волнистые желобки и нарезы покрывали плечи сосудов в горизонтальном направлении, а лощеные полосы – вертикально или слегка наклонно. Но немало экземпляров, покрытых и решеткой (сочетание вертикальных и наклонных) лощеных полос. Зато фрагменты с рельефными валиками, окружающими плечики сосудов, составляют всего лишь 2,5 процента. Также относительно немногочисленны черепки, украшенные насечками-нарезами, зубчатым штампом, хотя они, кажется, имеют более широкое распространение, чем фрагменты с рельефными валиками. В целом, следует отметить, что орнаментированные экземпляры керамики I группы составляют не менее 22 процентов. Таким образом, многочисленность орнаментированных фрагментов, наряду с отмеченными признаками, является еще одной характерной особенностью этой группы. Аналогии I группе керамики представлены в золотоордынских слоях многочисленных городищ и поселений Нижнего Поволжья и Северного Кавказа (конец XIII–XIV вв.) (Волков, Зиливинская, 1996; Федоров-Давыдов, 2001; Курочкина, 2006; Зеленева, Курочкина, 2009). На цитадели Нижнего Джулата подобная керамика обнаружива-

ется только в верхнем слое (1–6 штыки), на шахристане она встречается во всех культурных напластованиях, толщина которых составляет 120–140 см.

Несмотря на указанные различия, часть керамики I группы по ряду признаков (характер орнамента, насечки по венчику, пальцевидные вдавлины на плоских ручках, а иногда и форма сосудов) имеет общие черты с керамикой II группы, что указывает на их определенную генетическую преемственность.

Кроме указанных групп керамики, здесь найдены немногочисленные фрагменты сосудов с голубой и зеленой поливой. Некоторые из них покрыты рельефными умбоновидными налечами или подглазурной росписью. Фрагментов сосудов из кашина обнаружено всего 4 экземпляра. Все эти обломки поливных и фаянсовых сосудов, не характерны для аланских городищ и несомненно относятся к золотоордынскому времени. Немногочисленность их, казалось бы, говорит о привозном характере такой посуды. Но от такого вывода заставляют воздержаться неоднократные находки заготовок пряслиц и кирпичей с поливой; причем в числе последних имеются экземпляры, поверхность которых поливой залита случайно. Скорее всего на Нижнем Джулате имело место изготовление поливной керамики, хотя и в ограниченном количестве, для местного использования.

На Нижнем Джулате также существовали металлургические и металлообрабатывающие мастерские, которые располагались в шахристане города. Об этом свидетельствует необычайно большое количество железных шлаков, расплавленных кирпичей и глины, мощные скопления пережженной земли, наряду с относительной многочисленностью железных предметов (ножи, стрелы, кольца и др.). Следует подчеркнуть, что такое обилие железных шлаков и металлических предметов не характерно для раннесредневековых слоев городищ Центрального Предкавказья, в том числе и для цитадели Нижнего Джулата. По всем признакам, в золотоордынское время несравненно усовершенствовалась техника металлургического производства по сравнению с аланским периодом. Также весьма примечательны находки многочисленных обломков чугуна, который появляется только в золотоордынское время.

На городище найдены также многочисленные костяные предметы, изготовленные, без сомнения местными мастерами (рис. 49). Представлены они несколькими трубками-игольницами с полированной поверхностью (некоторые сплошь окольцованы желобчатыми линиями); трубчатыми сливами – сыппа (принадлежность детской люльки, бытующая у народов Северного Кавказа по сей день); костяными подтреугольными или трапециевидными с костяными пластинами, с овальными отверстиями (застежки от пут для конской сбруи) и др. Последние имели широкое распространение у кочевников Сибири и Восточной Европы начиная с VI–VIII вв. и позже (Федоров-Давыдов, 1966. С. 21. Рис. 2–3; Степи..., 1981. С. 122. Рис. 19. С. 130. Рис. 24).

О ткачестве свидетельствуют находки различных пряслиц, причем часть из них изготовлена из стенок сосудов I группы, а поверхность некоторых залита голубой поливой. Это дает возможность говорить о дальнейшем развитии прядения и ткачества в золотоордынский период.

Наличие явно импортных предметов, не характерных для производства Центрального Предкавказья, а также нумизматический материал позволяет сделать некоторые выводы о торговых связях Нижнего Джулата. К импортам можно отнести фрагменты сосудов из кашина с подглазурным орнаментом и обломок штампованной керамики. О торговле, причем денежной, свидетельствуют находки нескольких монет. Некоторые из них чеканены в в Крыму и в Сарае.

Основу хозяйства жителей Джулата, как в домонгольский, так и в золотоордынский период составляли земледелие и скотоводство. Более того, судя по увеличению количества и габаритов зерновых ям-хранилищ, доля земледелия постоянно возрастала. Важно отметить, что, кроме значительного количества остатков проса (чаще всего обгорелых), в жилище на шахристане обнаружено несколько полуобгорелых зерен пшеницы. Следует полагать, что вслед за просом, в XIV в. пшеница стала одной из основных земледельческих культур. Анализ обильного остеологического материала (определение В.И. Цалкина) показывает, что главное место в животноводстве занимал крупный рогатый скот, а затем коневодство и мелкий рогатый скот (Чеченов, 1967. С. 147). Примечательно, что костей свиньи, которых в раннесредневековых слоях цитадели Нижнего Джулата найдено значительное количество, в верхних слоях цитадели и на шахристане обнаружено очень мало, что, вероятно, следует объяснять распространением ислама.

Основным объектом охоты в золотоордынский период оставался благородный олень. В то же время исчезает охота на кабана и косулю.

Таковы основные результаты исследований одного из крупных золотоордынских городов Северного Кавказа. В домонгольский период Нижний Джулат входил в систему поселений, которая имеет многовековую земледельческую традицию и, по всем признакам, накануне установления господства Золотой Орды являлась наиболее развитым земледельческим районом Центрального Предкавказья. В результате опустошительного нашествия татаро-монголов жизнь в большей части этих поселений Центрального Предкавказья, окончательно заглохла. Но некоторые населенные пункты, расположенные вблизи пересечения важнейших военно-торговых путей из Закавказья в Восточную Европу и из Приазовья и Восточного Причерноморья в Дербент, довольно быстро оправались от татаро-монгольского погрома и превратились в крупнейшие ремесленно-торговые центры края. К числу таковых и относятся городища Верхний Джулат (Татартуп), Нижний Джулат, Терекское, Хамидиевское и др. Золотоордынцы не только не воспрепятствовали возрождению, но объективно и способствовали их дальнейшему росту, поскольку эти поселения представляли для них опорные пункты в деле дальнейшего подчинения непокорного горского населения. В частности, эти пункты являлись и очагами идеологического воздействия на местное полуязыческое-полухристианское население: отсюда распространялось мусульманство.

В условиях подъема ремесленного производства и усиления торговых связей, сельское хозяйство, имеющее здесь глубокие традиции, в золотоордынский период получает дальнейшее развитие. Именно этим следует объяснять, что зона указанных городищ к XIV в. превратилась в один из крупнейших земледельческих районов Северного Кавказа. И под «областью Джулат», где в 1395 г. 200-тысячная армия Тамерлана «запаслась провизией из тамошних зерновых продуктов», следует подразумевать именно этот район. О том, что в XIV вв. центром его мог являться Нижний Джулат, свидетельствует не только идентичность названий и соответствующий археологический материал, но и выгодное природно-географическое положение его, как относительно указанной системы городищ, так и всего Центрального Предкавказья.

Следует полагать, что после нашествия Тамерлана и дальнейшего развала Золотой Орды, Нижний Джулат, как и вся «область Джулат», быстро пришел в упадок и градостроительство в Центральном Предкавказье прекратилось до нового времени.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

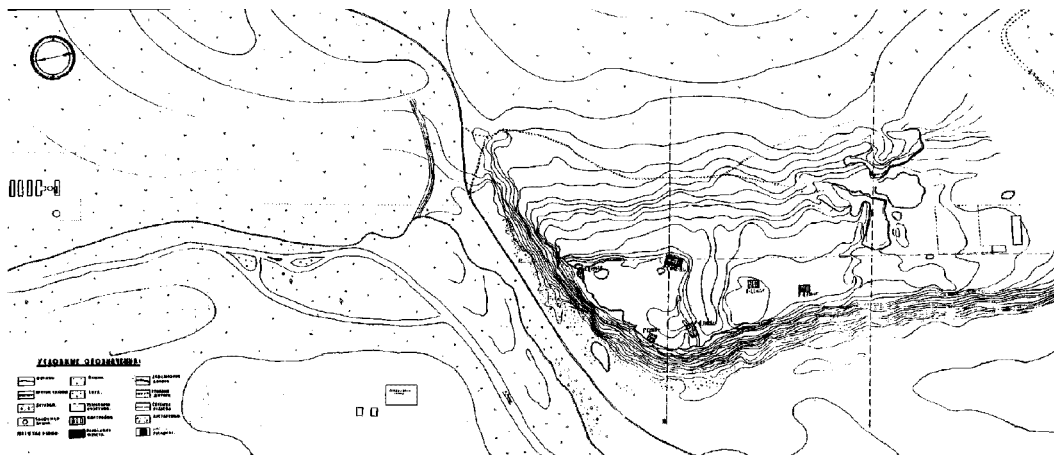

Рис. 1. Топоплан городища Нижний Джулат.

Рис. 2. Нижний Джулат, цитадель, вид с запада.

Рис. 3. Западный склон «шахристиана».

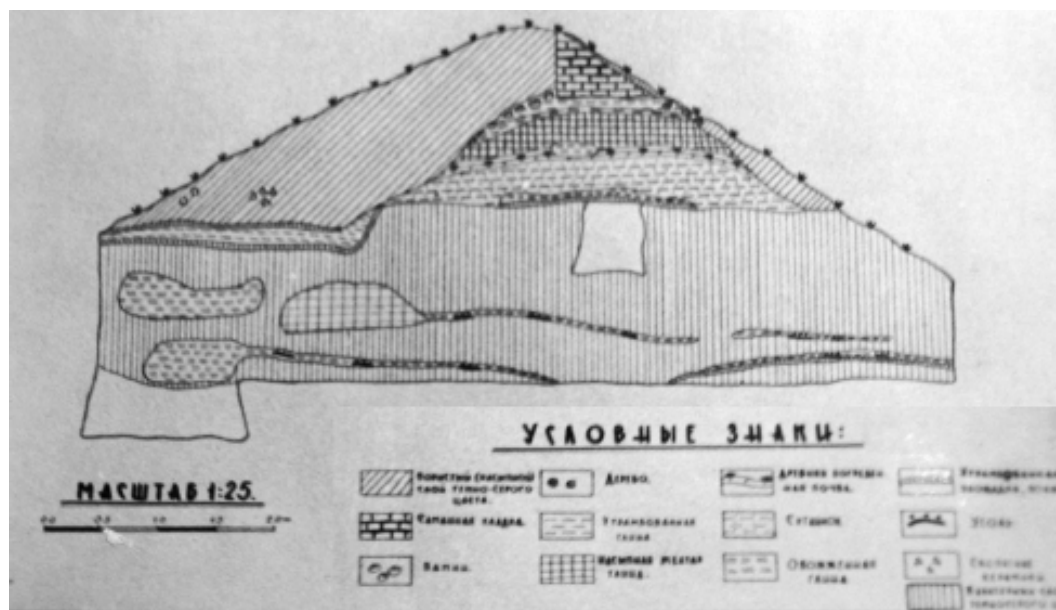

Рис. 6. Разрез вала.

Рис. 7. Сырцы из стены вала.

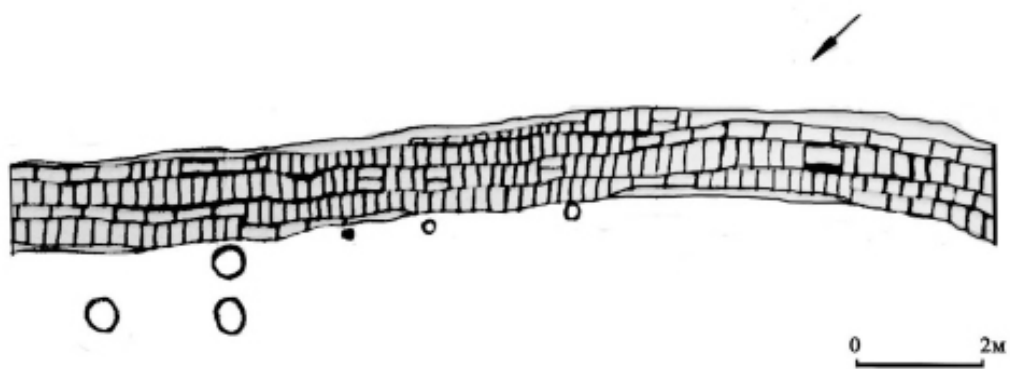

Рис. 8. План раскопанного участка вала.

Рис. 9. Общий вид вала.

Рис. 10. Завал кирпичей у основания сырцовой стены.

Рис. 11. Сырцовая стена на земляном валу.

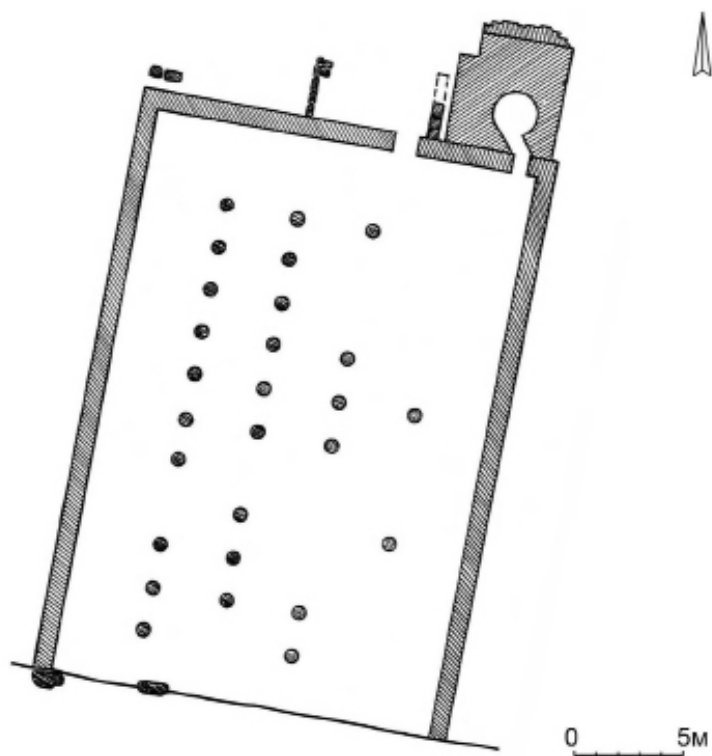

Рис. 12. Мечеть Нижнего Джулата, общий план.

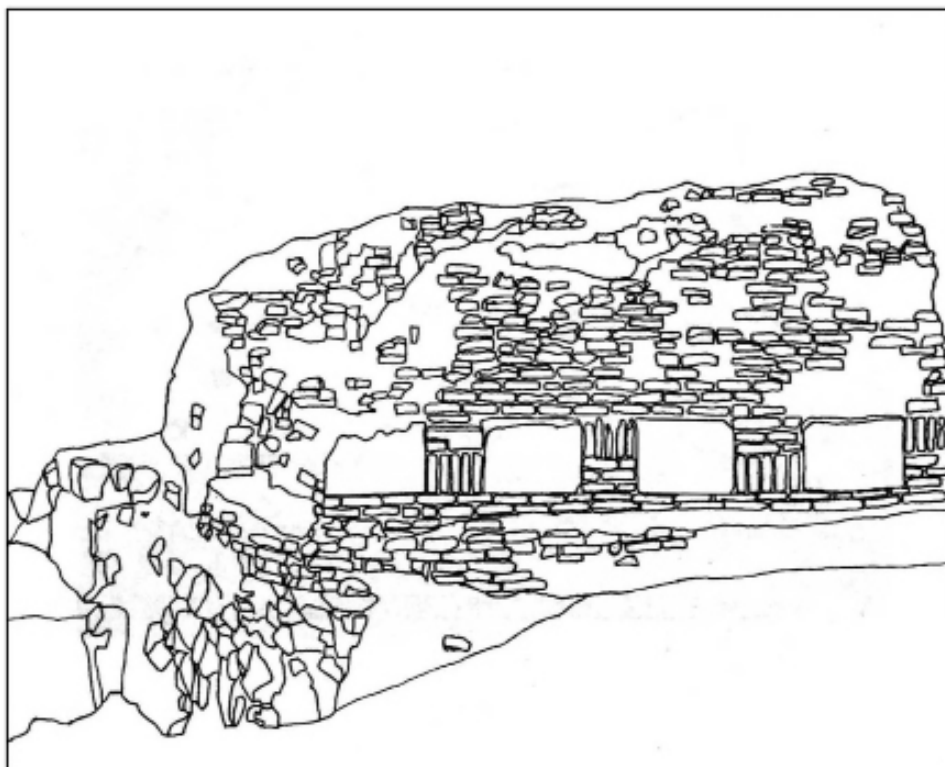
Рис. 13. Северная часть мечети с порталом и основанием минарета.

Рис. 14. Фундамент стены мечети.

Рис. 15. Колонный зал мечети.

1

2

Рис. 16. Минарет Нижнего Джулата, цоколь: 1– вид сбоку; 2 – фотография.

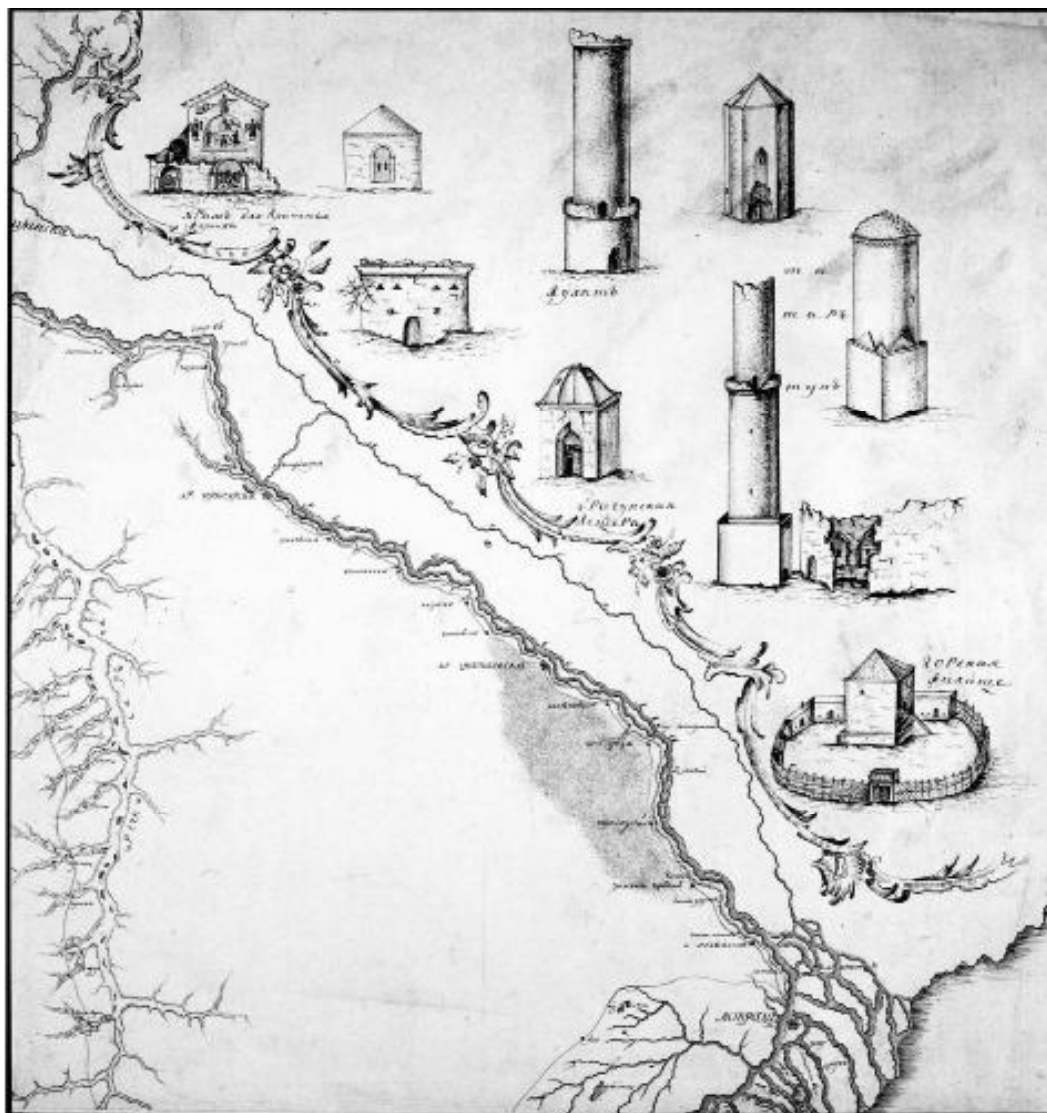

Рис. 17. Изображение минаретов Верхнего и Нижнего Джулатов на карте, составленной подполковником Штедером в конце XVIII в.

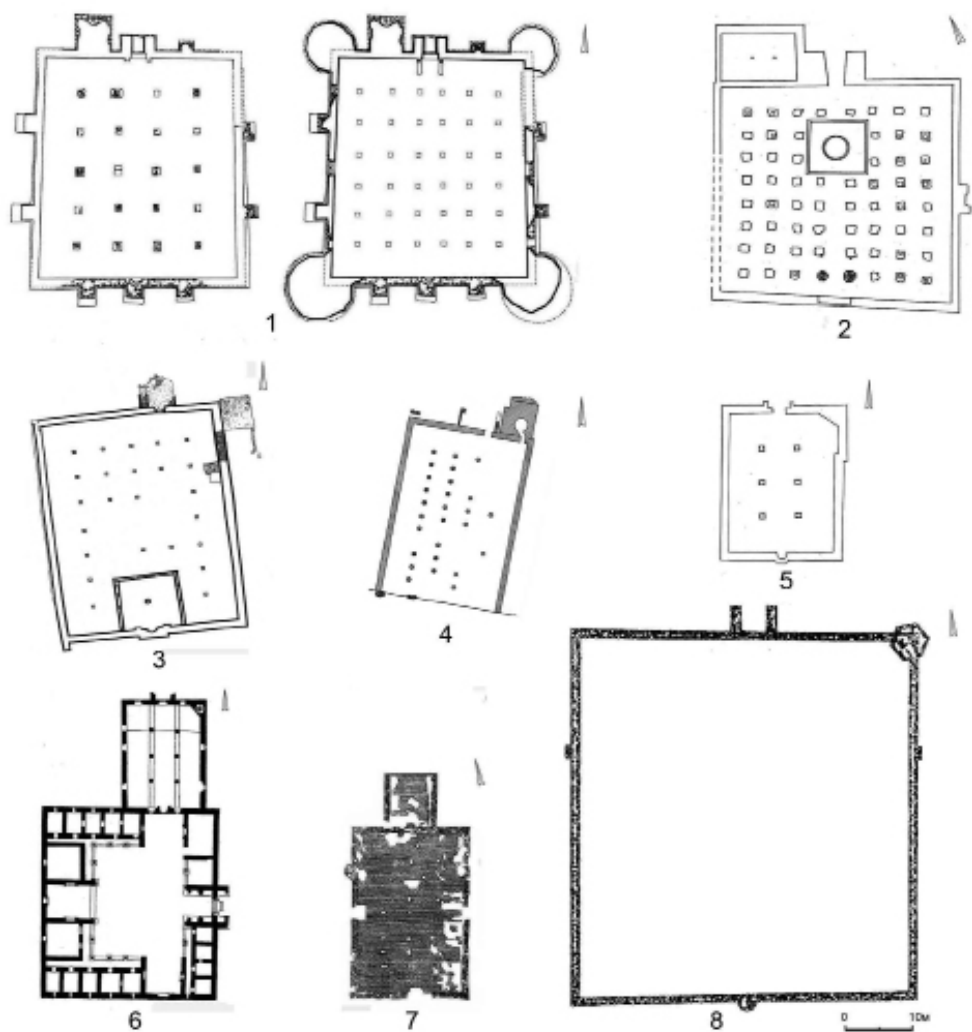

Рис. 18. Мечети Золотой Орды базиличной планировки: 1- Болгар I и II периоды;
 2 – Селитренное городище; 3 – Водянское городище; 4 – Нижний Джулат;
 5 – «Бейбарса» в Солхате; 6 – мечеть и медресе Узбека в Солхате;
 7 – на Кучугурском городище; 8 – в Старом Орхее.

1

2

3

4

Рис. 19. Минареты Малой Азии сельджукского периода:
1 – мечеть Алаеддин Джами в Нигде 1223 г.; 2 – Ивли-минар в Анталье 1220 г.;
3 – минарет Большой мечети в Сивасе; 4 – Минареты Гёк-медресе в Сивасе 1271 г.

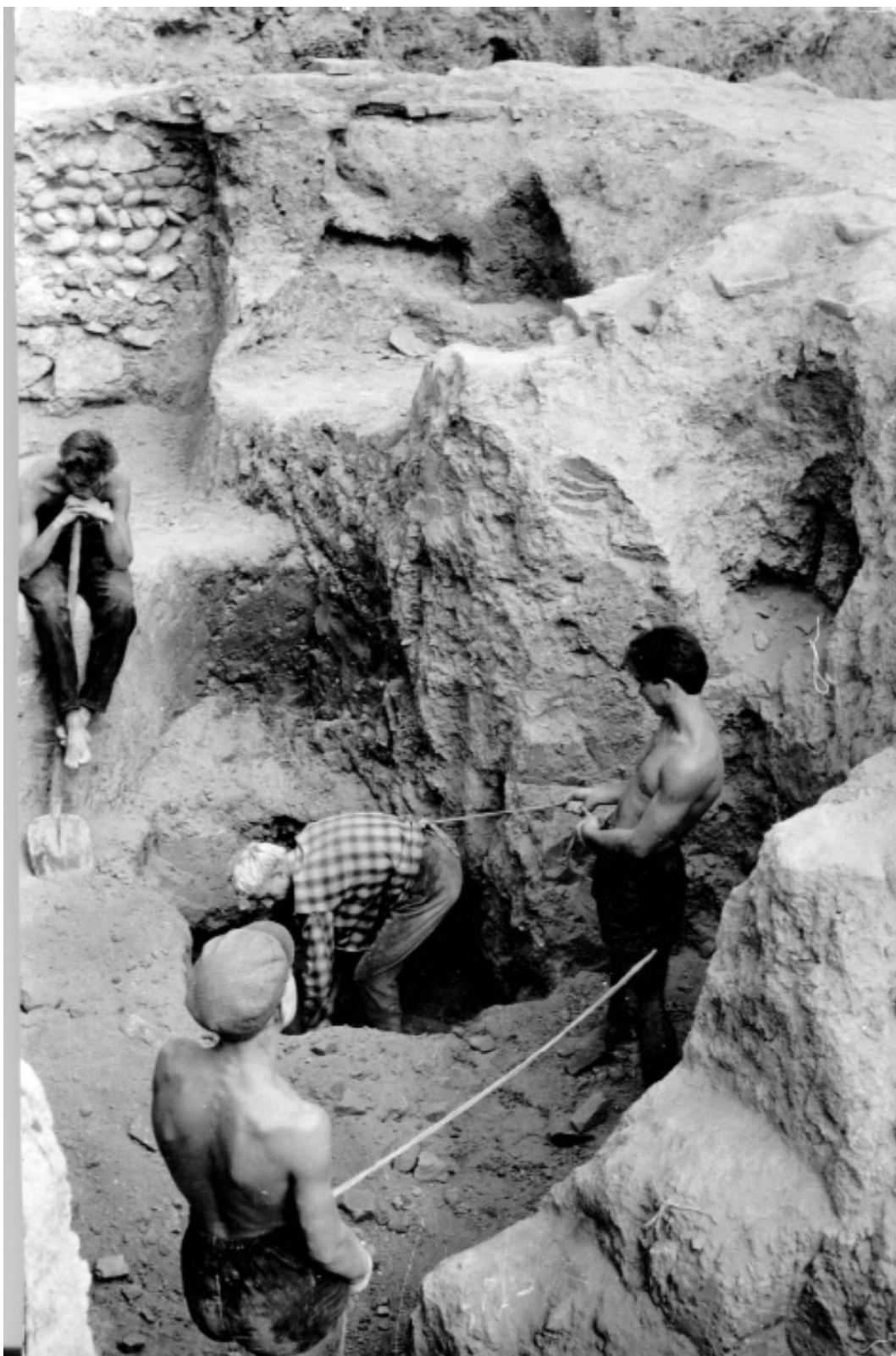

Рис. 20. Раскопки входа в склеп.

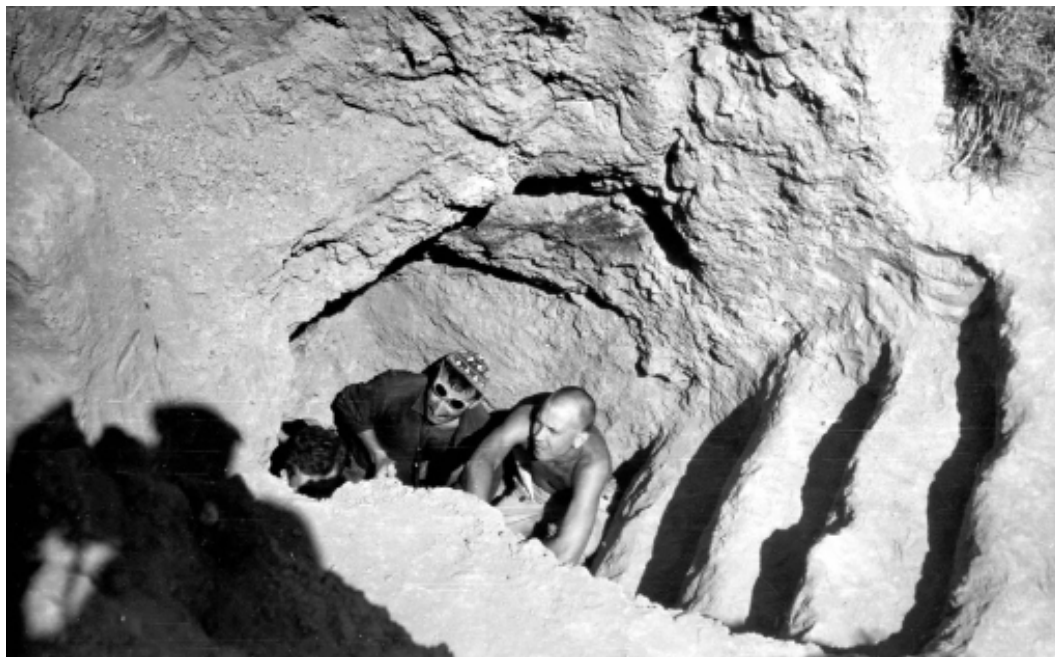

Рис. 21. Ступени входа в склеп.

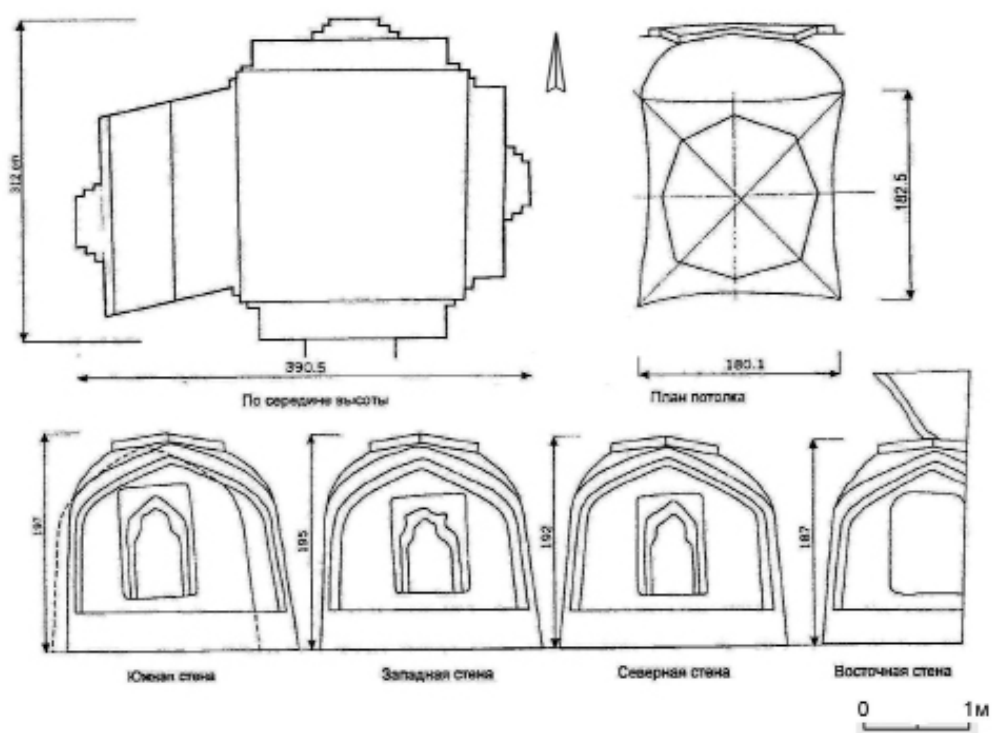

Рис. 22. Склеп в Нижнем Джулате, план и фасы стен (чертеж О.Т. Кретьова).

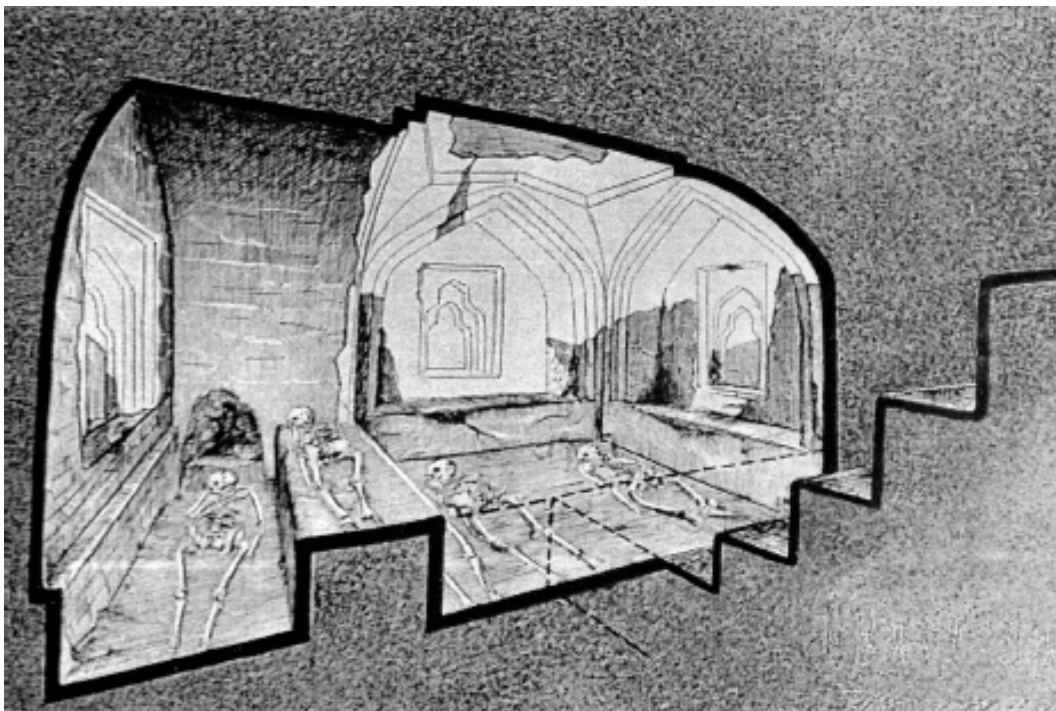

Рис. 23. Склеп в Нижнем Джулате, вид с востока (рис. О.Т. Кретьова).

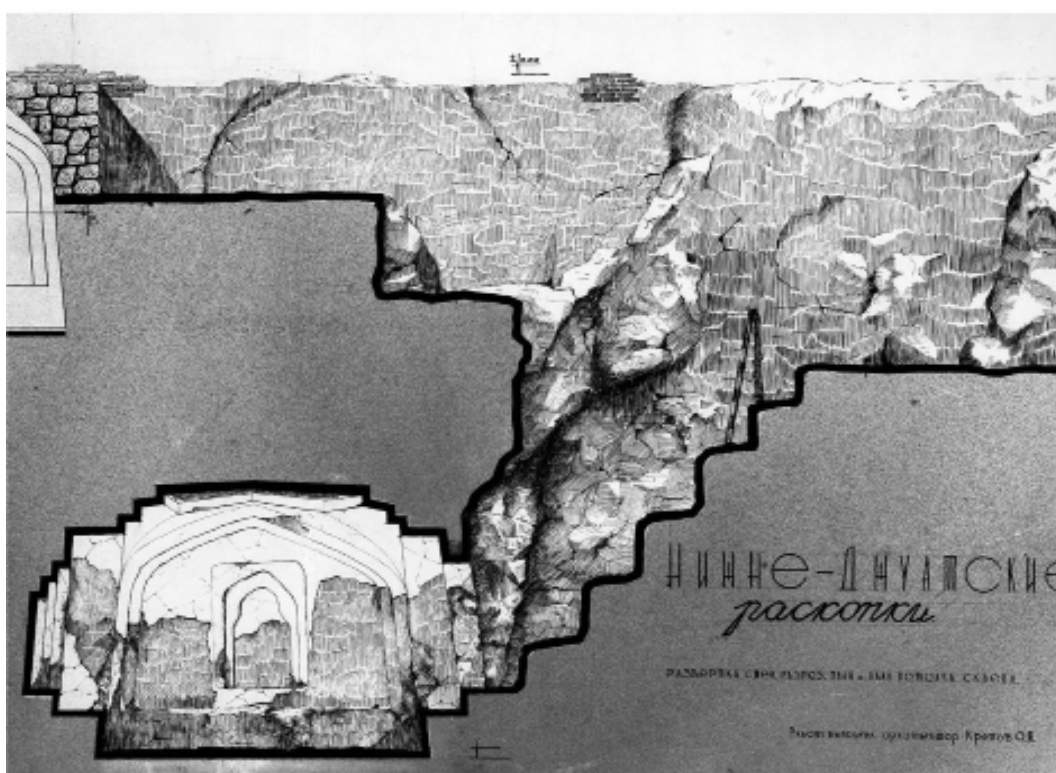

Рис. 24. Склеп в Нижнем Джулате, вид с юга (рис. О.Т. Кретьова).

Рис. 25. Склеп в Нижнем Джулате, вид с севера (рис. О.Т. Кретьова).

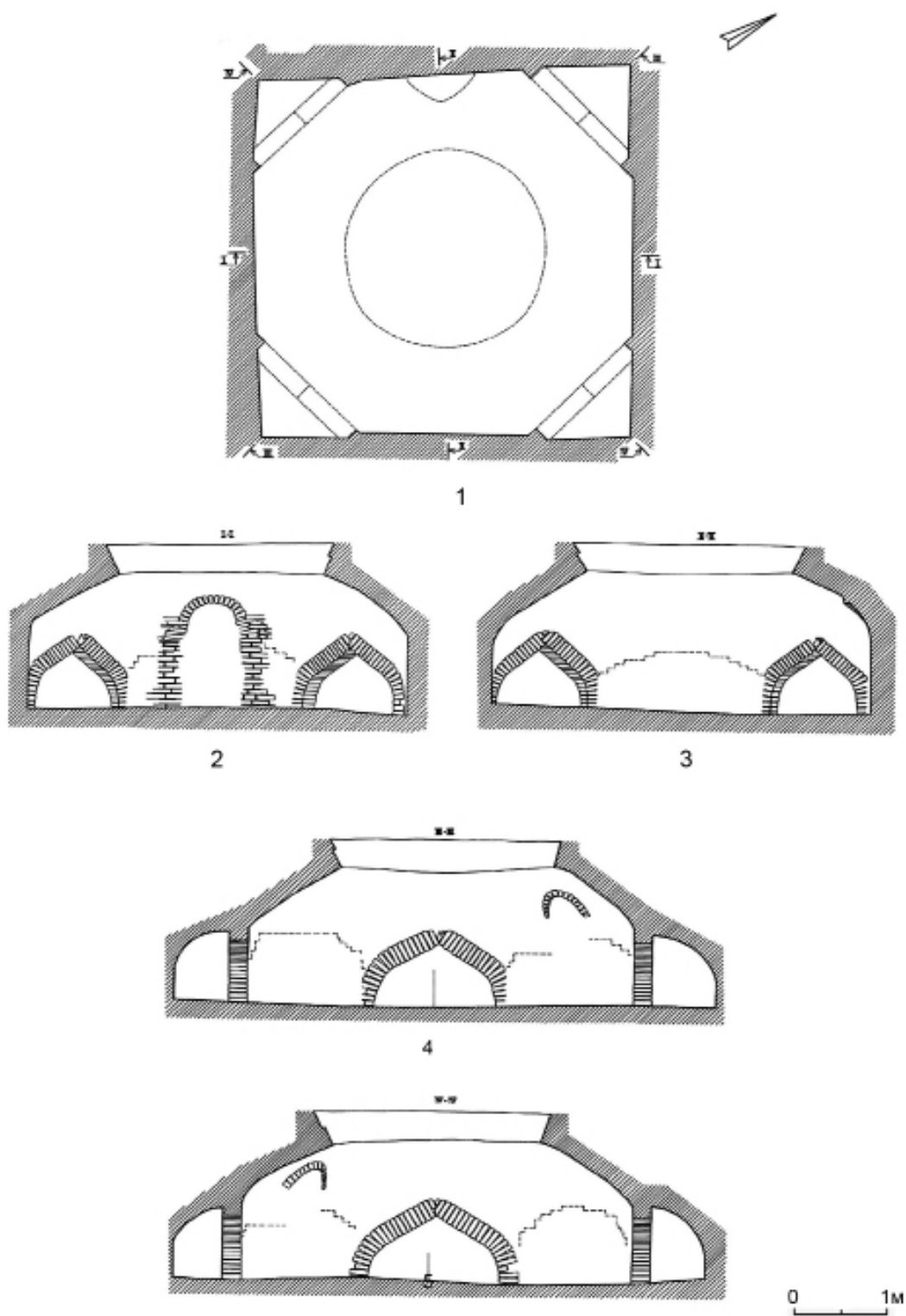

Рис. 26. Склеп на Селитренном городище:
1 – план; 2–5 – разрезы (по В.Г. Рудакову и Л.Д. Мазур, 2011).

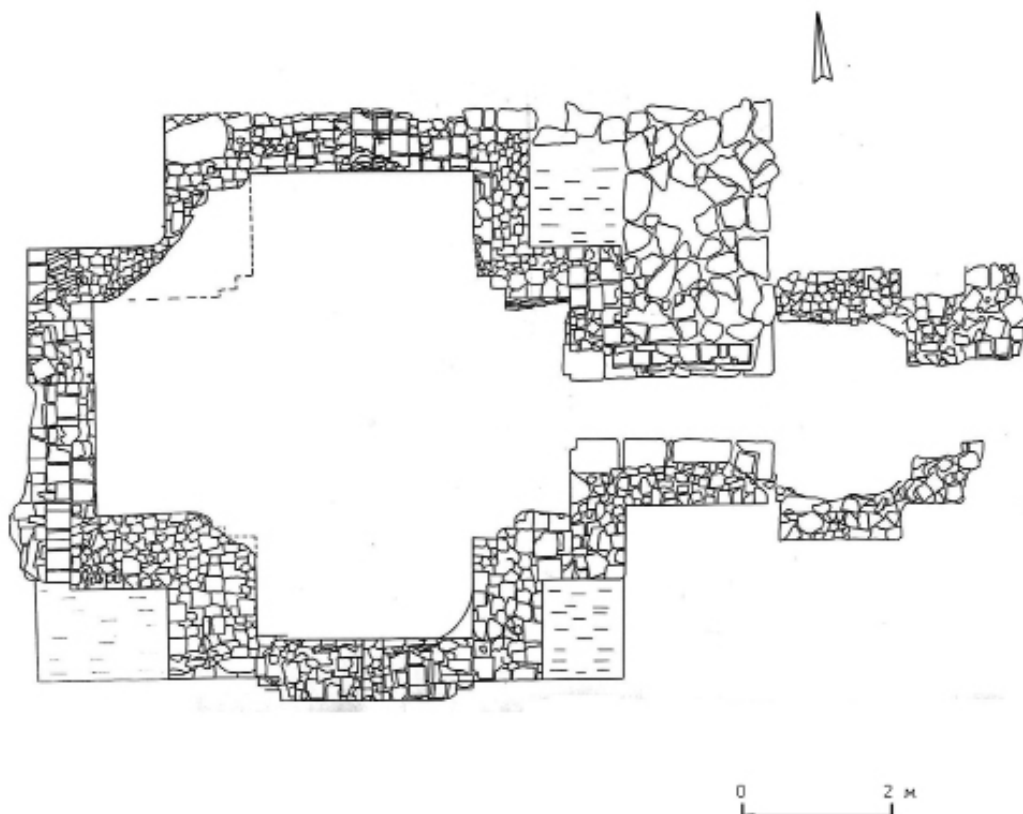

Рис. 27. Склеп большого мавзолея в Мохши (по А.Е. Алиховой).

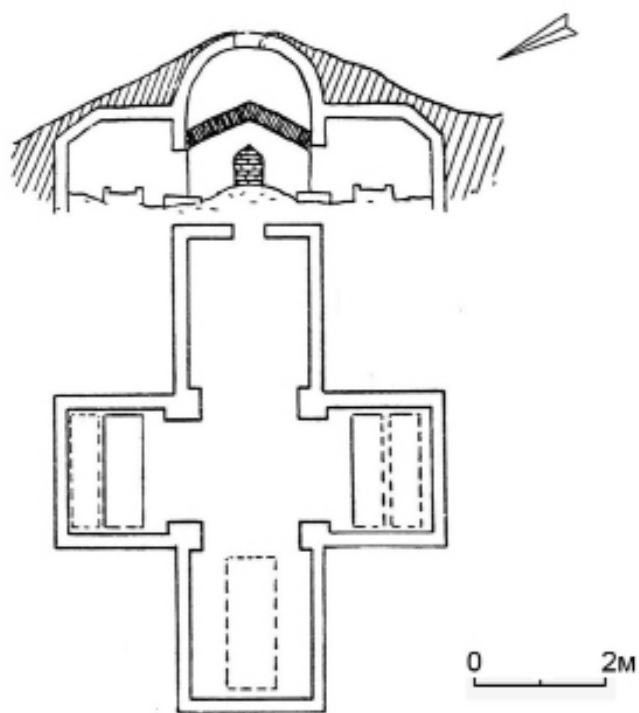

Рис. 28. Разрез и план склепа на кладбище Пакир-Ших в Туркмении (по С.П. Полякову, 1973).

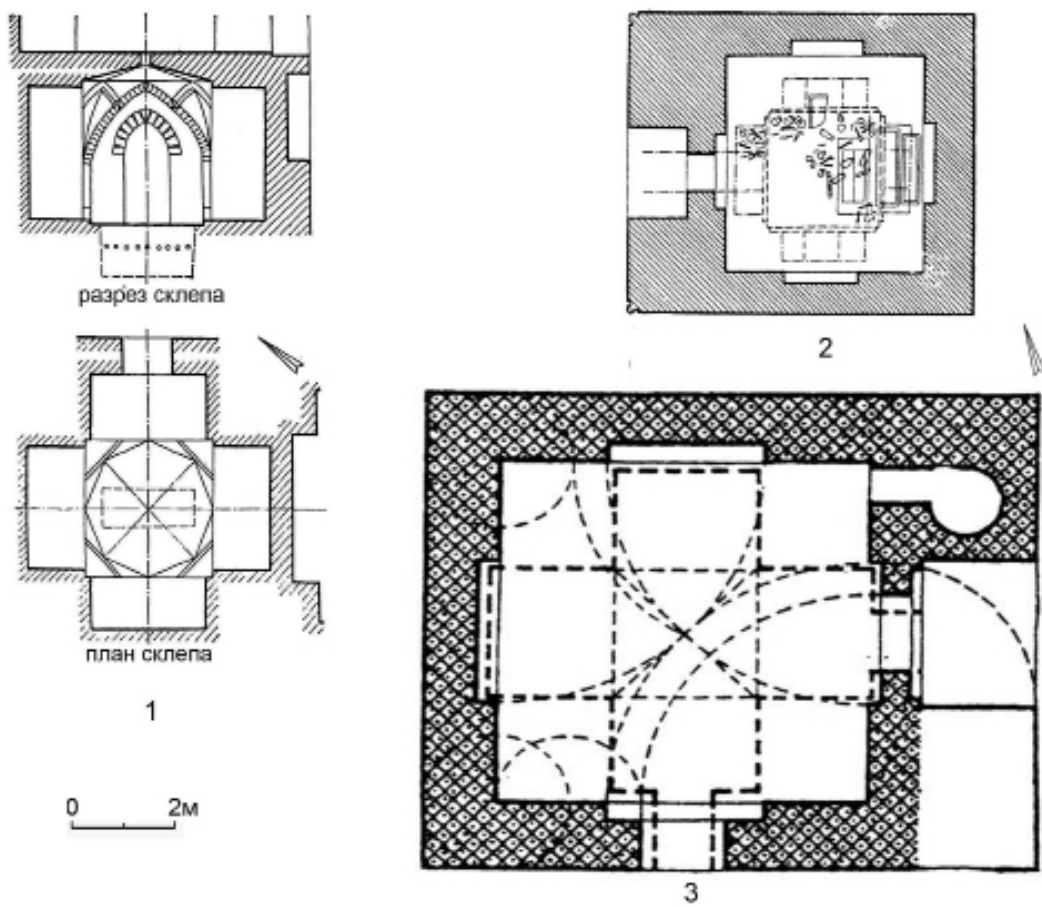

Рис. 29. Мавзолеи некрополя Шах-и Зинда со склепами крестового плана:
 1 – разрез и план склепа двухкупольного мавзолея; 2 – мавзолей Ширинбек-ака;
 3 – мавзолей эмира Бурундука (по Н.Б. Немцовой и Ю.З. Шваб, 1979).

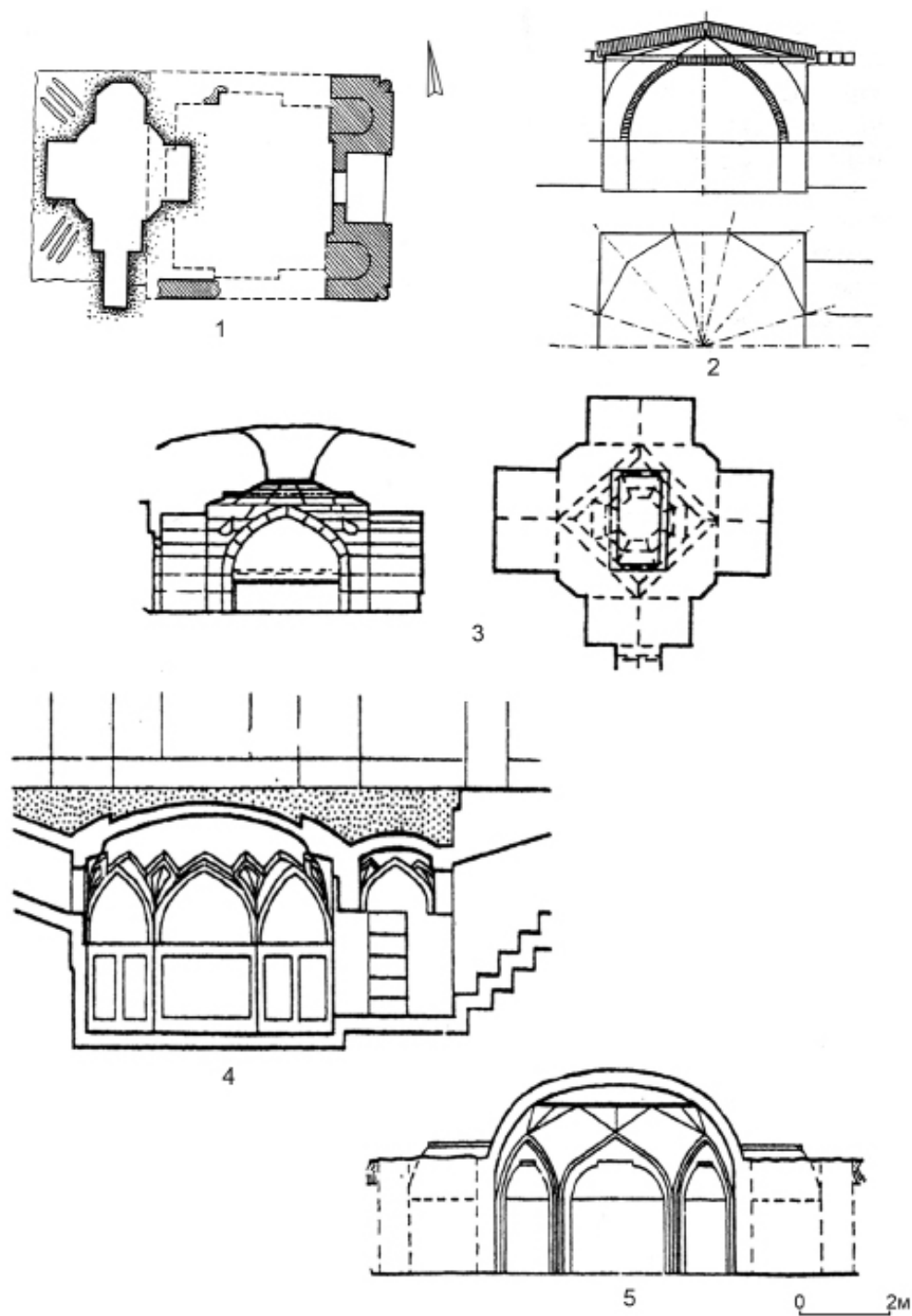

Рис. 30. Склепы крестового плана: 1 – Шах-и Зинда, мавзолей «Безымянный 2»;
2 – склеп мавзолея Гур-Эмир в Самарканде; 3 – склеп Тимур в Шахрисябсе;
4 – склеп мавзолея Ишрат-хана в Самарканде; 5 – склеп мавзолея Барда в Азербайджане
(по Н.Б. Немцевой, Ю.З. Шваб, 1973, Л.С. Бретаницкому, 1966).

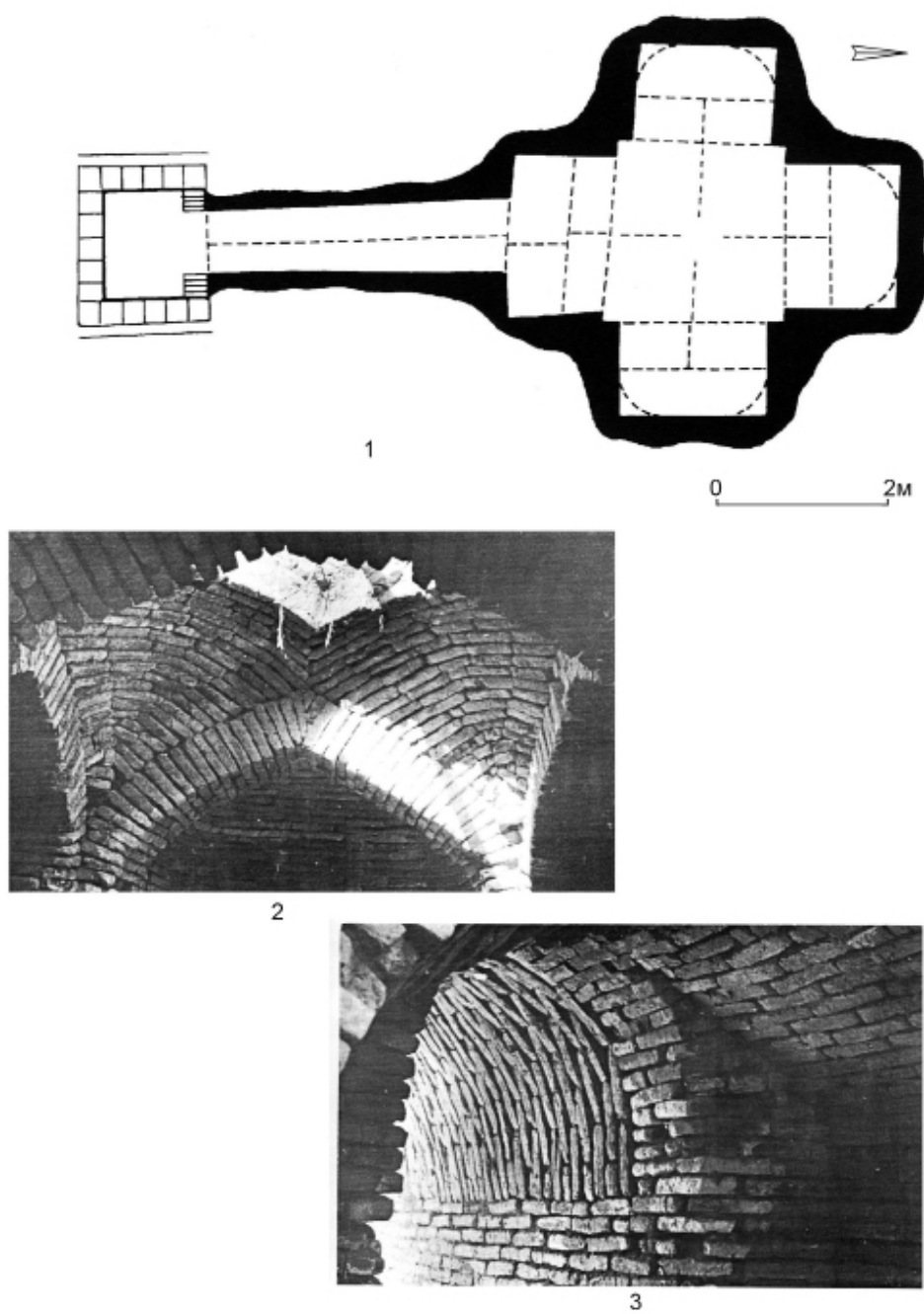

Рис. 31. Склеп в Сари Тале: 1 – план; 2 – купол; 3 – перекрытие входного коридора (по С.Г. Хмельницкому, 1996).

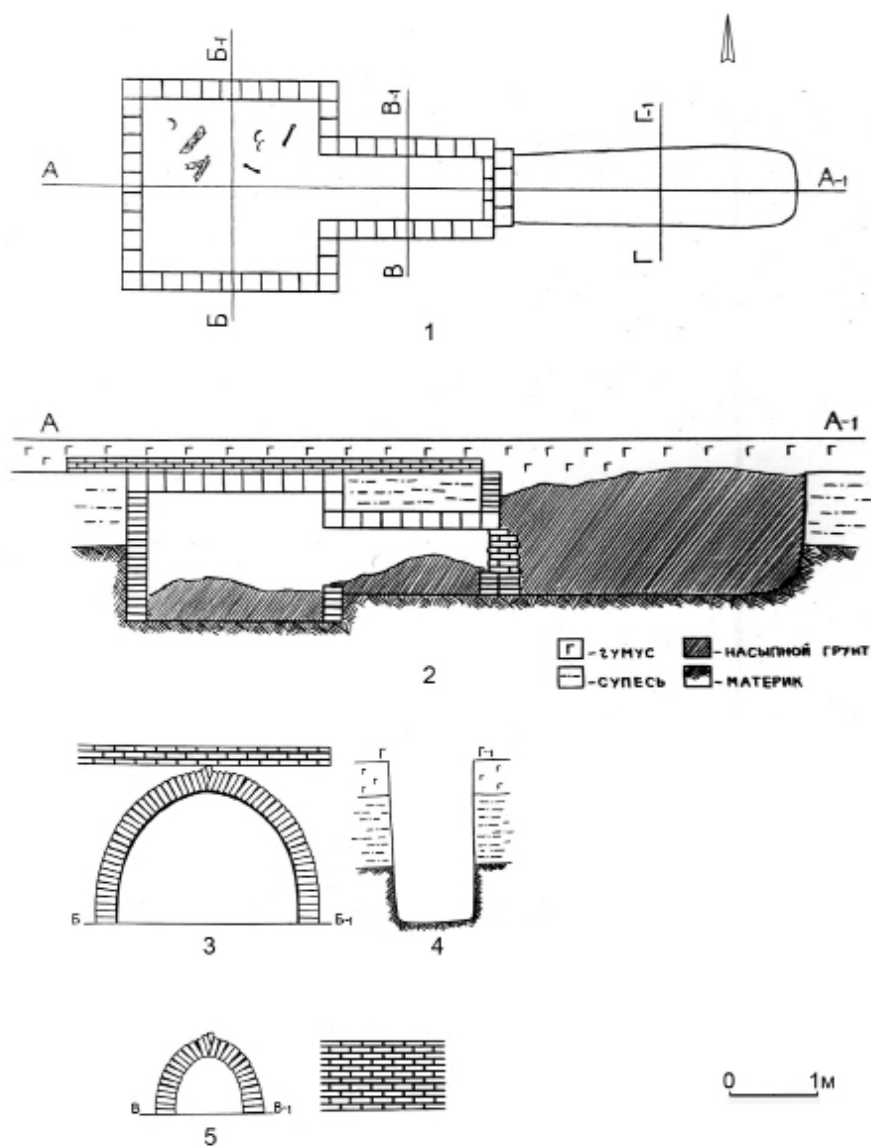

Рис. 32. Склеп у южной границы Нижнего Джулата: 1 – план; 2–5 разрезы (по В.М. Батчаеву).

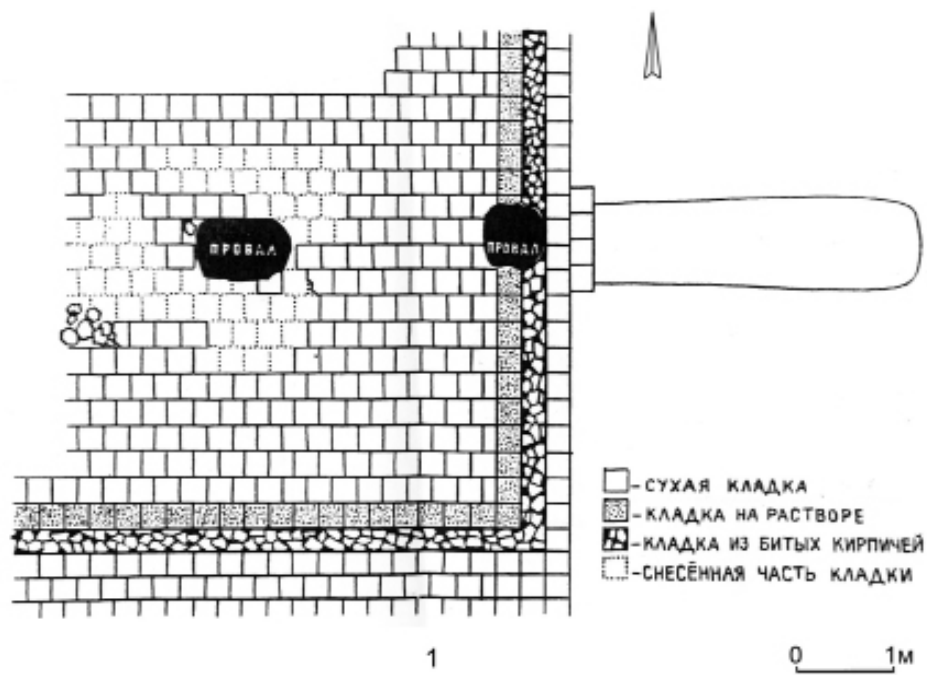

Рис. 33. Вымостка над склепом у южной границы Нижнего Джулата:
 1 – план; 2 – вид с запада (по В.М. Батчаеву).

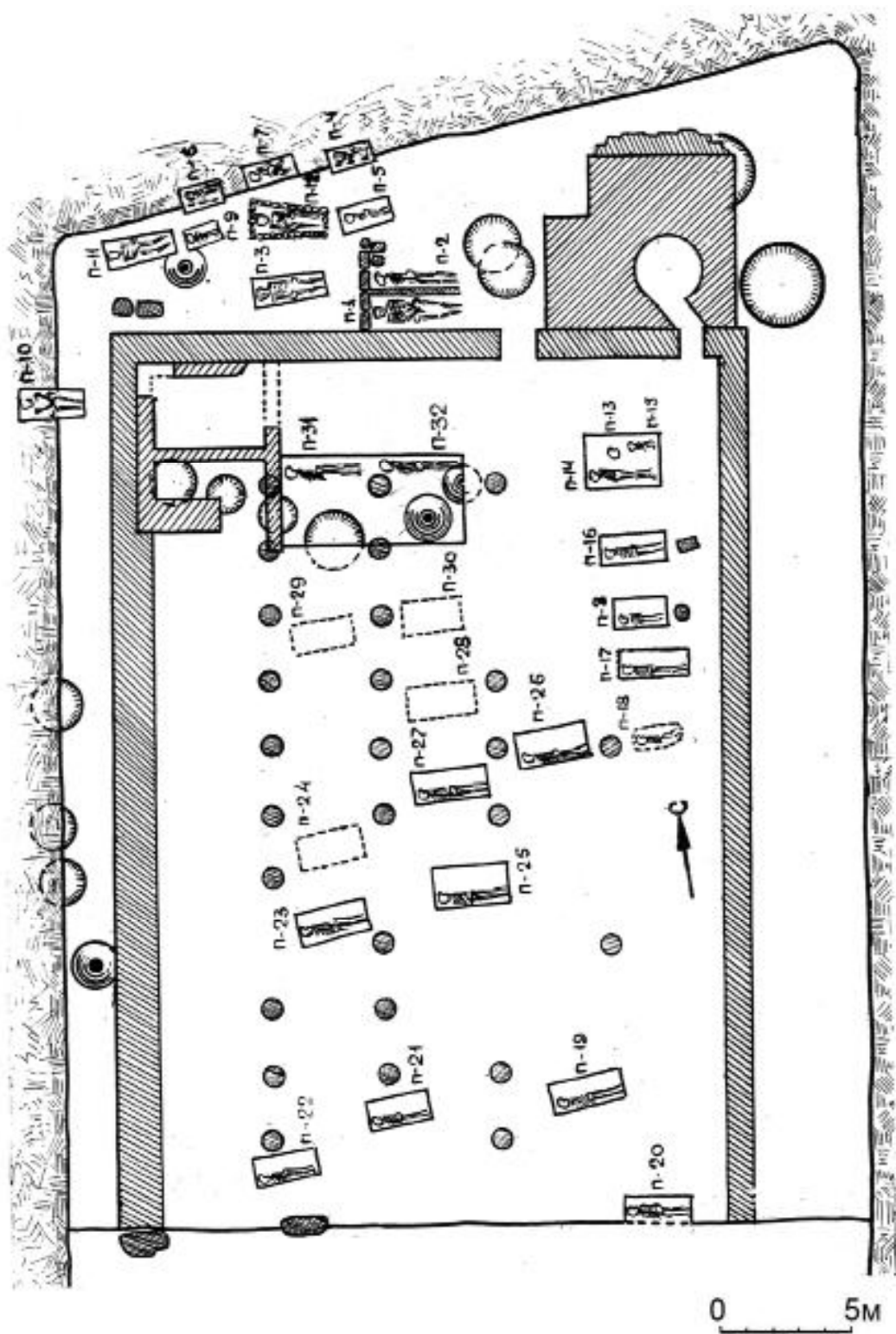

Рис. 34. План мечети с мавзолеем и погребениями.

Рис. 35. Погребение на территории шахристана.

Рис. 36. Погребение на территории шахристана.

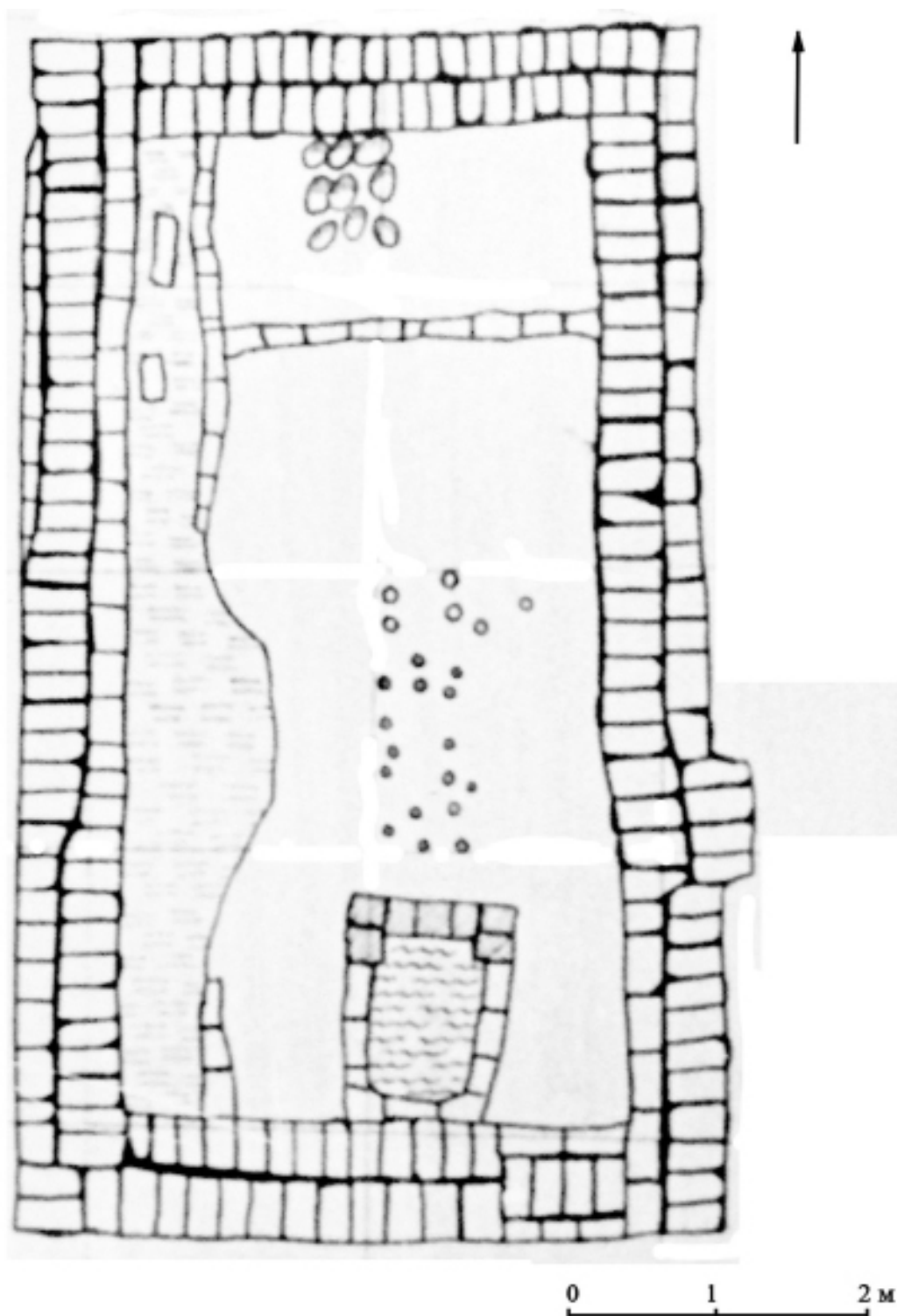

Рис. 37. План жилища № 1 в верхнем уровне.

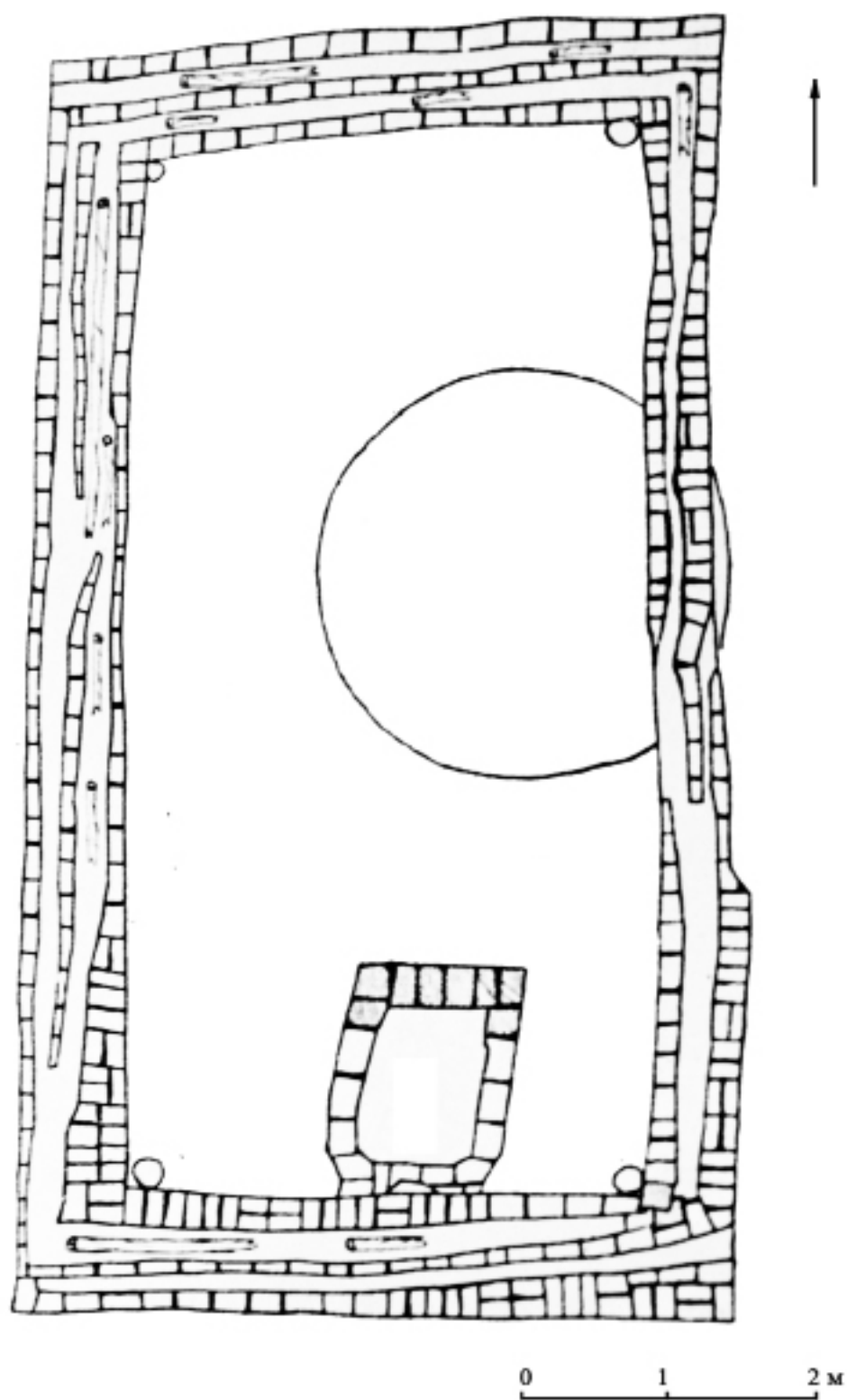

Рис. 38. План жилища № 1 в нижнем уровне.

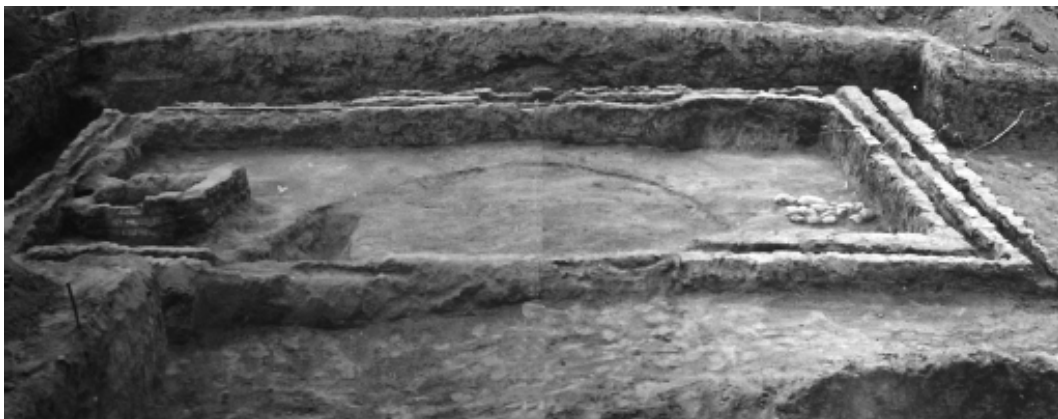

Рис. 39. Жилище № 1 в нижнем уровне, вид с севера.

Рис. 40. Печь жилища № 1.

Рис. 41. Жилище № 1 на уровне пола, вид с юга.

Рис. 42. Яма-погреб под жилищем № 1.

Рис. 43. Жилище № 2.

Рис. 44. Стенка суфы в жилище № 2.

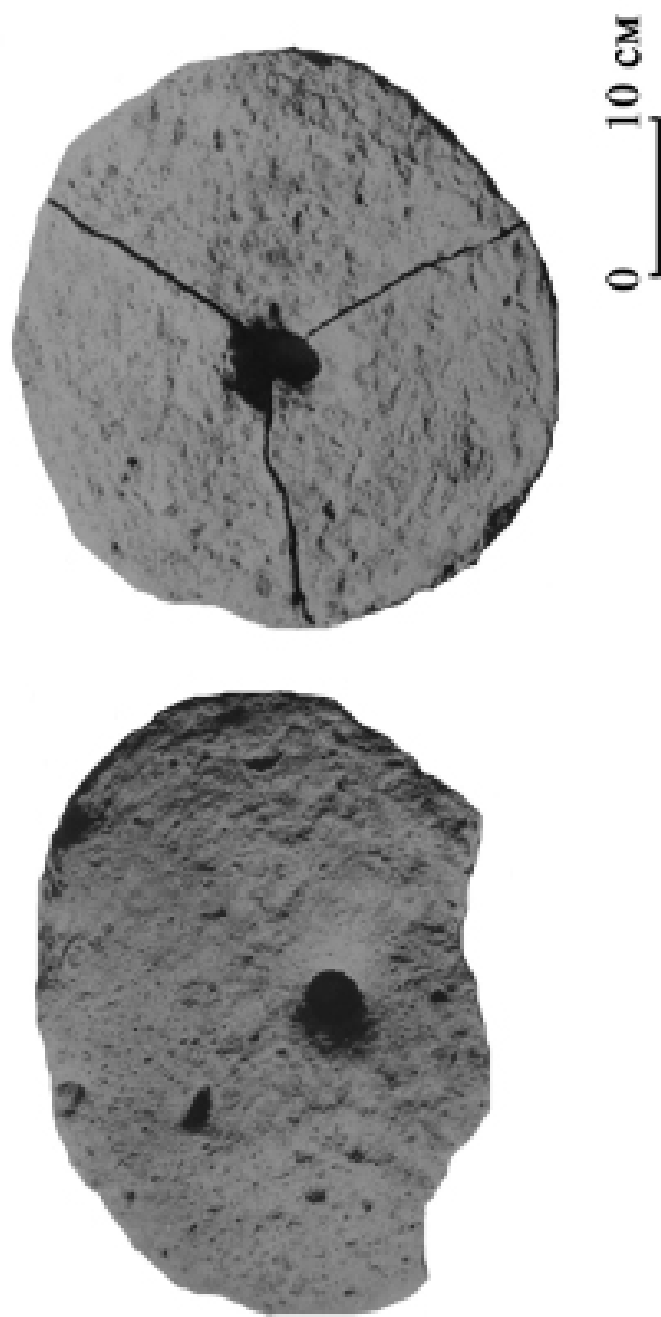

Рис. 45. Жернова ручной мельницы.

Рис. 46. Фрагменты керамики I группы.

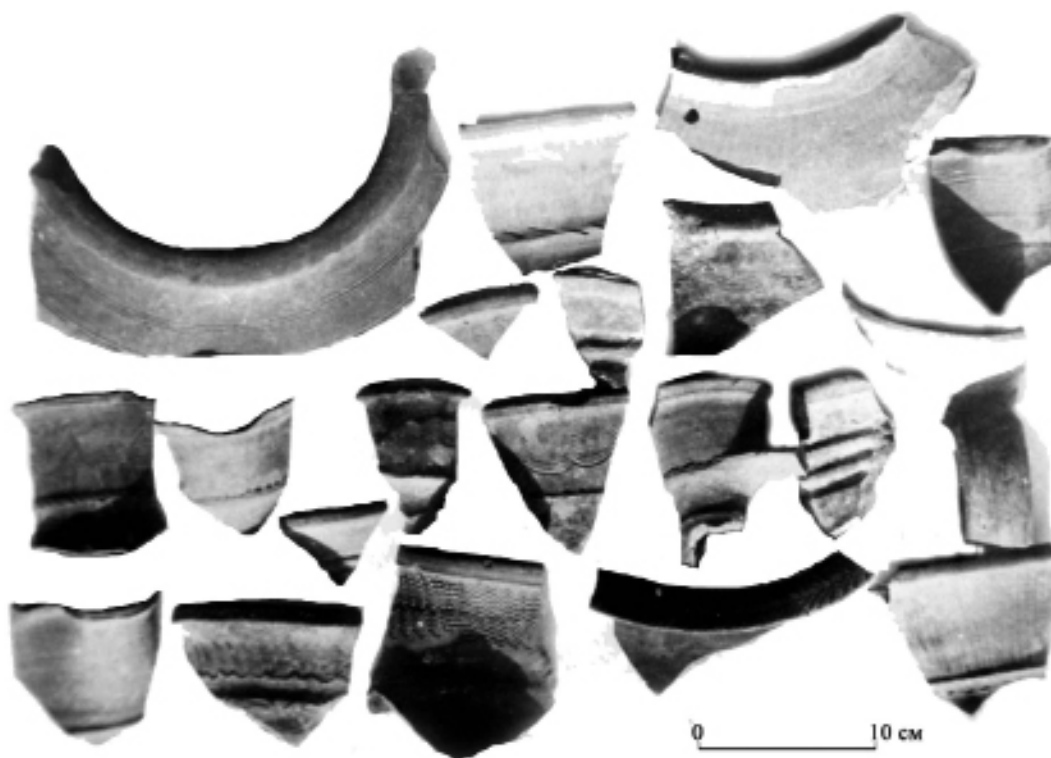

Рис. 47. Фрагменты керамики I группы.

Рис. 48. Костяные предметы.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972.
- Алексеев В.П. К краниологии населения равнинных районов Кабардино-Балкарии // Ученые записки КБНИИ. Т. XXV. Нальчик, 1967.
- Алихова А.Е. Отчет о раскопках Мордовской Наровчатской экспедиции в с. Наровчат Пензенской области в 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 2102.
- Алихова А.Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата // СА. 1973. № 2.
- Баллод Ф. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды // Татарская археология. 1998. № 2(3).
- Бисембаев А.А. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе, 2010.
- Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. и его место в архитектуре переднего Востока. М., 1966.
- Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007.
- Васильев Д.В. Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Археолого-статистическое исследование. Астрахань, 2009.
- Волков И.В., Зиливинская Э.Д. Керамическое производство и импорт в Маджаре // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения. Тез. докл. М., 1996.
- Джаберидзе Н.Ш., Цицишвили И.Н. Архитектура Грузии. М., 1976.
- «Дербент-наме» на языках народов Дагестана. Махачкала, 2012.
- Довженко В.И. Татарске місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього Середньовіччя // Археологічні пам'ятки УРСР. Киев, 1961. Т. 10.
- Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. М., 1970.
- Егоров В.Л. Золотоордынский город (причины возникновения, историческая география, домостроительство): автореферат дис. ... канд. истор. наук. М., 1973.
- Егоров В.Л. Мавзолеи Водянского городища // СА. 1980. № 1.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.
- Егоров В.Л. Города Руси и Золотой Орды в XIII–XIV вв. – общее и особенное // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М., 2000.
- Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
- Закарая П. Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969.
- Зеленев Ю.А., Курочкина С.А. Золотоордынский город Сарай-ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994–2000 гг.). Йошкар-Ола, 2009.
- Зиливинская Э.Д. Мечети Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998.
- Зиливинская Э.Д. Золотая Орда, как архитектурная провинция ислама: мечети Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Крыма // Archeologia abrahamica. М., 2009.
- Зиливинская Э.Д. Минареты Золотой Орды. РА. № 2. 2010.
- Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань, 2011.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Рудаков В.Г. Полуподземные погребальные сооружения в Золотой Орде // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2012. № 1 (30).
- Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА СССР. № 3. М.;Л., 1941.
- Ионе Г.И. Отчет об археологических раскопках КБНИИ в 1962 г. // Архив КБНИИ. № 1752.
- Ионе Г.И. Отчет о полевых археологических работах сектора археологии КБНИИ в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1 N 3395.

Кокиев Г. Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартуп и Дзулата // Записки Северо-Кавказского краевого научно-исследовательского института. Ростов н/Д., 1929. Т. II.

Крупнов Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР // Архив ИА РАН. Р-1. N. 163.

Кузнецов В.А. Отчет об исследовании средневековых катакомб у г. Орджоникидзе и кирпичного склепа у с. Эльхотово летом 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. N. 6120.

Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X–XV веках. Владикавказ, 2003.

Курочкина С.А. Керамика города Сарай ал-Джедид (Своеобразие керамического комплекса): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006.

Любимова Г.Н. Культовые постройки агульских селений горного Дагестана // Памятники культуры. М., 1961. Вып. 3.

Маньковская Л.Ю. Мемориальное зодчество Средней Азии // Художественная культура Средней Азии IX–XIII веков. Ташкент, 1983.

Маньковская Л., Булатова Л. Памятники зодчества Хорезма. Ташкент, 1978.

Милорадович О.В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // МИА СССР. № 114. М., 1963.

Нарожный Е.И. К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шах-и Зинда. Ташкент, 1979.

Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. О Ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА. 1974. № 2.

Пигарев Е.М. Погребения в склепах гурхана Селитренного городища (по материалам раскопок 2004–2005 гг.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II.

Плахов В.В. Отчет о раскопках мавзолея XIV в. у пос. Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12519.

Плахов В.В. Раскопки у пос. Комсомольский Астраханской обл. в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 16333.

Плахов В.В. Отчет о раскопках участка городища XIII–XIV вв., расположенного у пос. Комсомольский Красноярского р-на Астраханской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. 1989. Р-1. № 116333.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.

Поляков С.П. Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. М., 1973.

Попов А.С. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. N. 3956.

Попов А.С. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. N. 5438.

Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ташкент, 1976.

Рудаков В.Г., Мазур Л.Д. Полуподземный купольный склеп под жилым домом в селе Селитренном // От палеолита до средневековья. Сборник научных трудов памяти Г.А. Федорова-Давыдова. М., 2011.

Скисов С.Ю. Курхана на Нижней Волге // Диалог городской и степной культуры на Евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. 2–6 октября 2011 г. Казань. Астрахань, 2011.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах. М.: Наука, 1981.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Персидские источники. М.;Л., 1941. Т. II.

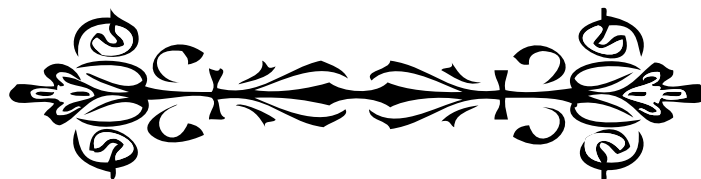
Уссейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

- Федоров-Давыдов Г.А. Отчет о раскопках золотоордынского городища у с. Селитренное Астраханской области в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3909.
- Федоров-Давыдов Г.А. Монгольские завоевания и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-ти томах. М.: Наука, 1981.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика, торговля, быт. М., 2001.
- Федоров-Давыдов Г.А., Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Булатов Н.М. Отчет о раскопках Селитренного городища Астраханской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9275.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1985 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 10766.
- Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Булатов Н.М., Зиливинская Э.Д. Отчет о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11755.
- Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л. Отчет о раскопках на Селитренном городище в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11755, 11755а-в.
- Филиппченко В.В. Отчет о археологических разведках в 1952 г. Астраханским областным краеведческим музеем на территории Каспийского, Лиманского, Красноярского, Харабалинского районов Астраханской области. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1265.
- Хан-Магомедов С.О. Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана // Архитектурное наследство. 1958. № 11.
- Хан-Магомедов С.О. Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана // Архитектурное наследство. 1958. № 11.
- Хан-Магомедов С.О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969.
- Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Берлин-Рига, 1992.
- Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Берлин-Рига, 1996. Ч. I.
- Чеченов И.М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1967. Т. XXV.
- Чеченов И.М. Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата в 1967 г. // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1968. Вып. I.
- Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.
- Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа. М., 1999.
- Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Подземный склеп на городище Нижний Джулат // Проблемы Древней истории и культуры Северного Кавказа. (ред. Р.М. Мунчаев, С.Н. Кореневский). М., 2004.
- Шмерлинг Р., Долидзе В., Бариявели Т. Окрестности Тбилиси. Тбилиси, 1960.
- Шнайдштейн Е.В. Археологические памятники Астраханской области. Астрахань, 1990.
- Щеблыкин И.П., Горчакова Н.Г. Ганджа в XII в. // Архитектура Азербайджана эпохи Низами. М.-Баку, 1947.
- Яблонский А.Т. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды // Вестник МГУ. Серия IX история. 1975. № 2.
- Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Berlin u. Halle, 1812–1814.
- Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln, 1998.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

КНИИ – Кабардинский научно-исследовательский институт
КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
СА – Советская археология (сборник, журнал)
УЗ КНИИ – Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского инсти-
тута
УЗ КБНИИ – Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательско-
го института

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К великому сожалению золотоордынская тематика является не самой разработанной на Северном Кавказе. Как хорошо можно видеть из данной публикации, археологические исследования, хотя и велись на наиболее значимых памятниках, затронули лишь небольшую их часть. Тем не менее, несмотря на ограниченный объем раскопок, они были достаточно результативны, и их материалы позволили пролить свет на многие стороны жизни населения Северного Кавказа в золотоордынский период.

Исследованные памятники монументального зодчества отражают синтез различных культурных традиций, характерный для всего золотоордынского государства. В архитектуре городов Северного Кавказа прослеживаются влияния зодчества Закавказья, Ирана, Средней Азии, Хорезма, Малой Азии, Византии. Культовые памятники свидетельствуют о значительном влиянии на жизнь общества не только мусульманской религии, ставшей государственной в Золотой Орде, но и христианства. Раскопки некрополей дали материал для анализа погребального обряда, связанного с религиозными воззрениями, а также определения этнического состава городского населения. Вещевой материал, найденный при раскопках, свидетельствует о высоком уровне ремесленного производства в городах. Импортные вещи и данные нумизматики позволяют оценить направления и широту связей Северного Кавказа с другими государствами. Анализ динамики монетного чекана помогает обосновать некоторые выводы о влиянии тех или иных политических событий на жизнь Северного Кавказа в золотоордынский период.

На основании проведенных исследований можно говорить о том, что на Кавказе в XIII–XIV вв. существовало три типа городов. Два из них (Верхний и Нижний Джулаты) продолжали существовать на аланских поселениях более раннего времени, но поселения эти были различны. Нижний Джулат в домонгольский период имел четко выраженную трехчастную структуру (цитадель, укрепленная торгово-ремесленная часть и открытое селище). Эта структура сохранилась и в монгольское время, причем наиболее значимые общественные здания (например, Джума-мечеть) строились внутри цитадели.

Верхний Джулат не имел столь выраженной структуры ни в домонгольский период, ни в золотоордынский. Уникальность этого города состоит в том, что здесь на небольшой площади сконцентрированы четыре христианские храма. Подобная ситуация на территории Золотой Орды отмечена пока только в Крыму (Зиливинская, 2014. С. 66–93).

Маджар, расположенный в степной зоне Предкавказья, можно отнести к третьему типу. Как и большинство степных городов Золотой Орды, он был построен на «пустом месте», не имел укреплений и столь четкого членения на части. По своей структуре он более всего близок золотоордынским городам Нижнего Поволжья. Возникнув как скопление отдельных усадеб, и, не имея

ограничивающих их стен, городские кварталы плавно перетекали в сельскохозяйственную округу, в результате чего города достигали значительных размеров. С нижневолжскими городами Маджар связывает не только структурное сходство, но и близость элементов материальной культуры, многие из которых возникли и развивались под сильным влиянием Средней Азии, прежде всего – Хорезма. Таким образом, три крупных северокавказских города являются ярким отражением различных вариантов возникновения и развития урбанистических центров в Золотой Орде.

Вне всякого сомнения, в золотоордынский период в северокавказском регионе существовали и другие города и поселения. Все крупные города имели округу в виде связанных с ними поселений. Неоднократно уже упоминались Верхние и Нижние (Малые) Маджары, расположенные выше и ниже по течению Кумы от Маджара. В последние годы были найдены новые поселенческие памятники, тяготеющие к этому крупному городу, например, «Орловское 1» (Бабенко, 1912. С. 263–264).

В Кабардино-Балкарии кроме Нижнего Джулата известны Урухское селище, Терекское, Хамидиевское, Булунгуевское и Верхне-Чегемское городища (Чеченов, 1969. С. 43, 46, 48, 60, 61). Все они возникли в раннем средневековье и продолжали существовать в эпоху Золотой Орды. Верхний Джулат также, вероятно, имел обширную округу.

В Пятигорье исследованы аристократические некрополи, состоящие из мавзолеев различного типа. Здания были возведены из камня и кирпича и богато украшены цветными изразцами (Ртвеладзе, 1969. С. 260–265; Палимпсестова, Рунич, 1974. С. 229–238). Наличие этих явно не рядовых построек позволило исследователям предположить, что на месте Ессентуков находилось не летнее поселение, а постоянный населенный пункт, названный по имени местного феодала Ессен-туга (Палимпсестова, Рунич, 1974. С. 238). Крупное поселение городского типа было обнаружено возле станицы Старогладовской в Шелковском районе Чечни. Здесь обследованы остатки монументального здания, возможно, мечети (Даутова, 1979; 1980; 1981). На берегу реки Сунжи, в Ачхой-Мартановском районе Чечни также находится несколько поселений золотоордынского времени (Самашкинское, Закан-Юртовское). Они были выявлены Т.М. Минаевой в 1945 г. (Нарожный, 2006. С. 942). В.Л. Егоров в своей сводке золотоордынских городов упоминает еще город Тарки недалеко от Махачкалы (Егоров, 1985. С. 120–121).

Однако, все эти поселения были лишь зафиксированы исследователями, и сколько-нибудь масштабные раскопки на них не проводились. Вследствие этого охарактеризовать как-либо эти населенные пункты невозможно, можно только констатировать их наличие.

Небольшие раскопки были проведены в 2008–2009 гг. на городище Ангелинский Ерик в дельте Кубани. Этот памятник И.В. Волков соотносит с золотоордынским провинциальным городом Шакраком (Волков, 2009. С. 85–92). Здесь была найдена и частично раскопана мечеть (Волков, Лопан, 2009. С. 62–64), однако, в настоящее время эти работы прекращены.

В связи с этим можно еще раз подчеркнуть, что материалы исследований трех памятников, которым посвящены данная работа и очерк В.А. Кузнецова 2014 г., содержат наибольшее количество сведений о городской жизни на Северном Кавказе в XIII–XIV вв. Остается надеяться, что Маджар, Верхний и Нижний Джулаты, а также другие золотоордынские памятники дождутся новых исследователей, работы которых пополнят наши знания об этом предмете.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко В.А. Окрута золотоордынского города Маджара (к постановке проблемы) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы международной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012.

Волков И.В. Возможности локализации золотоордынского города Шакрак // Донские древности. Вып. 10. Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы IV международной конференции, посвященной памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. Азов, 2009.

Волков И.В., Лопан О.В. Мечеть золотоордынского города Шакрака: некоторые наблюдения об истоках культовой архитектуры Золотой Орды // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации» I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 2009.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985.

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Москва-Казань, 2014.

Даутова Р.А. Новые материалы по средневековой археологии Чечено-Ингушетии // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.

Даутова Р.А. Новые данные о средневековых памятниках Чечено-Ингушетии // АО 1979. М., 1980.

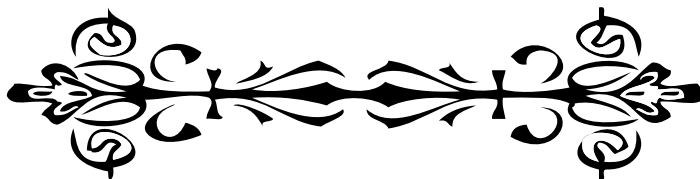
Даутова Р.А. Старогладовское поселение – новый памятник Золотой Орды на Тереке // Археология и краеведение – вузу и школе. Грозный, 1981.

Кузнецов В.А., Милорадович О.В. Археологические исследования в Северной Осетии // КСИА. Вып. 84. М., 1961.

Нарожный Е.И. Самашкинское поселение XIII–XIV вв. (Ачхой-Мартановский район Чечни) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. (XXIV Крупновские чтения. Нальчик, 2006 г.). М., 2008.

Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. О Ессентукийских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА 1974, № 2.

Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (ВВЕДЕНИЕ)	5
МАДЖАР (Э.Д. Зиливинская)	7
1. История исследования Маджара	8
1.1. Средневековые источники	9
1.2. Исследования XVIII в.	10
1.3. Исследования XIX в.	19
1.4. Исследования XX в.	22
2. Пространственные и временные границы существования города	26
3. Состав населения и его занятия	32
4. Жилая застройка Маджара	40
5. Культовые и общественные здания	45
6. Погребальный обряд населения Маджара	56
7. Своеобразие Маджара	59
ИЛЛЮСТРАЦИИ	61
ЛИТЕРАТУРА	103
АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ	107
ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ	107
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	108
НИЖНИЙ ДЖУЛАТ (Э.Д. Зиливинская, И.М. Чеченов)	109
Географическое положение памятника и история его изучения	109
Структура городища	113
Стратиграфия различных частей городища	114
Вал цитадели	115
Мечеть	118
Мавзолей	123
Склепы	125
Грунтовый могильник	132

Жилые и хозяйственные комплексы	134
Занятия населения	137
ИЛЛЮСТРАЦИИ	141
ЛИТЕРАТУРА	174
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	177
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (Э.Д. Зиливинская)	178

Научное издание

МАДЖАР И НИЖНИЙ ДЖУЛАТ.
ИЗ ИСТОРИИ
ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ГОРОДОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Макет и техническое редактирование
И.Х. Кушховой

Корректор
З.В. Черкесова

Художественное оформление
И.Х. Кушховой

Подписано в печать 21.12.15 г. Заказной. Гарнитура Palatino Linotype
Усл. печ. л. 14,8. Тираж 500 экз. (1-й завод – 150). Заказ № 147

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru

The federal state budgetary science establishment
The Kabardian-Balkarian institute of humanitarian research
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin's street
E-mail: kbigi@mail.ru